

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный журнал
Том 5 (71). № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2019

Учредитель – КФУ имени В. И. Вернадского.

Регистрирующий орган – Роскомнадзор.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 1 от 30 августа 2017 г.

Главный редактор – Шоркин Алексей Давыдович, д-р филос. н., проф.,
КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Редколлегия:

Берестовская Д. С.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Вигель Н. Л.	д-р филос. н., проф., РГМУ (Ростов-на-Дону)
Габриелян О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Грива О. А.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Кузьмин П. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Лазарев Ф. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Морозова Е. В.	д-р филос. н., проф., ГПГУ (Краснодар)
Николко В. Н.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Романова А. П.	д-р филос. н., проф., Гуманитарный институт, АГУ (Астрахань)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Карабыков А. В.	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Федорова М. М.	д-р полит. н., Институт философии РАН (Москва)
Юрченко С. В.	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Данченко Н. Ю.

Редактор электронной версии: Ефанов В. Ю.

Техническая корректура: Кузьменко Н. С.

Ответственные за выпуск:

Андрющенко И. А.	к. культурологии, доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Гросфельд Е.В.	к. полит. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Зарапин О.В.	к. филос. н., доц., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Рыскельдиева Л. Т.	д-р. филос. н., проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Контакты редакционного совета серии:

Тел.: +7-978-016-5387 Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: natalya_danchenko@rambler.ru

Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать:

Формат 70х100 1/16 10 усл. п. л. Заказ № НП/78

Тираж: 50 экземпляров (бесплатно)

Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности

КФУ имени В. И. Вернадского

295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского

УДК 177

ПЕРСПЕКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ДИАЛОГИЧНОСТИ. АНАЛИЗ ФИГУРЫ СВОЯК-ВРАГ ЭДУАРДУ ВИВЕЙРУША ДЕ КАСТРУ

Акулинин В.Н.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Email: akulininvn@gmail.com

Работа посвящена проблеме диалогичности. Минувя магистральные направления исследований философии диалога, проблематика настоящей статьи основывается на двойственности фигуры шпиона, в которой проявляется диалогичность. Такой подход позволяет исследовать диалог как философскую практику, акцентировав внимание на диалогичности как свойстве режима практики фигуры (шпиона) с парадоксальной идентичностью.

Особенность фигуры шпиона заключается в существовании двух перспектив. С одной стороны, у шпиона есть Родина, которую он защищает. На территории Родины шпион является «своим». Но чтобы защищать Родину, шпиону нужно покинуть ее и оказаться на территории врага, то есть стать «чужим» своей Родине, и все же остаться ей «своим», чтобы осуществлять шпионаж.

В механике фигуры шпиона обнаруживается диалогичность. Свой и чужой находятся в постоянном диалоге. Идентичность шпиона – это свой-чужой, то есть двойная, парадоксальная идентичность. Исследование основывается на перспективистском подходе бразильского философа Эдуарду Вивейруша де Кастру, а также опирается на перспективистскую философию Фридриха Ницше и делезианскую интерпретацию перспективистской философии Готфрида Лейбница. Возникающее в фигуре шпиона напряжение улавливается перспективистской оптикой исследований.

Шпионская деятельность рассматривается как практика двойной игры. Причем, не в военном или политическом контексте, а в контексте повседневном. Такой ракурс позволяет актуализировать вопрос о диалогичности в широком смысле. Диалогичности как свойстве режима практики, осуществляемого субъектом с парадоксальной идентичностью.

Ключевые слова: диалог, диалогичность, перспективизм, шпион, свой-чужой

Каким образом диалог может быть изучен в качестве философской практики? Как нужно писать исследование о диалоге, если мы стремимся удерживать эпистемологическую перспективу Платона и онтологическую перспективу более поздних исследователей диалога (например, Мартина Бубера или Габриеля Марселя)? Удерживание обеих перспектив необходимо, поскольку они имеют непосредственное отношение к замысленному нами исследованию.

Один из возможных ответов: писать диалогично. Что это значит? Стоит избрать такой метод и такой предмет, которые были бы диалогическими сами по себе. Такое совпадение по принципу диалогичности дало бы возможность провести исследование данного феномена. То есть предметом такого исследования могла бы стать диалогичность. Структура такого исследования была бы схожа со структурой диалога: двое высказывающихся (метод и объект) и пространство между ними, порождаемое их диалогическим отношением (письмо исследования). Под письмом мы имеем в виду написание исследования, то есть его фиксацию посредством создания текста.

При таком подходе к исследованию произойдет процесс интенсификации. Совпавшие диалогически объект и метод создадут напряжение смысла, которое возникает в диалоге, когда направления мысли встречаются в общем пространстве (обсуждаемого сюжета – в диалоге, предмета – в исследовании) и накладываются друг на друга в спектре совпадения/несовпадения. Диалогически устроенный метод будет улавливать диалогически устроенный объект. Таким образом, мы получим исследование диалогического (отношения объекта и метода по предмету диалогичности), проведенного диалогически (сам метод работает диалогически и потому может охватить диалогические отношения).

Итак, если мы хотим исследовать диалог, опираясь на его интенсификационный характер, нам нужно найти векторы совмещения метода и объекта. Если объектом является диалог, а предметом является диалогичность, нужно найти подходящую концептуализацию диалога, которая бы акцентировалась на диалогичности.

Поскольку наше исследование – это исследование диалогического, а не исследования диалога, искомая концептуализация должна быть концептуализацией диалогического. Таким образом, речь должна идти не о какой бы то ни было философии диалога, то есть не о специальной линии мышления о диалоге. Такой подход здесь не годится, потому что диалог в специальном преломлении становится второй стороной диалога, а не партнером по диалогу.

Продуктивным для исследования в этом отношении представляется нестандартный ракурс на проблему. Мы отдаем себе отчет в том, что такой подход должен иметь достаточное основание. В качестве такого основания мы обращаемся к работе Франсуа Жюльена [1], которая предлагает необходимое для нас нестандартное исследовательское решение. Нечто такое, что французский философ назвал «обходным маневром, который, вернее всего, приводит нас к цели» [1, С. 5]. Исходя из логики обходного маневра, мы можем не говорить о диалоге, а говорить диалогично. И в этом говорении исследовать диалогичность. Мы подходим к диалогу не напрямик, мы идем к нему в обход. Диалог должен стать неочевидным предметом размышления, подразумеваемым в подходящей для этого фигуре, которая и будет предметом исследования. Франсуа Жюльен: «когда я высказываю одно, другое оказывается подразумеваемым, высказывая второе, я более глубоко постигаю первое» [1, С. 341]. Высказываться мы будем о фигуре шпиона, подразумевать – диалогическое.

Шпион в данном случае – это концепт. В оперировании с ним мы будем исходить из его логики: субъект выдает себя за того, кем он не является, понимая, что он, действительно, не является тем, за кого себя выдает, но играет роль другого по тем или иным причинам. Специальное понимание шпиона, то есть понимание военного права, будет рассмотрено в статье в качестве одной из онтологий шпиона.

Указанная выше неочевидность здесь заключается в смещении фокуса: с диалога как практики на диалогичность как свойства. Диалогичность, таким образом, должна совпасть по линиям объекта и метода, произведя тем самым интенсификацию в письме. Итак: мы должны найти такую концептуализацию диалогического, которая бы не была очевидной рефлексией о диалоге. Это позволит нам говорить о диалоге, не говоря о нем напрямую.

В качестве такой концептуализации мы избрали перспективизм в его изложении Эдуарду Вивейрушем де Кастру [2]. Исходя из видения Ницше «субъекта как множественности» [3, С. 284] и тезиса о том, что «перспективизм есть только сложная форма специфичности» [3, С. 352], де Кастру разрабатывает свой проект каннибальских метафизик. Этот проект интересен для нас ввиду своей неочевидности как философии диалога и в то же время насыщенности диалогическим. Де Кастру не исследует диалог как таковой. Но в исследовании своего предмета («туземной альтер-антропологии» [2, С. 17]) автор разрабатывает такую концептуализацию, которая отвечает диалогической логике.

Перспективизм в изложении де Кастру в настоящей работе будет использоваться как метод исследования. Он позволит актуализировать процесс смены перспектив, сконцентрироваться на ритмике. Показать динамику диалогического, проявления сторон диалога в этом постоянном смещении [4, С. 33]. Перспективизм будет здесь пониматься как оптика, позволяющая оперировать диалогическим.

Концептуализация диалогического де Кастру будет взята в качестве модели (в терминологии де Кастру – двойника) для исследования диалогического характера номинального предмета исследования – фигуры шпиона и неочевидного предмета – диалогичности.

Метод, объект (номинальный и подразумеваемый), таким образом, располагаются в одном регистре и могут быть восприняты письмом. Теперь нам остается ввести проект интенсификации диалогического в исследовательскую фазу. Но прежде формализуем основные логические позиции исследования. Цель статьи – разработать перспективистский концепт диалогического. Задачи статьи: разработать способ исследования метода и объекта по их предмету; найти такую философскую концептуализацию диалогичности, которая бы не была концептуализацией диалога; исследовать фигуру шпиона в качестве модели диалогического.

Де Кастру пишет о специфических метафизических особенностях амазонских племен. Для нас особенно интересен реляционный статус хищника и добычи [2, С. 22-31] как одно из следствий мультиплатурализма [2, С. 31-42]. Взаимная идентификация хищника и добычи не связана с четкими видовыми особенностями. Иными словами, человек – не всегда охотник, а животное – не всегда добыча. Такое реляционное положение обусловлено видением, согласно

которому природ много (мультинатурализм), а культура одна. «Ягуары видят в крови кукурузное пиво» [2, С. 24], пот333333333ому что ягуары пьют кровь так же, как люди пьют пиво – это общая культурная особенность. Поэтому когда человек выходит на охоту, он является хищником, а ягуар – жертвой. Когда же на охоту выходит ягуар, он становится хищником, За человек становится жертвой. Быть хищником или быть жертвой – это вопрос перспективы.

Интересным следствием такой онтологии является и реляционное отношение в модусе человек – человек. Члены враждебного племени относятся друг к другу как ягуар к человеку, то есть, как хищник относится к жертве. Де Кастру: «на старом тупи для “врага” и “свойка” было одно слово – *tovajar*, что буквально означает “противоположный» [2, С.98]. Основываясь на исследовании де Кастру, можно заключить, что такая лингвистическая экономия не связана со скудностью языка, а проистекает из онтологических воззрений. К схожим выводам приходит другой исследователь амазонских племен Эдуардо Кон: «на языке кечуа пума значит просто “хищник”. Так, енота, охотящегося на моллюсков, называют «чуру пума, то есть хищник, охотящийся на улиток» [5, С. 149], человека-хищника называют «руна-пума» [5, С. 27]. Лингвистически статус хищника может получить каждое существо, которое на кого-то охотится. Но в отличие от де Кастру, хищничество Кона менее диалогично, поэтому его концептуализация не взята за основу настоящей работы, а приводится лишь в качестве примера.

Вернемся к сюжету де Кастру. Выводимая им парадоксальная фигура может существовать лишь благодаря удержанию двух перспектив: свояк и враг. В каждый момент субъект занимает лишь одну из перспектив. Но нахождение именно на этой точке зрения здесь и сейчас обусловлено актуальным отсутствием на другой точке зрения. И все же это отсутствие не исключает эту точку из общей топологии. Своак-враг переключается между перспективами, но это переключение не исключающее, а диалогическое. Вторая точка зрения удерживается, она принимается в расчет, она оказывает влияние. Прибегая к современным концептуальным находкам, мы можем сказать, что эта точка обладает агентностью [6,7].

Хотя точка и не актуализирована, то есть не является той точкой, из которой в данный момент осуществляется зрение, она влияет на точку зрения актуальную, то есть ту, из которой зрение осуществляется в настоящий момент. Это влияние не активно: деактуализированная точка не может завладеть зрением, всецело или его частью, но своим существованием, она делает возможным альтернативную перспективу. Не актуальная точка зрения агентна.

Плененный член вражеского племени, попадающий в племя противника, не является просто чужим. Он становится отчасти своим: «военнопленные...могли долго жить среди последних [тех, кто их пленил – В.А.]...обычно с ними хорошо обращались...было принято давать им женщин племени в качестве жен, так что пленники превращались в свояков...» [5, С. 98]. В этой цитате нас интересуют не отсылки к теории родства Леви-Стросса, а практическая вовлеченность пленника в жизнь своих завоевателей. С ним достойно обращаются, он делит одно жизненное пространство с врагами, он даже пользуется такими привилегиями, как обладание женщинами. Враг становится свояком (пленник становится частью племени), но

становление свояком происходит в горизонте его враждебности (все-таки он пленник). Вспомним слова Делеза и Гваттари: «становление – это акт, при котором нечто или некто все время становится другим, продолжая быть тем, что он есть» [8, С. 205].

Пленный враг не перестает воспринимать свое родное племя как свое, несмотря на то, что сейчас является свояком в другом племени. Он удерживает обе перспективы, потому что одна перспектива питает другую: он пленник именно потому, что он враг этого племени, то есть свояк в другом племени. Пространство вражды между племенами – это пространство связи между двумя перспективами. Племена и их члены находятся в диалогическом состоянии. Они имеют, что сказать (и сделать) другой стороне, отдавая себе отчет в том, что имеют им сказать (и сделать) их враги. Обе стороны информированы относительно позиций друг друга в вопросе взаимного отношения. Также как обе стороны диалога информированы о позиции собеседника по обсуждаемому вопросу. В двойственности обнаруживается странный вид обратной связи. Перспективизм как оптика для диалогического совпала с концептуализацией де Кастру в модели свояк-враг. С помощью полученного сгущения нам остается уловить диалогичность в фигуре шпиона.

Мы будем говорить и шпионе, основываясь на его специальной онтологии. То есть на онтологии, которую может предложить военное право на вопрос о том: как действует шпион? Ввиду характера исследования, мы не будем использовать специальную военную терминологию. Мы ограничимся логикой функционирования фигуры шпиона. Для удобства изложения, мы будем понимать под Родиной территорию, на которой шпион появляется (то есть страну, военнослужащим которой является субъект, который получает задание осуществлять шпионаж). Под Чужбиной – территорию, на которой шпион осуществляет шпионаж.

Шпион – это субъект, который действует на двух территориях. В этом он схож со свояком-врагом. У него есть Родина (как и родное племя у свояка-врага). На ней субъект становится шпионом, то есть принимает двойственность своего положения, вступает во внутренний диалог. Он понимает, что остаться своим Родине, физически оставаясь на ней, невозможно (член родного племени вынужден вступить в столкновение с членами другого племени, чтобы защитить свое племя). Для того, чтобы быть шпионом, субъекту нужно покинуть Родину и обосноваться на Чужбине, у врага. Де Кастру: «он [шпион – В.А.] воспринимает себя как субъекта, начиная с того момента, когда видит себя самого глазами своей жертвы [Чужбины – В.А.]» [2, С. 101]. Далее для удобства соотнесения свояка-врага и шпиона пространство Родины будем называть «своими», пространство Чужбины – «чужими».

Оказавшись среди чужих, шпиону нельзя забывать о том, что они – чужие. Если он перестанет воспринимать чужих как чужих и станет воспринимать их как своих, он перестанет быть шпионом (поскольку одна из перспектив перестанет быть удерживаемой) и станет предателем. Он предаст своих. Те, кто были своими, станут для него чужими. Те, кто были чужими, станут своими. Но предатель, в отличие от шпиона, уже не может функционировать в режиме «свой-чужой». Он не удерживает обе перспективы – одной из перспектив отказано. Его идентичность однозначна: он

отказался от прежних своих. Прежние свои маркируют его как предателя, то есть больше не рассчитывают на него. Нынешние свои, в пользу которых было совершено предательство, также не могут рассчитывать на него в секретных операциях, потому что его статус раскрыт. Предатель теряет диалогичность.

Вернуть диалогичность предателю позволит перевербовка. Перевербовка – это ситуация, при которой враг уличает субъекта в шпионаже и предлагает ему шпионить для тех, кто его раскрыл. По сути в этом случае шпион становится шпионом наоборот. Это тоже будет предательством по отношению к прежним своим, но в отличие от фигуры предателя, фигура перевербованного шпиона не раскрыта, поэтому прежним своим о предательстве неизвестно. При перевербовке отношений свой-чужой переворачивается. Это первая перспектива.

Вторая перспектива. Шпиону нельзя относиться к чужим как к чужим. Ведь ему необходимо интегрироваться в пространство чужих для того, чтобы начать шпионаж: сбор сведений, подрывную деятельность. Ему нужно принять правила игры чужих, мыслить так же, как они, чтобы участвовать в языковых играх, транслировать правильные паттерны поведения и выносить правильные суждения. Шпион должен уловить аутентичность чужих, но не потерять аутентичности своих. Де Кастру: «в жертве усваивались именно знаки ее инаковости, а целью была инаковость как точка зрения на Себя» [2, С. 100]. Шпиону нужно быть своим среди чужих, но в то же время не становиться чужим своим. С практической точки зрения это значит, что каждая интеракция шпиона рассматривается им как действие своего чужим и поэтому не чужого своим.

Первая перспектива – стать своим чужим. Вторая перспектива – не стать чужим своим. Ни одна из перспектив не может навязать свое видение другой без того, чтобы не разрушить диалог. По Ницше, воля к власти одной перспективы толкает ее на расширение в сторону другой, захват другой. Если такой захват невозможен, две силы объединяются, чтобы следовать далее в общем русле. В диалогическом отношении захват становится невозможным, а слияние есть форма. Отказ от одной из перспектив толкает к растворению диалогичности. Положения перспектив схожи с положениями маятника по разные стороны от центра, состояния покоя. Пространство колебания едино.

Шпион – это свой-чужой. Причем никто, кроме шпиона, не может доподлинно знать, кто он сейчас на самом деле: свой или чужой. Родина может подозревать в двойной игре (может, его уже перевербовали?), Чужбина может подозревать в шпионаже (может быть, он только притворяется "нашим человеком", а на самом деле он – враг?). В обоих случаях свойскость (свойство того, кто является своим) шпиона может быть поставлена под сомнение. Такова его парадоксальная механика. Шпион диалогичен и потому подвижен.

Обратимся к некоторым концептам. Двойственная идентичность шпиона (настоящая и, как бы мог сказать Ирвин Гофман, – сфабрикованная [9, С. 217 - 269]) подразумевает неопределенность. Поэтому мы не можем говорить о «зависимости точки зрения от предварительно определенного субъекта: наоборот, субъектом становится тот, кто в точку зрения попадает» [10, С. 35].

Здесь мы используем интерпретацию перспективистской философии Готфрида Лейбница Жилем Делезом. Но делаем это до определённого предела: мы хотим показать отношение точки зрения и субъекта, её занимающего в контексте нашей темы: фигур свояка-врага и своего-чужого. Мы хотим показать то, как это отношение возможно помыслить.

В точке зрения обретается субъектность. Именно нахождение в той, а не иной точке зрения, даёт чёткое восприятие перспективы, открывающейся с этой точки зрения [11, С. 33]. «Точка зрения глубже, чем тот, кому она принадлежит»[11, С. 32], таким образом, «именно точка зрения эксплицирует субъект, а не наоборот»[11, С. 32]. Субъект появляется в точке зрения и действует в ней. Но в определённой точке зрения появляется определённый субъект. «А из чего создаётся точка зрения? Она зависит от пропорции региона, выражаемого индивидом ясно и отчётливо, по отношению к тональности мира, выражаемой смутно и беспорядочно. Вот она, точка зрения»[11, С. 34]. То есть стоять на той или иной точке зрения, значит иметь ту или иную перспективу на мир. Мир выглядит по-разному с точки зрения, занимаемой своим и чужим, своим и врагом. Перспективы отличаются. Но субъект имеет представление о многих перспективах, он знает, что их больше одной. Субъект удерживает существование разных перспектив, но с разной степенью четкости. В нашем случае, степени четкости – это возможные и невозможные режимы осуществления себя: действовать как «свой» или действовать как «чужой». Стоя на одной точке зрения, можно быть «своим», стоя на другой – быть «чужим». Эти точки зрения отсылают к месту: территории Родины и территории Чужбины. Само место нахождения субъекта, то есть точка зрения детерминирует функционирование того или иного режима. На этом месте мы остановим обращение к интерпретации лейбницанской философии Делезом, поскольку нашей целью было показать детерминацию субъекта точкой зрения.

В своей практике (в четком отражении того или иного региона мира или вовлеченности в ту или иную практику, делания определенных вещей определенным образом) шпион актуально укоренен в какой-то из перспектив, но в то же время он удерживает и другую. Агентность шпиона режимна, то есть шпион обладает пластичностью. Он может работать по-разному внутри пространства своих внутренних режимов.

Шпион активно реализует присущее человеку свойство, которое Жан-Мари Шеффер называет «индивидуальной пластичностью – то есть приспособлением благодаря когнитивно-социальным стратегиям»[12, С. 162]. А Катрин Малабу указывает на амбивалентный потенциал пластичности[13, С. 30]. С одной стороны, на способность принимать любую форму (в нашем случае, переключаться между режимами свой-чужой – быть своим или быть чужим). Иметь определённую форму, это значит быть вписанным в установленный порядок: идеологический, практический, культурный и так далее. Наделить себя всеми теми маркерами, по которым определяется форма субъекта в определённом пространстве. И, с другой стороны, уничтожения всякой формы (подрывная деятельность шпиона на территории врага). Катрин Малабу говорит в этом отношении о пластичных взрывчатках. Подобно тому, как взрыв уничтожает форму, шпион стремится

уничтожить территорию врагов, будто бы взорвав себя как взрывчатку (то есть произведя какие-то действия, нарушающие корректное функционирование режима практик врагов), заложенную внутри вражеской формы. Пластичный субъект способен на «онтологический взрыв» [13, С. 98], делающий возможным «переход от одного порядка к другому, от одной организации или от одной данности к другой» [13, С. 98].

Так же, как и свой-чужой (шпион), свояк-враг пластичен. Он принимает форму и он готов взорвать ее. В отношении взрыва формы может быть упомянут фрагмент из исследования де Кастру. Его суть заключается в том, что предназначенный для поедания враг не страшится своей участи. Напротив, в период нахождения в чужом племени он насмехается над врагами. Такая возвышенная позиция объясняется перспективистски: пленник полагает, что вкусившие его плоти враги через поедание его (врага) будут поедать своих сородичей. То есть тех, кто до этого был съеден как враг в племени того, кто теперь является их пленником. Уничтожить форму (врага) в данной перспективе попросту невозможно, потому что само её уничтожение есть и её взрыв – то есть уничтожение формы тех, кто поедает. Ведь, по сути, они поедают сами себя (то есть своих предков, чья символическая плоть теперь это плоть их врага). В этом перспективистском видении обнаруживает себя символическое понимание практики каннибализма у де Кастру.

Завершая исследование, подведем основные итоги и попытаемся обозреть ту перспективу, которая открылась в ходе работы. Свой-чужой и свояк-враг одинаково справляются с двусмысленностью, порождаемой существованием двух перспектив. Внутренний диалог субъекта, который обосновывает необходимость умножить себя на два, то есть получить произведение свой-чужой, выстраивается сходным образом у того, кто является шпионом и у представителей амазонских племен, исследуемых де Кастру. Разные онтологические измерения обнаруживают общее в свойстве диалогичности и ритме мышления – перспективизме.

Это совпадение механик диалогичности своего-чужого и свояка-врага позволяет говорить об интенсификации. Смещение фокуса с диалога как практики на диалогичность как свойство двойственных фигур (сваяк-враг, свой-чужой), позволило нам отойти от магистрального вектора философии диалога и проследовать по утечке диалогичности как способа философской практики. Предложенный в статье подход может быть использован в исследованиях других двойственных фигур. То есть для тех концептов субъекта, которые функционируют перспективистски: переключаются между двумя перспективами. Возможно, этот подход может быть использован и для концептов субъекта, включающих более двух перспектив. В таком случае, топология точек зрения будет расширена. Однако, можем предположить, что философия перспективизма сможет предоставить достаточно интеллектуальной интенсивности для того, чтобы исследовать тех, кто «общается по краям, общим у которых является только то, что их разделяет» [2, С.40].

Список литературы

1. Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции/ Ф. Жюльен; пер. с фр. – М.: Московский философский фонд, 2001. – 359 с.

2. Кастру Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / Э. Кастру; пер. с фр. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 200 с.
3. Ницше Ф. Воля к власти/ Ф. Ницше; пер. с нем. – М.: Эксмо, 2017. – 608 с.
4. Бирнбаум Д. Хронология/ Д.Бирнбаум; пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 116 с.
5. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека/ Э. Кон; пер. с англ. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 344 с.
6. Барад К. Агентный реализм // Опыты нечеловеческого гостеприимства: антология. Под ред. М. Крамар, К. Саркисова; пер. с англ. – М: V-A-CPress, 2018. Сс. 42 - 122.
7. Беннет Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / Дж. Беннет ; пер. с англ. – П. : Гиле Пресс, 2018. – 220 с.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Ж.Делез, Ф.Гваттари; пер. с фр. – М.: Академический проект, 2009. – 261 с.
9. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; пер. с англ. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
10. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Ж. Делез; пер. с фр. – М.: Издательство Логос, 1997. – 244 с.
11. Делез Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87 / Ж.Делез; пер. с фр. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 376 с.
12. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / Ж.-М. Шеффер; пер. с фр. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 392 с.
13. Малабу К. Что нам делать с нашим мозгом? / Малабу К; пер. с фр. – М.: V-A-CPress, 2019. – 112 с.

Akulinin V.N. Perspective Approach to Research of Dialogicity. Analysis of Figure Own-alien Eduardo Viveiros De Castro // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 3–12.

The work is devoted to the problem of dialogue. Passing the main directions of research in the philosophy of dialogue, the problematic of this article is based on the duality of the spy figure, in which the dialogue is manifested. Such an approach makes it possible to explore dialogue as a philosophical practice, emphasizing dialogue as a property of the mode of practice of a figure (spy) with paradoxical identity.

The peculiarity of the spy figure is the existence of two perspectives. On the one hand, the spy has a homeland that he protects. On the territory of the motherland the spy is "own". But in order to defend the Motherland, the spy needs to leave it and find it in the territory of the enemy, that is, to become "alien" to his Motherland, and yet remain "own" to him in order to carry out espionage.

In the mechanics of the figure of a spy, dialogue is revealed. Own and alien are in constant dialogue. The identity of the spy, it is own-alien, that is, a double, paradoxical identity. The study is based on the perspective approach of the Brazilian philosopher Eduardo Viveiros de Castro, and also relies on the perspective philosophy of Friedrich Nietzsche and the delezian interpretation of the perspective philosophy of Gottfried Leibniz. The tension arising in the figure of the spy is captured by the perspective optics of research.

Spying is considered to be a double play practice. And not in a military or political context, but in the context of everyday life. Such a view makes it possible to actualize the question of dialogue in a broad sense. Dialogicity as a property of the practice regime is carried out by a subject with paradoxical identity.

Keywords: dialogue, perspectivism, spy, own-allien

References

1. Julien F. Put k tceli: v obhod ili napriamik. Strategia smisla v Kitae I Grecii [Path to the Goal: Bypassing or Straight. Sense Strategy in China and Greece]. Moscow Philosophical Foundation, 2001, 360 p.
2. Castro E. Kannibalskie metaphiziki. Rubezhi poststrukturnoj antropologii [Cannibal Metaphysics. Frontiers of Poststructural Anthropology]. Moscow, Ad Marginem Press, 2017, 200 p.

3. Nietzsche F. Volja k vlasti [The Will to Power]. Moscow, Eksmo, 2017, 608 p.
4. Birnbaum D. Hronologja [Chronology]. Moscow, New Literary Review, 2007, 116 p.
5. Kohn E. Kak misljat lesa. K antropologii pot u storonu cheloveka [How Forests Think: Toward an Anthropology beyond the Human]. Moscow, Ad Marginem Press, 2018, 344 p.
6. Barad K. Agentnij realism [Agent Realism] // Obiti nechelovecheskogo gostepriimstva: Antologija [Experiences of inhuman hospitality] Moscow, V-A-C, 2018, p. 42 - 122.
7. Bennet J. Pulsiruyushaja materija: Politicheskaja ekologija veshej [Pulsating Matter: The Political Ecology of Things]. Perm, Hyle Press, 2018, 200 p.
8. Deleuze J., Guattari F. Chto takoe filosofija? [What is Philosophy?]. Moscow, Academic project, 2009, 261 p.
9. Hoffman I. Analiz frejmov: esse ob organizacii povsednevnogo opita [Analysis of Frames: an Essay on the Organization of Everyday Experience]. Moscow, Institute of Sociology RAS, 2003, 752 p.
10. Deleuze J. Skladka. Lejbniz i barokko [Fold. Leibniz and Baroque]. Moscow, Logos Press, 1997, 244 p.
11. Deleuze J. Lekzii o Lejbnize. 1980, 1986/87 [Lectures on Leibniz. 1980, 1986/87]. Moscow, Ad Marginem Press, 2015, 376 p.
12. Scheffer J.-M. Konec chelovecheskoj iskljuchitelnosti [The End of Human Exclusivity]. Moscow, New Literary Review, 2010, 392 p.
13. Malabou K. Chto nam delat s nashim mozgom? [What Do We Do with Our Brain?]. Moscow, V-A-C Press, 2019, 112 p.

УДК 17.03

НРАВСТВЕННЫЙ РАССУДОК (АНТРОПОЛОГИЯ МОРАЛИ)

Воеводин А.П.

г. Луганск

E-mail: yoevodin.47@mail.ru

В дискуссиях о сущности морали серьезной критике подвергается статус этики как науки, акцентируется неадекватность ее отстраненно-теоретической рациональности непосредственно-чувственному предмету исследования, вплоть до утверждения Л. Витгенштейном фактической бессмысленности этических оценочных суждений. Сомнение в научной состоятельности этической рациональности обостряет вопрос о практической значимости этического знания, возможностей его применения в практике непосредственного регулирования нравственного поведения людей. отождествляя мораль с субъективным принятием решения, современная этика растворяет мораль во всем многообразии видов человеческой деятельности, лишает мораль собственного предметного содержания, а потому не может непротиворечиво объяснить специфику собственно морального образа, своеобразие его нравственного ценностного смысла. Альтернативой теоретико-этической рациональности (*episteme*) является рассудительность или практическая рациональность (*fronesis*), которую в сфере морали представляет «нравственный рассудок» как непосредственное знание индивидом себя, нравственного смысла своих собственных чувственно-моральных состояний. Функциональная роль нравственного рассудка проявляется в понятийном моделировании объективных оснований нравственного конфликта и возможных вариантов разрешения нравственных конфликтов, усилении нравственной стойкости, исправлении ложных нравственных оценок и разрушении ложных нравственных чувств, а также в нравственной софистике и морализаторстве.

Ключевые слова: этика, этическое суждение, нравственный образ, нравственный смысл, нравственный рассудок, морализаторство.

В предыдущих статьях¹ мы отмечали теоретическую беспомощность отвлеченно-беспристрастной эпистемологической рациональности в этических исследованиях и важность понимания роли нравственных чувств в регулировании моральных взаимоотношений людей в обществе. Главная задача антропологии морали, на наш взгляд, состоит в теоретическом объяснении очевидного для непредвзятого наблюдателя факта - моральная регуляция — это преимущественно эмоциональная регуляция. Игнорирование этого факта ведет к устранению реального предмета исследования и вынужденной подмене его схоластическими

¹ См. Воеводин А.П. Понятие морали (теоретические тупики рационализма в этике) / Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: Философия. Политология. Культурология. Том 5 (71). 2019. № 1. С. 3–12; также см. Воеводин А.П. Понятие морали (парадоксы морального добра или роль нравственных чувств в моральной регуляции) / Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: Философия. Политология. Культурология. Том 5 (71). 2019. № 2. С. 3–13.

спекуляциями, что обнаруживается во многих современных этических концепциях, в которых мораль отождествляется с субъективной способностью принятия решений, что, в свою очередь, растворяет мораль во всем многообразии видов человеческой деятельности, делает сферу морали во многом неопределенной. Важное дополнительное замечание также связано с уточнением способа и ограничением предмета моральной регуляции. Вопреки весьма распространенному и, на наш взгляд, безосновательному мнению сциентистски ориентированного этического знания моральная регуляция не является всеобщей и не охватывает все виды деятельности человека. Непосредственным содержанием морального образа и собственно морального поступка является не любая человеческая деятельность, а преимущественно случайные конфликты интересов людей, причем не все конфликты, а только такие, которые могут быть разрешены посредством добровольного самопожертвования индивидом своего интереса в пользу чужого (общественного) интереса. При этом искренне моральное самопожертвование следует отличать от связанного с лицемерным самоограничением вежливого поведения или этикета.

В процессе решения основной загадки морали – загадки моральной нормы: «Почему люди ее выполняют, если она противоречит личному интересу?» и «Каким образом у людей появляется представление о конкретной моральной норме?» - в указанных выше статьях нами был сделан вывод, что моральные нормы (или, что то же самое, моральные образы, моральные представления о способе разрешения конфликта) существуют в сознании субъекта двояко: в виде нравственных чувств и в виде логических абстракций. Рационально артикулируемые моральные нормы – это правила (императивные указания) морального поведения – не воруй, не лги, не завидуй, трудись добросовестно, заботься о младших, помогай старшим и пр. Обобщая античную традицию этики благоразумия, Аристотель полагал, что моральные нормы могут быть только запретительными, то есть ограничивающими личный интерес, эгоистические побуждения индивида. Но почему человек подчиняется им и, вообще, как он о них узнает? Выучить их невозможно, да и специального учебника нет. Попытки вербально зафиксировать нормы морали в кодексах и системах предписаний неоднократно имели место в истории (рыцарский кодекс, дворянская мораль, религиозная мораль). Но разве не были столь же распространенными их систематические нарушения? Невозможно раз и навсегда установить единые нормы для множества людей, живущих в разные времена и в разных культурах. Многие из действующих норм и вовсе неизвестны людям, рационально не осознаются ими. В лучшем случае об их существовании мы узнаем при восприятии произведений искусства, в которых художники в нерациональных актах художественной интуиции эстетически моделируют нравственные коллизии, пытаясь предугадать социально оправданные способы их разрешения.

Причина отсутствия единых моральных норм до банальности очевидна: справедливая граница самопожертвования и размежевания интересов постоянно колеблется. Даже в самых простых, казалось бы, ситуациях конфликта интересов, таких как, например, при столкновении двух людей «в дверях» - кто из них пройдет первым, а кто уступит дорогу встречному - справедливую норму невозможно

установить заранее, а тем более «раз и навсегда». Конкретное содержание моральной нормы изменяется вслед за уникальностью конфликта интересов, который человек непосредственно рефлектирует и переживает с помощью нравственных чувств.

Нравственные чувства выполняют решающую роль в стимулировании нравственного поведения людей. Тем не менее, они являются несовершенным регулятором, поскольку во многом зависят от психологического состояния и телесного здоровья индивида, допускают элемент случайности и ошибки нравственной интуиции. Нравственные чувства хороши лишь в стандартных и простых ситуациях. Это значит, что нравственная интуиция бывает недостаточной в двух случаях: 1) когда мы не можем разобраться в своих чувствах из-за сложности ситуации и не можем определить ее характер (как справедливо рассуждает Аристотель, не всегда легко решить, что делать – отдать долг или выкупить отца из рабства: «следует ли выкупленному у разбойников в свою очередь выкупить освободителя, кем бы тот ему не был, или отплатить ему, даже не попавшему в плен, но требующему воздаяния, [когда] выкупить нужно отца?» [1, с. 246-247]) и 2) когда характер ситуации нам ясен, но мы не можем заставить себя действовать в соответствии с требованием нравственного чувства (ярким примером здесь может быть художественное моделирование граничащей с нравственной безответственностью нерешительности переводчика Андрея Бузыкина в фильме Г. Данелия «Осенний марафон»). В таких случаях человек прибегает к помощи особой формы рациональности, которую по типу знания Аристотель в «Никомаховой этике» обозначает как *fronesis* – рассудительность. Аристотель утверждает, что в отличие от созерцательности *sophia*, которая в переводе означает «теоретическую мудрость», *fronesis* связан с целеполаганием, сопровождает активную деятельность людей, поэтому такой способ рационального мышления он определяет как «практическую мудрость». По мнению Аристотеля, в сравнении с отвлеченным теоретическим разумом (*sophia, nous*), рассудительность, имеет дело не столько с общим, сколько с частным, «потому что она направлена на поступки, а поступок связан с частными [обстоятельствами]» [1, с.180; 9].

Как видим, Аристотель выделяет разные типы знания и, соответственно, типы рационального мышления. Он настаивает на принципиальном отличии *fronesis* от *episteme* (*theoria*) и *techne*. В его понимании *fronesis* - это такая мудрость, которая позволяет нам «разумно принимать решение (*to eu boyleyesthai*)» [1, с.180] «в связи с благом и пользой для человека» [1, с.176]. Если по типу знания теоретическая *episteme* направлена на познание всеобщего мирового строя вещей и представляет собой предельно обобщенную родо-видовую схему устройства мира, универсальное и внеконтекстуально-сущностное знание, для которого познание является самоцелью, «знанием ради знания» (в современной науке ему соответствует естественнонаучный тип мышления), а *techne* представляет собой рецептурно-технологические схемы целесообразных способов изменения и производства вещей, касается внешне ориентированной практически-целесообразной деятельности, где предметы труда существуют независимо от создателя (что впоследствии оформляется в технократический или инженерно-технический тип мышления), то

fronesis, как собственно гуманитарный тип мышления, появляется вместе с саморефлексией, со способностью индивида осознавать чувственно переживаемый социально-нравственный смысл своего поведения, направлен на руководство социальными поступками (praxis) самого индивида и как рациональный инструмент «свободной воли» «творит человека» в качестве самостоятельного нравственного и разумного существа.

Применительно к морали рассудительность или, в нашем понимании, нравственный рассудок это такая специфическая форма рациональности, где знание не может предшествовать непосредственному опыту, а есть знанием индивидом себя, осмыслением своих чувственных состояний и поэтому, в отличие от демонстративного научного, обладает непосредственной убедительностью, так как находит себя согласующимся с самим собой, с чувственным опытом собственной деятельности и восприятия мира. В свою очередь, это знание не может служить средством (руководством к действию) для получения нового знания. Оно строится по правилам, которые применимы только для него самого. Это знание особого рода. Оно удивительным образом охватывает и цель, и средство, отличаясь в этом смысле от знания рецептурно-технологического и отвлеченно-эпистемологического, ибо эмпирически-непосредственное (чувственное) состояние субъекта, которое разум категоризирует, является для него, одновременно, и средством вхождения в субъективно-значимый мир смыслов культуры, и конечной целью моральной рефлексии. Нравственный рассудок как бы встроен в непосредственную экзистенцию человека. В рассудительности то, что называют мышлением, волей, рефлексией выступает одновременно и средством и целью, наблюдает все оттенки собственного самочувствия и, тем самым, служит развитию самого себя посредством развития наблюдаемого и категоризируемого им же собственного чувственного состояния. Синкретически объединяя и созерцающий себя разум, и непрерывную оценку, и креативный посыл, и чувственную волю, рассудительность является самодостаточной и неостановимой движущей силой собственного развития. Здесь объект и субъект, причина и следствие неразличимы, все время меняются местами, являются «перевертышами», «оборачиваются». [2, с. 118].

Таким образом, объяснение нравственных событий с точки зрения естественнонаучного (theoria, episteme) или технократического (techne) мышления совершенно бессмысленно, поскольку такое объяснение движется по внешней, предметно-сюжетной стороне события и не затрагивает собственно нравственные смыслы человеческих поступков – это все равно, что поверять алгеброй гармонию или объяснять данный текст особенностями бумаги, знаков, краски, печатающего устройства. Теоретико-эпистемологические понятия и принципы организации мышления настолько безразличны к содержанию нравственных коллизий, что самоуверенно-безапелляционные попытки их применения к анализу непосредственной нравственной практики всегда были безуспешными и в реальной практике народом никогда не одобрялись, более того, даже получили категорический запрет на их применение, что в просторечии нашло свое оформление в нравственном табу - «не философствуй». Рассуждающему на темы морали постоянно нужно иметь в виду, что нравственное содержание мышления,

как, впрочем, и сама мораль, не существует где-то отдельно, как внешний самостоятельный предмет, вне самого рассуждающего на темы морали, человека и поэтому к нему неприменимы привычные дистантные объект-субъектные отношения теоретической эпистемологии или нормативно-технологические рецепты технократического мышления.

Начиная с рационально-теоретических ограничений в этике Аристотеля, указанный парадокс «теоретической безрассудности этической мысли» неоднократно отмечался в литературе по этике и эстетике (И. Кант даже придумал его афористичную формулу - «разумное безумствование»), но особенно обстоятельно исследовался в работах Дж. Мура [3] и Л. Витгенштейна [4]. Безуспешно пытаясь втиснуть в привычный (эпистемо)логический масштаб этические суждения, австрийский философ был вынужден констатировать несостоятельность такого рода попыток: «мы до сих пор не преуспели в обнаружении правильного логического анализа того, что подразумеваем в наших этических и религиозных выражениях. То есть сейчас я понимаю, что данные предложения оказались бессмысленными не в силу того, что я не подобрал для них правильного [лингвистического] выражения, а потому что бессмысленность была самой их сущностью...» и далее категорический вывод: «Этика... не может быть наукой» [4, с. 245-246]. В его представлении «Этика же, если таковая возможна, сверхъестественна...» [4, с. 241].

Суть обозначаемой Витгенштейном проблемы состоит в следующем. В лекции «Об этике» он выделяет два смысла употребления этических терминов — относительный и абсолютный. С этой целью им приводятся различные определения этики и акцентируется внимание на том, «что каждое из них в действительности употребляется в двух сильно различающихся смыслах. Один из смыслов я назову тривиальным или относительным, а другой — этическим или абсолютным смыслом» [4, с. 239]. Относительный смысл, по его утверждению, связан с функциональной оценкой фактов жизни: «хороший стул» - то есть служащий установленной цели; «хороший пианист» - умело играющий сложные произведения; «правильная дорога» - то есть, ведущая к цели. Подобные выражения им определяются как ценностные суждения о фактах: «все суждения об относительной ценности можно представить просто утверждениями о фактах, никакое утверждение о фактах никогда не может быть (или же означать) суждением об абсолютной ценности» [4, с.240]. «Используемые подобным образом, эти выражения не создают каких-либо сложных или глубоких проблем. Но в этике они употребляются иначе» [4, с.240], в абсолютном смысле. Например, «нам совершенно ясна бессмысленность разговоров о правильной дороге отдельно от такой цели» [4, с.241].

Обнаруженное несоответствие функциональной и этической оценок Витгенштейн пытается интерпретировать как неудавшееся сравнение: «когда мы говорим: «это хороший парень», то хотя слово «хороший» здесь и не обозначает того же самого, что и в предложении «это хороший футболист», однако кажется, будто имеется сходство. И когда мы говорим: «Жизнь этого человека была ценной», мы имеем в виду не тот же самый смысл, который был бы присущ нашим

разговорам о ценных ювелирных изделиях, но все же нам представляется, будто имеет место определенная аналогия» [4, с.243]. Но «как только мы попытаемся отбросить сравнение и прямо утверждать стоящие за ним факты, то обнаружим, что таких фактов нет. И то, что вначале показалось сравнением, теперь окажется просто бессмыслицей» [4, с.244].

В согласии с традициями логического позитивизма Л. Витгенштейн обращает внимание на то, что абсолютное ценностное суждение не может вытекать из научного утверждения о фактах. В рамках беспристрастной эпистемологии это может казаться бесспорным, однако бесспорным является и то, что представление о какой бы то ни было ценности или вредности устанавливается в результате оценки вещей и событий только в контексте целесообразной ситуации, и, прежде всего, в контексте практической деятельности, ибо в масштабах родовидовой классификации теоретической логики — это сделать невозможно. Поэтому относительный (читай аксиологический) смысл ценностного суждения «хороший пианист» также обусловлен «фактическим», в определении Витгенштейна, а по сути, каузальным отношением оцениваемого человека к практическим целям или социальным функциям – «умело исполняет сложные произведения». Устранение цели разрывает логическую связь причины и следствия, делает подобную оценку бессмысленной, что он и пытается продемонстрировать, употребляя выражение «хороший человек».

Но что же в таком случае означает или выражает «абсолютное» ценностное суждение? Опыт исследования подобного рода суждений, как известно, был специально и обстоятельно предпринят И. Кантом в его «Критике способности суждения», в которой он, во-первых, обосновывает мысль о том, что «объективная целесообразность бывает или внешней, т.е. полезностью, или внутренней, т.е. совершенством предмета» [5, с. 230], а во вторых, указывает на то, что кроме объективной есть еще и субъективная целесообразность, суждение о которой «имеет своей основой только форму целесообразности предмета (или способа представления о нем)» [5, с. 223] безотносительно к какой бы то ни было цели и которое не перестает при этом быть и фактическим, и осмысленным. С этой точки зрения аргументация Л. Витгенштейна по поводу абсурдности «абсолютного» ценностного суждения выглядит опрометчиво поверхностной и недостаточно продуманной.

Вдобавок к этому, теоретическая ошибка Л. Витгенштейна, на наш взгляд, состоит в том, что он не различает два принципиально различных ценностных смысла понятий «добра» и «зла» - изначально утилитарного (функционального, практического, эгоистического, добра как богатства, личного блага) и производного нравственного (гуманистического, чужого, всеобщего блага²). Л. Витгенштейн не принимает во внимание, что к человеку можно относиться не только как к средству

² Подробнее см.: Воеводин А.П. Понятие морали (Парадоксы морального добра или роль нравственных чувств в моральной регуляции) / Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского: Философия. Политология. Культурология. Том 5 (71). 2019, № 2, с. 8.

по логике внешней фактической целесообразности (хороший пианист), но и как к цели, по логике внутренней (хороший человек) и субъективной (прекрасный человек) целесообразности. Напомним, что у греков подобное совпадение добра и красоты понималось как объективно существующее и называлось калокагатией. В данном случае суждением нравственного рассудка «хороший человек» устанавливается (или определяется) ценность собственно человеческой способности индивида быть человеком, т.е. относиться к другим «по-человечески»; оценивается его способность к самопожертвованию, умение уважать чужие интересы и заботиться о них как о своих собственных. С этим трудно спорить. Но вопрос здесь в том, как мы определяем эту способность, а еще сложнее вопрос о том, как, какими средствами мы оцениваем эту способность быть человеком.

Умение двигаться «по-человечески» означает не что иное, как умение двигаться по законам чуждого организму человека вещей, в том числе и по законам чужого человеческого тела, нравственное умение «жить» чужими интересами, любить и стремиться к удовлетворению их. А это, как мы уже установили ранее, можно сделать только с помощью нравственных чувств. Именно «чувства или ощущения становятся у человека особым средством (инструментом) переживания ценности» [6, 62]. Поэтому одно из возможных решений парадокса этических суждений состоит в том, чтобы признать, что категории этики представляют собой не определения внешних предметов или обстоятельств жизни, а являются названиями нравственных чувств, наших собственных эмоционально-оценочных состояний по поводу типических объективных нравственных ситуаций, то есть поступков своих и поступков других людей. Нравственное добро, зло, справедливость бессмысленно искать где-то вне человека – это сформированные под давлением культуры и общества его личные переживания чужих (общественных) интересов: нравственное добро это радость при созерцании чужого благополучия (удовлетворения общественного интереса), а нравственное чувство зла это страдание при виде чужой беды. Отсюда, суждение «хороший (плохой) человек» означает чувство удовольствия (неудовольствия) от нравственной оценки индивида как соблюдающего (или попирающего) нравственные требования (общественный интерес). Нравственный рассудок, как способ «бытия разума в чувстве», представляет собой особую форму ценностного суждения, непосредственным предметом и содержанием которого является оценка соотношения интересов с точки зрения гуманистических идеалов, представления о Человеке как цели исторического развития. А в силу того, что интересы представлены в психике в виде эмоциональных притязаний, конфликт интересов осознается нами, прежде всего, как эмоциональный конфликт эгоистических и нравственных побуждений.

Таким образом, структура суждения нравственного рассудка представляет собой суждение о себе, о своем чувственном состоянии по поводу поступков (интересов) других людей. Поэтому, кроме феноменологического описания структуры нравственного чувства логическому анализу подлежит не столько объективное устройство вызвавшего чувство объекта, сколько его значимость по отношению к целям социального развития, что в психике индивида субъективно

осознается в виде соотношения личных и общественных интересов. А поскольку интересы людей соматически репрезентированы в сознании эмоциональной окраской когнитивных образов, то ценностная рефлексия и нравственный смысл соотношения личных и общественных интересов индивидом осуществляется в контексте сопоставления личного (утилитарного, эгоистического интереса) чувства добра и нравственного (чужого, общественного интереса) добра.

Ключевая задача здесь состоит в преодолении предвзятого мнения о субъективизме индивидуального суждения и обосновании объективности нравственной оценки, которая осуществляется посредством нравственных чувств. Ранее И. Кант обстоятельно доказывал всеобщность и необходимость личных ценностных суждений [5, с. 212–222, с. 242–245], однако его аргументация по сей день остается мало востребованной, поскольку противоречит поверхностным наблюдениям обыденного сознания. Последним акцент делается на феноменологической кажимости произвольности оценки. Однако, вопреки широко распространенному мнению обыденного сознания о якобы тенденциозной субъективности эмоциональных оценок, не нужно забывать, что: 1) эмоции не существуют отдельно от всех соматических и психических процессов в организме; они всегда предметны и неразрывно связаны со смысловым содержанием всех когнитивных образов, которым мы не отказываем в праве быть объективными и всеобщими; 2) ценностные смыслы необходимо обусловлены целевой направленностью деятельности и поэтому, если они не предвзяты, всегда являются психофизическими образами объективных каузальных связей цели и средств: «Тот факт, что истинность пронизывает собой способность чувствовать, является предпосылкой для переживания ценности личностью. Только на почве такого переживания могут образоваться решение и выбор» [6, с. 62]; 3) изменение целей ведет к трансформации смыслов, их объективной релятивности, поэтому в аксиологических процессах вместо когнитивной категории «истина» принято употреблять аксиологическое понятие «правда»: отношение воды к потребностям организма в жаркой пустыне и в морозную погоду имеет взаимоисключающий объективный физический смысл, а значит, взаимоисключающую ценность и разную правду; 4) сознание человека имеет общественную природу, культурно обусловлено, в процессе образования и культурной адаптации внедрено в психику индивида, а это значит, что чувства индивида формируются подобно понятиям, т.е. являются всеобщими и общезначимыми; 5) стандартные ситуации практической деятельности необходимо сопровождаются и регулируются соответствующими им стандартными схемами поведения и культурно воспроизводимыми типическими системами чувств, контроль за которыми осуществляется системой воспитания и обществом в целом. Не следует забывать аксиоматическую для научной социологии и культурологии мысль, согласно которой сознание изначально появляется, существует и развивается как общественный, а не индивидуально-субъективный продукт, и остается таковым до тех пор, пока вообще существуют люди.

Таким образом, есть достаточно веские основания полагать, что нравственные оценки, хотя и кажутся внешне субъективными и относительными, но по своему содержанию являются объективными, культурно обусловленными и

поэтому могут претендовать на всеобщность, однозначность и общезначимость. Напомним еще один расхожий постулат нравственного рассудка - «на моем месте так поступил бы каждый». В пользу такого вывода свидетельствует также «золотое правило» нравственности и категорический императив И. Канта.

Итак, нравственный рассудок включается в тех случаях, когда индивид ощущает невозможность действовать в соответствии с требованием нравственного чувства, либо, когда эти требования он ощущает как неопределенные. Основной функциональный смысл деятельности нравственного рассудка состоит в понятийном моделировании возможных нравственных ситуаций, а также в моделировании тех нравственных чувств, которые человек в этих ситуациях испытывает. Конечная цель этой рассудочной деятельности состоит в распознавании объективного характера сложной нравственной ситуации (уточнении ее оценки), определении нормы справедливого соотношения интересов и, как следствие, в том, чтобы упорядочить разрозненные чувства, организовать и собрать их в единое целое, покончить с неопределенностью и душевной сумятицей.

Функциональная роль нравственного рассудка проявляется в понятийном моделировании объективных оснований нравственного конфликта и возможных нравственных ситуаций, усилении нравственной стойкости, построении сложных и высших нравственных чувств, исправлении ложных нравственных оценок и разрушении ложных нравственных чувств, а также в нравственной софистике и морализаторстве. К сожалению, параметры статьи не позволяют детально проанализировать и объяснить названные функции.

Итак, нравственный рассудок как конструктивный элемент развитого нравственного сознания экзистенциально необходим для регулирования сложных нравственных конфликтов. Без нравственного рассудка невозможно осуществление адекватной нравственной оценки, осознание нравственных принципов и нравственного идеала. Сложные нравственные чувства, такие как совесть, долг, достоинство, любовь, патриотизм возникают только при участии нравственных абстракций. Нравственный рассудок непосредственно «встроен» в мораль, его функциональная роль состоит в организации и поддержании постоянного единства всех элементов нравственного сознания, а с ним и цельности нравственной натуры человека. Теоретическая этика способна лишь к отстраненно-дистантному дискурсу, внешней характеристике морали, описанию ее феноменологических особенностей в системе социальных связей, тогда как нравственный рассудок касается главного – содержания непосредственно переживаемых нравственных образов человека, нравственных смыслов и принципов его деятельности. Понять специфику нравственного рассудка невозможно в узких границах этики и эпистемологического мышления. Для этого человека нужно рассматривать целостно, во всем богатстве его жизненных проявлений и, прежде всего, с позиций антропологии морали.

Список литературы

1. Аристотель Никомахова этика / Аристотель. Сочинения: в 4-х т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4 – 830 с.
2. Воеводин А.П. Эстетическая антропология / А.П. Воеводин. – Луганск: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2010. – 368 с.

3. Мур Дж. Принципы этики / Дж. Мур. – М.: Прогресс, 1984 г. – 326 с.
4. Витгенштейн Л. Лекция об этике URL: https://platona.net/load/zhurnaly_po_filosofii/istoriko_filosofskij_ezhegodnik/istoriko_filosofskij_ezhegodnik_1998_2000/77-1-0-1720 (Дата обращения: 10.09.2019)
5. Кант И. Критика способности суждения / И. Кант. – М.: Мысль, 1966. – Т. 5. 564 с.
6. Шульц П. Философская антропология. Введение для изучающих психологию / Шульц П; пер. с нем. – Новосибирск: НГУ, 1996 г. – 118 с.
7. Шаап С. Человек как мера. Учение Ницше о ressentimente / С. Шаап; пер. с гол. О. Пархомовой. – К.: Изд-во Жупанского, 2008. – 205 с.
8. Соловьев Е.А. Книга о Максиме Горьком и А.П. Чехове: С прил. автобиограф. Горького и портр. Горького и Чехова / Е.А. Соловьев. – Санкт-Петербург : тип. А.Е. Колпинского, 1900. – 259 с.
9. Flyvbjerg B. Rationality and Power: Democracy in Power. Chicago, University of Chicago Press, 1998, 290 p.

Voevodin A. P. Moral Reason (Anthropology of Morality) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 13–23.

In discussions about the essence of morality, the status of ethics as a science is seriously criticized, the inadequacy of its detached theoretical rationality to the directly sensual subject of research is emphasized, up to L. Wittgenstein's assertion of the actual meaninglessness of ethical value judgments. Doubt of the scientific validity of ethical rationality exacerbates the question of the practical significance of ethical knowledge, the possibility of its application in the practice of direct regulation of moral behavior. By identifying morality with subjective decision-making, modern ethics dissolves morality in all the diversity of human activities, deprives morality of its own substantive content, and therefore cannot consistently explain the specifics of the moral image itself, the originality of its value moral meaning. An alternative to theoretical and ethical rationality (episteme) is reasonableness or practical rationality (fronesis), which in the sphere of morality is "moral reason" as a direct knowledge of the individual himself, the moral meaning of his own sensual and moral States. The functional role of moral reason manifests itself in the conceptual modeling of the objective foundations of moral conflict and possible moral situations, the strengthening of moral stability, the correction of false moral assessments and the destruction of false moral feelings, as well as in moral sophistry and moralizing.

Key words: ethics, ethical judgment, moral image, moral sense, moral reason, moral firmness, moralizing.

References

1. Aristotle Nikomakhova etika [Nicomachean Ethics]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, 830 p.
2. Voevodin A.P. Esteticheskaya antropologiya [Aesthetic Anthropology]. Lugansk, 2010, 368 p.
3. Moore G. Printsipy etiki [Principia Ethica]. Moscow, Progress Publ., 1984, 326 p.
4. Vitgenshtein L. Lektsiya ob etike [Ethics Lecture] URL: https://platona.net/load/zhurnaly_po_filosofii/istoriko_filosofskij_ezhegodnik/istoriko_filosofskij_ezhegodnik_1998_2000/77-1-0-1720 (Accessed: 10.09.2019)
5. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya [The Critique of Judgment]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, Vol. 5, 564 p.
6. Shul'ts P. Filosofskaya antropologiya. Vvedenie dlya izuchayushchikh psikhologiyu [Philosophical Anthropology. Introduction to Psychology Students]. Novosibirsk, NSU Publ., 1996, 118 p.
7. Shaap S. Chelovek kak mera. Uchenie Nitsche o ressentimente [Man as a Measure. Nietzsche's Teaching on Ressentiment]. Kyiv, Zhupanskiy's Publ., 2008, 205 p.
8. Solov'ev E.A. Kniga o Maksime Gor'kom i A.P. Chekhove [The Book about Maxim Gorky and A.P. Chekhov]. Saint Petersburg, Kolpinskiy's Publ., 1900, 259 p.
9. Flyvbjerg B. Rationality and Power: Democracy in Power. Chicago, University of Chicago Press, 1998, 290 p.

УДК 173. 304.23

ПОТЕНЦИАЛ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

О.А.Грива
А.О. Мильшин

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Email: ogriva@yandex.ru

E-mail: andrey-milshin@yandex.ru

В статье рассматривается потенциал религиозных ценностей для формирования социального благополучия современной российской семьи. В качестве проблемы, вызвавшей создание данной статьи, стала утрата духовного содержания, заложенного в институт семьи. Дав характеристику понятия «социальное благополучие семьи», авторы прослеживают его зависимость от возможности использования в жизни современной семьи потенциала религиозных ценностей. В результате чего мы наблюдаем разворачивающийся кризис семьи и семейных отношений, и, как одно из следствий – отсутствие социального благополучия семьи. Выявлены и обоснованы факторы социального благополучия в современной семье как источник ценностных ориентаций с позиции религии. Особое место уделено влиянию Православной христианской религии и Русской Православной Церкви на благополучие семьи, основу которой составляет первоначальное христианское понимание брака и семьи. Авторы обращают внимание на соотношение принципов светскости Российского государства и возможности использования религиозных ценностей для формирования социального благополучия семьи. С позиции религиозных ценностей акцентируется внимание на любви, как основе семьи, уважении, терпении, как механизмах регулирования семейной жизни. Важное значение в семье отводится и воспитанию детей, подчеркивается ответственность родителей за результаты воспитания, акцентируется внимание на ролях мужчины и женщины в семье. В статье обращается внимание на то, что Христианство видит ответственность родителей за воспитание их детей абсолютной. Авторы утверждают, что значительное количество социальных проблем, таких как социальное сиротство, подростковая безнадзорность, молодежная преступность и им подобные, могли бы быть решены только профилактическими мерами – решением проблем семейного воспитания. Из чего сделан вывод о зависимости социального благополучия семьи (ее материального и духовного благополучия, социального окружения и связей) и благополучии социума.

Авторы пришли к заключению о зависимости социального благополучия семьи (ее материального и духовного благополучия, социального окружения и связей) и благополучии социума.

Ключевые слова: семья, социальное благополучие, религия, религиозные ценности, брак.

Постановка проблемы в общем виде. В современном мире отношение к религии вообще и к религиозным ценностям в частности, претерпевает значительные изменения. Рассматривая предмет предшествующего утверждения

поверхностно, можно было бы рассуждать о том, что мир стремительно отказывается от религиозных ценностей, теряя опору на многовековой религиозный опыт предшествующих поколений, в том числе, и в области семьи и брака. Действительно, в повседневной жизни ослабляются позиции таких понятий, как целомудрие, девичья честь, супружеская верность. В прагматичном, ориентированном на эффективность мире, на смену им приходит холодная научная терминология: гендерные роли, половое партнерство, сексуальная ориентация, брачные партнеры и т.п. Исследователи современной семьи бьют тревогу не только из-за таких фактов, как снижение или увеличение брачного возраста, уменьшение количества детей, рождающихся вне брака и семьи, женская и детская бедность, распространенность семейного насилия, но и из-за менее заметных, но тем самым, не менее значимых причин, как, например, нарастающие процессы биологичивания в человеческом сообществе (доминирование биологического начала), утрата духовного содержания, заложенного в институт семьи. В качестве результата развивающихся процессов для большинства очевиден кризис семьи и семейных отношений, и, как одно из следствий – отсутствие социального благополучия [1; 7; 8; 9].

Отметим, что глобальные изменения, произошедшие за последние десятилетия в российском обществе, привели к трансформациям самого понятия «семья». В век инновационных технологий, меняются культурные нормы, семейные ценности, в том числе, отношение к факту заключения брака и самому браку. Если еще не так давно само наличие семьи у человека поднимало его авторитет в обществе, придавало ему некой уверенности и социальной устойчивости, то в настоящее время в этой сфере появились иные приоритеты. Исследователи отмечают, что в современном обществе ценности брака и семьи заменяются такими ценностями как, профессиональные качества, социальное положение (престиж, регалии), наличие большого количества свободного времени, отсутствие обязательств перед семьей и обществом, что может приводить к потере смыслов существования собственно личности, разочарованию и унынию, к социальному неблагополучию.

Поэтому на сегодняшний день одной из важных задач является поиск путей решения проблемы благополучия современной семьи, как части социального благополучия, т.е. благополучия общества. Изучение подходов к исследованию семьи, показало, что одними из важных факторов, оказывающих воздействие на семью, выступают религия и Церковь.

Цель статьи. Определить значение и содержание потенциала религиозных ценностей для формирования социального благополучия современной семьи. Для этого решить следующие задачи:

1. Дать характеристику понятия «социальное благополучие семьи» и проследить его зависимость от возможности использования в жизни современной семьи потенциала религиозных ценностей.
2. Выявить и охарактеризовать факторы социального благополучия в современной, в том числе, с позиции религии.

3. Проследить зависимость социального благополучия семьи (ее материального и духовного благополучия, социального окружения и связей) с благополучием социума.

4. Показать взаимосвязь семейных ценностей с религиозными ценностями и зависимость благополучия семьи от степени их присутствия в ней (в процессе создания семьи, деторождения, семейного воспитания и т.д.).

Изложение основного материала. В первую очередь отметим тот факт, что социальные механизмы, которые связывают семейное поведение и религиозное мировоззрение разнообразны и сложны. Мировоззрение, в том числе и религиозное, в качестве одной из ведущих функций имеет – помочь человеку преодолеть жизненные проблемы и подняться над обыденностью, на более высокий, духовный уровень, к чему-то вечному. В этом выражается практическое значение религиозного мировоззрения для личности, а также для той социальной общности, в которой она пребывает и, в первую очередь, это можно утверждать для семьи и степени ее благополучия.

Понятие социального благополучия семьи рассматривается в разных смыслах. В широком смысле – это сложная смысловая конструкция, представляющая определенную взаимосвязь различных факторов жизнедеятельности семьи, как института: экономических, культурных, физических, психологических и духовных, которые определяют качество ее жизни. В более узком смысле, благополучие семьи – это совокупность всех условий, обеспечивающих семье возможность жить полноценной качественной жизнью. Кроме того, понятием «социальное благополучие», как правило, характеризуют социальное окружение семьи, его социальные отношения, социальные связи и взаимодействия с другими людьми, базирующиеся на системе ценностей, потребностей и интересов.

Для анализа механизмов влияния религиозных ценностей на социальное благополучие семьи рассмотрим основы религии, характерной для подавляющего большинства населения Российской Федерации – Православного Христианства. В православной религии утверждается верховенство Бога не только как высшего существа, но и как высшей ценности, а такой ценностью является любовь. Таким образом, наивысшая ценность Христианства – любовь. Любовь же и наивысшая ценность семьи (прагматические мотивы при этом отходят на второй план). Здесь мы можем постулировать главную точку, в которой сходятся интересы семьи и религии – любовь, как основа семьи, подкрепляется высшей религиозной ценностью.

Основой религиозного мировоззрения является вера в Бога – особый тип концепции, опирающийся на идею существования «персонализированной» силы, приоритетно влияющей на мир и человечество в целом, а также и на судьбу каждого человека в отдельности. С точки зрения Православия, Бог, как субстанция, требует от человека другого подхода к овладению и принятию себя и своей жизни – через веру и определенные действия («Вера без дел мертва»). О воздействии религии и религиозных ценностей на личность и семью можно говорить исключительно в том

случае, когда личность и члены семьи (хотя бы кто-то из них) являются верующими и принимают их в качестве приоритетных в своей жизни.

Говоря о российском обществе, надо иметь ввиду, что влияние религиозных ценностей на личность и сообщество не являются обязательными, так как общество, государство и образование в нашей стране – светские. А Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997, согласно которому личность может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой и быть свободной от религиозных взглядов, соблюдается повсеместно и неукоснительно [2]. Для сообщества же, в котором христианская вера и традиции являются существенными, они влияют на все основные моменты жизни семьи: заключение брака, рождение детей, крещение (посвящение Богу). Кроме этого, Христианство регулирует и такие, казалось бы, нематериальные показатели, как: добрачное сексуальное поведение, выбор супруги и супруга, размер семьи (сугубо отрицательное отношение к абортам и даже к процессу так называемого, планирования семьи) и семейную стабильность. Рассматривая с христианской православной точки зрения социальное благополучие в современной семье, мы наблюдаем, что оно обязательно подразумевает целомудренные и чистые отношения между мужем и женой в истоках семьи и брака, в противном случае семье грозят неблагоприятия всякого рода, вплоть до распада семьи – развода, который в религиозной среде воспринимается как исключительно отрицательное явление [1].

Но главным критерием благополучия семьи, по мнению всех классических христианских авторов, начиная от Иоанна Златоуста (Владимира Мономаха, Тихона Задонского, Антония Сурожского и т.д.) и, кончая современными, является взаимная любовь, которая зиждется на обоюдном доверии, уважении и согласии супругов. Где есть согласие, там есть богатство и счастье; и, напротив, если этого нет, то ничто другое не помогает и все превращается в неприятности и расстройства. Ссылаясь на Апостола Павла, Святой Иоанн Златоуст писал: ««Мужья», – говорил он, – «любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь». Видел меру послушания? Послушай же и о мере любви. Хочешь, чтобы жена повиновалась тебе, как Христу повинется Церковь? Заботься и сам о ней, как Христос о Церкви. Хотя бы нужно было пожертвовать за нее жизнью, хотя бы нужно было тысячекратно быть рассеченным, или потерпеть и пострадать, что бы то ни было, не отказываясь; но и хотя бы ты потерпел все это, не думай, что ты сделал что-нибудь подобное тому, что сделал Христос» [3, с.345]. Таким образом, отношения между супругами в Христианстве поднимаются на уровень отношений Христа и небесной Церкви, т.е. на максимально высокий уровень. Святой также считал, что взаимное проявление привязанности является необходимым аспектом супружеской любви. Любовь раскрывается через нежность и взаимную вежливость, через проявления интереса и выражается словами, которые являются основой для создания положительных эмоций и вдохновения.

И сегодня секреты счастливой семейной жизни зачастую кроются в простых повседневных вещах: выражении своего уважения и признательности друг другу за

все. Любовь в семье в значительной степени сохраняется благодаря реализации способности выразить ее.

По мнению известного богослова – нашего современника – Митрополита Антония Сурожского, бывшего главой Православной церкви в Англии, любовь к каждому человеку проявляется в нескольких направлениях, а именно через опыт обычной простой любви между членами одной семьи, детей к родителям, родителей к детям. Он утверждал, что идеальные супружеские отношения – это отношения, построенные не на жадности, не на желании, а на отдаче себя другому и принятии другого, как самого себя. Фундамент счастья закладывается из нравственного начала, то есть истинной христианской любви между супругами. Только в этом случае человек будет почитать, любить другого, считаться с ним, будет готов пожертвовать своим желанием ради благополучия семьи. И дети в такой семье будут воспитываться в любви, в правде, с верой в то, что добро приносит радость.

Святой Иоанн Златоуст акцентировал внимание на том, что супруги должны учиться прощать и быть терпимыми друг к другу. Более зрелый из двух должен сделать первый шаг и уступить. Он считал, что муж должен постоянно стараться делами и словами поддерживать в семье благополучие, а жена – стремиться не только наблюдать за домом, но, и заботиться о том, чтобы вся семья трудилась для создания ее благополучия.

Тем не менее, Иоанн Златоуст указывал, что жена – вторичная власть и не должна требовать равенства с мужем, так как муж стоит во главе. В свою очередь, муж не должен показывать свою власть и пренебрежение так, как он неотделим от жены как «голова» (муж) и «тело» (жена), и если голова станет пренебрегать телом, то пропадет и сама.

В соответствии с религиозными догматами, Бог, сотворивший жену после мужа, создал ее как его помощницу. У женщины, соответственно глубочайшим особенностям ее телесной организации, есть великое назначение, которого нет у мужчины, – деторождение и, следовательно, воспитание детей. Ибо нельзя родить дитя и бросить его; на родителях, и прежде всего на матери, лежит святейшая обязанность – вырастить ребенка и дать ему воспитание. Эта обязанность – прежде всего, долг женщины [4]. Таким образом, мы можем говорить как о ресурсе социального благополучия современной семьи о воспитании мальчиков, как потенциальных отцов, глав семьи, на которых лежит почетная обязанность заботиться о благосостоянии своей семьи. А также о воспитании девочек, как будущих жен и матерей, сознательно относящихся к своим гендерным ролям.

На наш взгляд, вышеизложенному не противоречат те факты, что в соответствии с современным Законодательством и мужчина, и женщина на равных ответственны за воспитание детей перед государством и перед обществом. В последние годы это подтверждено также и фактом того, что так называемый декрет (отпуск по уходу за ребенком) может оформить как женщина, так и мужчина.

Религиозные догматы и традиции регламентируют и процесс воспитания детей. Поскольку мало родить ребенка, важно воспитать его в соответствующем духе. Поэтому воспитание и социализация детей являются одними из важнейших факторов благополучия семьи. Старшее поколение несет ответственность за

духовное состояние детей, так как их развитие формирует среда старшего поколения.

С позиции Христианства родители должны осуществлять строгий контроль за детьми, мера их ответственности за воспитание ребенка абсолютна. Так Св. Иоанн Златоуст пишет об этом: «Прошу вас и умоляю, возлюбленные, будем иметь большое попечение о наших детях и всячески заботиться о спасении их души. ... Ведь, если благочестие отсутствует, то и те сокровища, какие есть, погибают с опасностью и крайним позором; если же оно налицо, то и те, каких нет, приходят. Поэтому родителям следует думать не о том, как бы сделать детей богатыми серебром и золотом, а о том, как бы они стали всех богаче благочестием, мудростью и стяжанием добродетели, - как бы они не имели надобности во многом, как бы не увлекались житейскими и юношескими пожеланиями. И тщательно нужно исследовать их входы и выходы, их беседы и собрания, зная, что если это будет пренебрегаемо, то они не получают никакого снисхождения у Бога» [5, с.82-83].

Необходимо отметить тот факт, что религиозная педагогика, все же в большей степени возлагая ответственность за воспитание детей на женщину, в лице своих некоторых авторов выражает сожаление о том, что женщина не имеет всей полноты возможностей заниматься своими прямыми обязанностями по воспитанию детей, будучи занята на производстве и активно вовлечена в социальную жизнь. Так, православный педагог протоиерей Евгений Шестун пишет о том, что на сегодняшний день, в результате установления полного равенства женщин с мужчинами во всех областях физического и умственного труда, воспитание детей в семье находится в плачевном состоянии. При этом школа не может заменить гораздо более важного семейного воспитания [6]. Действительно, с необходимостью и незаменимостью семейного воспитания спорить трудно. Социальные институты, такие как дошкольные учреждения, школа, учреждения дополнительного образования и т.п., насколько бы хорошо они не были развиты, не могут заместить благотворного влияния семьи. Но при этом, родители должны быть сами людьми нравственными и сведущими в элементарных технологиях воспитания. В этом отношении современная теория и практика воспитания вполне сходятся с постулатами христианской педагогики, и более того, черпают из нее идеи и вдохновение.

Семья, как один из социальных институтов, способна сформировать и закрепить правильное поведение в микро- и макросреде социума. Сформированная преемственность поколений в семье трансформируется в любви к предкам, своей Родине, чувству сопричастности к истории.

Анализируя теорию и практику семейного воспитания, можно отметить, что разрушение сложившихся семейных традиций ускорилося из-за существующего уклада жизни современного общества, в котором наблюдается тенденция принижения значимости роли матери и отца в сравнении с успехами мужчин и женщин в профессиональной сфере. В результате чего проявляется отчуждение и противостояние поколений, с последующей деструкцией семейных связей, нарушающей нормальное развитие личности, и влияющей на всю ее последующую жизнь [7]. Практически все современные исследователи семьи, как социального

института указывают на то, что существующие в семье раздоры, ссоры, взаимная вражда разрушают духовную целостность ребенка и мешают его полноценному развитию [8].

В целом Русская Православная Церковь сохраняет и защищает первоначальное христианское понимание брака и семьи, освящает брачные отношения таинством церковного брака и утверждает важность брака для благополучия и развития общества в целом. С позиции религиозных ценностей благополучие семьи заключается в уважении, смирении, кротости, терпении, заботе, взаимопомощи и почитании младшими старших. Семья сама по себе уже ценность, являясь малой церковью, в которой муж и жена должны принимать решения вместе и учить детей послушанию, милосердию и проявлению любви.

Поэтому, согласно религии, для того, чтобы получить благословение Бога для создания семьи, для взаимного согласия в супружеской жизни, для благословенного рождения и воспитания детей в христианской вере, конечной целью которой является спасение всех членов семьи, люди должны вступать в брачные отношения на основе любви и взаимного согласия.

Рассматривая и анализируя ситуацию с браком и семьей в современном глобальном мире, можем констатировать кардинальный отход от канонов и традиций религии и Церкви, заключающийся в продвижении идей: безбрачного сожительства (отсутствие необходимости регистрировать браки, рождение и воспитание детей вне брака и семьи, как нормальная, стандартная ситуация); гомосексуальных браков; бездетных семей (так называемые чайлд фри пары) и т.п. Комплекс данных и подобных им идей ведет к разрушению современного института семьи, а также к размыванию образа семьи, базировавшегося на религиозных канонах. Кроме того, размываются и образы мужчины и женщины, ведь в гомосексуальной паре ребенку неоткуда взять образец для подражания отсутствующей мужской или женской половинки семьи. Например, если в обычной семье, созданной мужчиной и женщиной, подражая отцу, мальчик учится быть мужественным, защищать Родину, истину, слабых; а девочка, подражая матери, учится быть женственной, доброй и заботливой хозяйкой, то этих образцов поведения может не оказаться в неполной или в гомосексуальной семье. Отсутствие соответствующих моделей поведения ведет к деструкциям в формировании личности ребенка, к психологическому дискомфорту, асоциальному пониманию отношений между мужчиной и женщиной, нарушает социальную идентичность, препятствует нормальному гендерному развитию детей.

Помимо этого глобальной проблемой современного общества стало сиротство при живых родителях. Тысячи брошенных детей, оказавшихся в приютах, или на улице, являются прямым доказательством усиливающегося социального неблагополучия современной семьи. Решение этой проблемы с позиции религиозных ценностей заключается в укреплении семьи и оказании помощи родителям в осознании их призвания, а также вовлечении их в социальную жизнь и более полное их духовное развитие [9]. Ряд российских исследователей семьи связывают системный кризис российского общества с кризисным состоянием современной семьи, указывая на их общие корни [9; 10]. Поскольку общество

покоится не только на материальном фундаменте, но и на нравственных основах личности, которые закладываются в семье, в ней формируются, из нее вырастают. Из семьи человек выносит в общественную и государственную жизнь те качества, которые становятся источником созидания или зла и разрушения. Как больная клетка создает больные организмы, так и духовно ущербная семья воспроизводит в обществе нравственно нездоровые отношения. Именно в этих фактах кроются общие корни социального благополучия семьи и социального благополучия, как феномена, т.е. благополучия социума.

Данный дискурс опирается на положительный исторический опыт выживания российской семьи в условиях социальных катаклизмов, который показывает, что семейное благополучие, выражающееся не только в благосостоянии семьи, благоприятном социальном окружении и климате, но и в способности семьи к воспитанию детей, формированию у них нравственных оснований личности, обеспечении преемственности поколений и культурных ценностей.

Выводы.

Семья является одним из важных аспектов в жизни человека, а религия играет важную роль в человеческом обществе. В том числе, как сказано в преамбуле к Федеральному «Закону о свободе совести и о религиозных объединениях», «признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры...», мы признаем значимое влияние православной религии и на современную российскую семью, как ячейку общества. При этом, мы утверждаем значимость и приемлемость религиозных ценностей для формирования и полноценного функционирования современной семьи, учитывая и тот факт, что российское государство и общество являются светскими.

Рассматривая социальное благополучие семьи как совокупность всех условий, обеспечивающих семье возможность жить полноценной качественной жизнью, что, как правило, характеризуется благополучным социальным окружением семьи, здоровыми социальными отношениями и социальными связями и взаимодействием внутри семьи и с другими людьми, базирующиеся на системе ценностей, потребностей и интересов.

Анализируя семейные и социальные ценности, авторы пришли к выводу о том, что основной точкой соприкосновения религиозных ценностей современной семьи является любовь, как наивысшая ценность религии (Бог есть любовь) и любовь как базис семейных взаимоотношений (отношений между супругами, между родителями и детьми, старшими и младшими). Любовь является основой благополучия семьи.

Необходимо отметить, что в целом Русская Православная Церковь, как социальный институт, способствует сохранению первоначального христианского понимания брака и семьи, освящает брачные отношения таинством церковного брака и утверждает важность брака для благополучия и развития общества в целом. В складывающихся реалиях глобализирующегося мира Церковь остается одним из немногих социальных институтов, побуждающих людей сохранять и реализовать в своей жизни семейные ценности.

Наиболее существенным для социума из арсенала религиозных ценностей на сегодня является вопрос семейного воспитания. Христианство видит ответственность родителей за воспитание их детей абсолютной. В то время, как значительное количество социальных проблем, таких как социальное сиротство, подростковая безнадзорность, молодежная преступность и им подобные, могли бы быть решены только профилактическими мерами – решением проблем семейного воспитания. Т.е. можно сделать вывод о зависимости социального благополучия семьи (ее материального и духовного благополучия, социального окружения и связей) и благополучии социума.

Подчеркнем необходимость и незаменимость семейного воспитания. Социальные институты, такие как дошкольные учреждения, школа, учреждения дополнительного образования и т.п., насколько бы хорошо они не были развиты, не могут заместить благотворного влияния семьи. Но при этом, родители должны быть сами людьми нравственными и сведущими в элементарных технологиях воспитания. В этом отношении современная теория и практика воспитания вполне сходятся с постулатами христианской педагогики, и более того, черпают из нее идеи и вдохновение.

Из семьи человек выносит в общественную и государственную жизнь те качества, которые становятся источником созидания или разрушения. Духовно ущербная семья воспроизводит в обществе нравственно нездоровые отношения, а здоровая и духовно богатая семья, в свою очередь не только строит себя, но и воспроизводит общество, создает условия для возможности построения благополучия в нем. Именно в этих фактах кроются общие корни социального благополучия семьи и социального благополучия, как феномена в социуме.

Список литературы

1. Тарасова Е. О. Семейные ценности в мировых религиозных конфессиях и их влияние на российскую семью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2016. – № 16. – С. 312–320.
2. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ (последняя редакция) // Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/. (Дата обращения: 15.08.2019)
3. Златоуст Иоанн Полное собрание сочинений. Т.11. Ч.1. – СПб.: Изд-е Санкт-петербургской духовной академии, 1898. – 489 с.
4. Сапожников В. Ю. Роль государства и церкви в укреплении института семьи в современном российском обществе // Молодой ученый. – 2017. – №51. – С. 211–213.
5. Златоуст И. К верующему отцу. Слово третье. Т.1, Кн.1. – СПб.: Изд-е Санкт-петербургской духовной академии, 1898. – 399 с.
6. Шестун Е. Православная педагогика. – М.: Про-Пресс, 2001. – 576 с.
7. Гаунова И. Б., Рымарь О. С., Шоранова З. В. Динамика ценностей семьи в структуре социальных ценностей современного человека // Современные проблемы науки и образования. Ч. 1 (1). 2015. – N 1(часть 1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18169>. (Дата обращения 15.08.2019)
8. Секаев В. Любовь, семья, религия. – М.: Нобель Пресс, 2013. – 158 с.
9. Колесникова Г. И. Социология и психология семьи. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЮРАЙТ, 2016, 397 с.
10. Рудницкая Т. Ю. Проблема семьи: историко-философский дискурс // Вестник Костромского государственного университета. – 2014. – Т. 20 (6). – С. 144-148.

Griva O.A., Milshin A.O. Potential of Religious Values for Social Welfare of the Modern Family // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 23–32

The article discusses the potential of religious values for the formation of social well-being of a modern Russian family. The problem that caused the creation of this article was the loss of spiritual content embedded in the institution of the family. As a result, we are witnessing an unfolding crisis of the family and family relations, and, as one of the consequences, the lack of social well-being of the family. The factors of social well-being in a modern family as a source of value orientations from the perspective of religion are identified and justified. A special place is given to the influence of the Orthodox Christian religion and the Russian Orthodox Church on the well-being of the family, which is based on the initial Christian understanding of marriage and the family. The authors draw attention to the correlation of the principles of secularism of the Russian state and the possibility of using religious values to form the social well-being of the family. From the position of religious values, attention is focused on love, as the basis of the family, respect, patience, as mechanisms for regulating family life.

Of great importance in the family is the upbringing of children, the responsibility of parents for the results of upbringing is emphasized, and attention is paid to the roles of men and women in the family. The article draws attention to the fact that Christianity sees the responsibility of parents for raising their children as absolute. The authors argue that a significant number of social problems, such as social orphanage, teenage neglect, youth crime and the like, could only be solved with preventive measures – the solution to the problems of family education. From which a conclusion is drawn about the dependence of the social well-being of the family (its material and spiritual well-being, social environment and connections) and the well-being of society. The authors came to the conclusion about the dependence of the social well-being of the family (its material and spiritual well-being, social environment and connections) and the well-being of society.

Keywords: family, social well-being, religion, religious values, marriage.

References

1. Tarasova E.O. Semejnye cennosti v mirovyh religioznyh konfessiyah i ih vliyanie na rossijskuyu sem'yu [Family Values in World Religious Denominations and their Influence on the Russian Family]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Sociology], 2016, № 16, P. 312–320.
2. Federal'nyj zakon «O svobode sovesti i o religioznyh ob"edineniyah» ot 26.09.1997 N 125-FZ (poslednyaya redakciya) [Federal Law “On Freedom of Conscience and on Religious on “Unions”]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/. (Accessed: 15.08.2019)
3. Zlatoust Ioann Polnoe sobranie sochinenij [Full composition of writings], SPb, Publishing House of the St. Petersburg Theological Academy, 1898, Vol. 11, 489 p.
4. Sapozhnikov V.YU. Rol' gosudarstva i cerkvi v ukreplenii instituta sem'i v sovremennom rossijskom obshchestve [The Role of the State and the Church in Strengthening the Institution of the Family in Modern Russian Society]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2017, №51, P. 211–213.
5. Zlatoust I. K veruyushchemu otcu. Slovo tret'e. [To the Believing Father. The Third Word]. SPb, Publishing House of the St. Petersburg Theological Academy, 1898, Vol. 1, 399 p.
6. Shestun E. Pravoslavnyaya pedagogika [Orthodox Pedagogy]. Moscow, Pro-Press, 2001, 576 p.
7. Gaunova I.B., Rymar' O.S., Shoranova Z.V. Dinamika cennostej sem'i v strukture social'nyh cennostej sovremennogo cheloveka. [The Dynamics of Family Values in the Structure of Social Values of Modern Man]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2015, P. 1, №1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18169>. (Accessed: 15.08.2019)
8. Sekaev V. Lyubov', sem'ya, religiya [Love, Family, Religion]. Moscow, Nobel' Press, 2013, 158 p.
9. Kolesnikova G.I. Sociologiya i psihologiya sem'i. [Sociology and Psychology of the Family]. Moscow, YURAJT Publ., 2016, 397 p.
10. Rudnickaya T.YU. Problema sem'i: istoriko-filosofskij diskurs. [The Family Problem: Historical and Philosophical Discourse]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University]. 2014, Vol. 20 (6), P. 144–148.

УДК 101.1:316

КРИТИКА ИДЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Коротченко Ю.М.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Email: yuliyakor03@gmail.com

Статья исследует средства философской критики идеологии в феноменологической герменевтике. Целью исследования является обнаружение истоков философской критики идеологии и раскрытие роли феноменологической герменевтики в становлении философско-рефлексивного подхода к идеологии. Новизну результатов исследования автор связывает с обнаружением принципиальной возможности использования идей философской текстологии для исследования идеологии, воплощенной в совокупности текстов. Выделена специфика философского рассмотрения идеологии как не ангажированного, обобщенного и безоценочного в отношении ее конкретных разновидностей. Отмечено, что не-ангажированность философского рассуждения об идеологии проявляется в том, что оно является аксиологически нейтральным рассуждением о какой-то или чьей-то конкретной идеологии, а генерализованность результатов такого рассуждения – в том, что его предметом является «идеологическое» как таковое. Выявляются основания для философско-критического рассмотрения идеологии в текстовом подходе в социальном знании. Обращается внимание на то обстоятельство, что и текстовый подход, и включение сего точки зрения в объектную зону философской критики таких социальных явлений, как идеология, были инициированы феноменологической герменевтикой.

Ключевые слова: идеология, философская критика идеологии, феноменологическая герменевтика, текстовый подход в социальном знании.

Необходимость философски-рефлексивного размышления об идеологии определяется растущим в атмосфере информационного противоборства (information warfare) массивом проявлений идеологического в публичном пространстве – как отечественном, так и зарубежном. Причем в отношении первого эта необходимость усугубляется значительным по продолжительности периодом моно-идеологического господства, включавшего в себя крайние формы тоталитарного надзора. Имеющегося на сегодняшний день исследовательского материала, на наш взгляд, достаточно для того, чтобы наступила философская реакция на него. Однако рефлексия на предмет того, что представляет собой идеология как таковая, какую реальность не просто описывает, а создает идеология, каковы границы идеологического – такая рефлексия в собственно философии началась не сегодня и по другому поводу, чем обострение information warfare. По моему убеждению, она была начата феноменологической герменевтикой Поля Рикера. В целом, настоящая публикация является первой частью исследования того, как возможна философская критика идеологии. Здесь мы будем говорить о том, как такая критика начиналась,

каковы ее методологические основания, в чем ее феноменологически-герменевтическая специфика. Средства философской критики идеологии в феноменологической герменевтике составляют предмет настоящего исследования. Его целью является обнаружение истоков философской критики идеологии и раскрытие роли феноменологической герменевтики в становлении философски рефлексивного подхода к идеологии. Новизна результатов данного исследования связана с обнаружением принципиальной возможности использования идей философской текстологии для исследования идеологии, воплощенной в совокупности текстов.

Актуальность темы исследования автор видит в том, как сегодня сосуществуют философия и идеология в качестве влиятельных сфер порождения социально значимых смыслов. Новейшие формы идеологии не вытекают из исторического развития некоторого общественного субъекта, они конструируются политтехнологами как средство реализации политических, т.е., властных, намерений заинтересованных заказчиков. Изначально (в 18 веке) понимаемая как учение об идеях и в этом смысле близкая философии, будучи подвергнута критике со стороны Наполеона, говорившего о ней как о чем-то далеком от политических реалий и потому совершенно ненужной, идеология сегодня становится чрезвычайно практичной, и утилитарное отношение к ней укрепляется. Иными словами, произошла трансформация содержания идеологии как формы осознания обществом себя. По этому поводу в недавнем масштабном исследовании под названием «Философия и идеология: от Маркса до постмодерна» отмечается: «Не исключено, что нам сейчас приходится одновременно заново проходить азы отношения качественной философии к идеологии и осваивать новый язык говорения об идеологическом, а то и открывать для себя принципиально новую предметность» [1, с. 20].

Расширяется арсенал средств идеологического влияния, за счет чего объект такого влияния становится все масштабнее. Средства массовой информации изобилуют идеологически насыщенными передачами, транслируемыми, в том числе, и в прайм-тайм в формате политических ток-шоу. Идеологическое сегодня говорит о себе во весь голос. При этом аудитория у философии в гораздо большей степени профессиональна и потому значительно уже: философия не использует так обширно СМИ, чтобы быть услышанной. Где же они пересекаются? Такое пересечение происходит, когда идеологическое становится предметом философского исследования.

В современном социальном знании сложились разные контексты изучения идеологического, но в них превалирует политология: исследования отдельных идеологических феноменов в сугубо политическом ключе и политологические исследования, проявляющие тенденцию к междисциплинарности. Среди них лидирующие позиции занимают политическая психология, политическая лингвистика и теория политической коммуникации [2 – 10] (обширный анализ идеологии как учения об идеях в историческом аспекте дается в [11]).

Собственно философский интерес к идеологическому реализуется в контекстеизучения диахронических отношений философии и идеологии [1], а также

в области изучения отношения к идеологии социальных наук в целом [12]. Российские исследования свидетельствуют о том, что историческая «травма» господства одной идеологии постепенно изживается: отношение к идеологии объективируется, идеологические коллизии начинают изучаться как феномены прошлого, в историческом контексте, в том числе и как включенные не только в отечественную историю идей. Появляются также публикации о возможности, необходимости, средствах [13] и невозможности [14] собственно философской критики идеологий в настоящее время и о том, каковы перспективы такой критики. Так, Э.Ю. Соловьев говорит о том, что в «контексте информационного противоборства освоение и как можно

более раннее внедрение логико-аналитической культуры в практику образования делается «условием сохранения разума» [13, с. 8]. Анализируются актуальные философские дискуссии по идеологической тематике и как их результат – определение «топологии» философского исследования идеологии. В частности, П.С. Гуревич отмечает: «Власть стремится узаконить своё первородство именно с помощью социальных мифов и фальсификаций. Она уже научилась адаптироваться к массовым иллюзиям. Здесь и обнаруживается потребность в «критике идеологии» [15, с. 21].

Должна ли философия говорить об идеологии? Не достаточно ли исследований идеологии в сфере *political sciences* или междисциплинарного ее изучения без участия философии? Полагаю, что такого рода вопросы являются частными случаями вопроса о том, когда философия должна включаться в изучение предмета, имеющего общественную значимость и включенного при этом в объектную область других дисциплин. На наш взгляд, это должно происходить, когда возникает угроза тому способу видения и обсуждения социально значимых вопросов, который свойствен только философии. И на фоне интенсификации *information warfare*, взвинчивания аудитории СМИ посредством предложения ей идеологических текстов различных видов – от газетной публицистики до скандальных интервью на радио и ожесточенных дискуссий на транслируемых по ТВ политических ток-шоу – общественная потребность во взвешенном, объективизированном отношении к идеологическому как таковому становится все более очевидной. Усиление информационного противоборства свидетельствует о вытеснении зоны непредвзятого отношения к идеологии, трансформации публичной сферы в сторону деструктивных идеологических противостояний и неизбежно связано с развитием манипуляционных информационных технологий. Кроме того, результаты частного изучения идеологии нуждаются в эффективном обобщении, которое могло бы существенно дополнить ее образ в качестве объекта междисциплинарных социальных исследований.

Как может философия говорить об идеологии, сохранив свою специфику, т.е., в определенной степени дистанцированно и в этом смысле критически? Философская рефлексия осуществляется, будучи не обусловленной факторами внешнего для нее порядка, при этом получаемые результаты по степени обобщенности не могут быть получены в частных дисциплинах. Не-ангажированность философского рассуждения об идеологии проявляется в том, что

оно не сводится к оценочным суждениям о какой-то или чьей-то конкретной идеологии, а генерализированность его результатов обеспечивается тем, что это рассуждение об идеологическом как таковом. В случае если речь идет об идеологии конкретного политического субъекта, то она рассматривается как материал для обобщения частного – политологического, политолого-лингвистического и т.п., исследования; как случай идеологического самого по себе, родовые особенности которого оговариваются специально и на языке парадигмы, к которой принадлежит философский текст. Такой текст на языке некоторой философской традиции в этом случае может быть об общественно-политических идеалах и ценностях, о политических доктринах, программах, лозунгах, символике – о том, в целом, что подпадает под понятие «идеологическое». В самом общем виде это всегда некоторая одна идея, которую все другие идеологические феномены лишь иллюстрируют и подтверждают – идеологические системы тяготеют к монизму. Тогда перечисленные элементы объема понятия «идеологическое» (список открыт) становятся составляющими объектного языка, метаязык для которого задается философским текстом о них. Но задачей такого текста, на наш взгляд, является раскрытие именно этой центральной идеи, составляющей смысл некоторой идеологической системы. Философский текст как текст о смысле идеологии вообще и отдельных идеологических систем, во избежание спекулятивности, с одной стороны, и рисков различного редукционизма, с другой, может обратиться к некоторой эмпирии, на материале которой его автор не спекулятивно и одновременно не редукционистски рассуждает о вышеперечисленных проявлениях идеологии.

О какой эмпирии идет речь? Современная парадигма социальных исследований, которую уместно называть интерпретационной, позволяет рассматривать в качестве адекватной эмпирии тексты об общественных идеалах, ценностях, политических взглядах и т.д. Корректность этого шага обусловлена спецификой идеологических форм: их самих по себе в явном виде нет нигде, кроме как в проинтерпретированных действиях социальных субъектов или адресованных общественности текстах от их лица. Эти формы представляют собой совокупности смыслов, рожденных в результате понимания, оценки и, в конечном счете, интерпретации социальной реальности, подчиненной одной, центральной, идее, в то время как реальностью смысла может быть только текст или социальная реальность, мыслимая как текст. Текстовый подход сегодня применяется и в социально-философских исследованиях [16]. Общественная реальность может быть рассмотрена как текст, и это эффективно для раскрытия важных ее сторон в силу того, что социальная жизнь, ее события всегда осмысленны – поняты, оценены, проинтерпретированы и, более того, воспроизводятся посредством осмысления.

Этот философский подход к познанию общества был инициирован феноменологической герменевтикой [17], и герменевтический текст об идеологии становится исторически первой формой философской критики этого феномена. Так, П. Рикер так говорит об уместности парадигмы текста и интерпретации для социальных наук: «1) ... их объект обнаруживает некоторые черты, конститутивные для текста как такового, 2) ... поскольку в их методологии разрабатываются

процедуры, аналогичные «Auslenung» (истолкованию – Ю.К.) или интерпретации текста» [там же, с. 25]. В отношении же именно идеологии Рикер настаивает на феноменологическом ее рассмотрении (на феноменологии идеологии) в связи со злоупотреблением и неправильным употреблением этого понятия в дискуссиях: «Только скрупулезная семантика, контролируемая точным описанием ситуаций, которым это выражение релевантно, могла бы положить конец этому злоупотреблению; таким был бы подход, который я называю феноменологией. (Я бы мог сказать семантическая феноменология, но достаточно сказать феноменология, поскольку очерчивание этого феномена с необходимостью имеет лингвистическое измерение.)»³ [18, с. 44]. В вопросе применения текстового подхода в социальных науках Рикер, сохраняя интенцию феноменологической герменевтики, обращается не к логике и не к лингвистическому анализу, и, как становится ясно, не к структуралистскому пониманию языка, а к лингвистике именно в той ее части, которая говорит о дискурсе как о событии языка. Дискурс как событие языка, по Рикеру, обладает несколькими существенными чертами. Во-первых, этотемпоральность («момент дискурса»); во-вторых, самореферентность «момента дискурса» (дискурс, в отличие от бессубъектного языка, указывает на говорящего посредством личных местоимений); в-третьих, репрезентативность (дискурс всегда указывает на что-то, в то время как язык в чистом виде не репрезентативен); наконец, в-четвертых, коммуникативность (дискурс обращен к Другому, язык же представляет собой только условие коммуникации, которой он может предоставить некоторые коды) [17]. Обращенность дискурса к Другому неизбежно ставит вопрос о понимании дискурса. Язык в качестве чистой возможности речи понять невозможно, потому что нельзя понять то, что никому не адресовано, и проблема понимания становится здесь избыточной. Коммуникативное измерение дискурса делает его релевантным предметом феноменологической герменевтики как герменевтики социального.

Преимущества рассмотрения дискурса перед рассмотрением языка в социальных исследованиях Рикер исследует и в контексте сопоставления устной и письменной форм адресации дискурса. Обращаясь к теории речевых актов, он говорит о функции письма фиксировать сказанную речь, которая позволяет трактовать концепт смысла предельно широко, распространяя его на «все аспекты и уровни намеренной экстерииоризации, делающей возможной запечатление дискурса» [там же, с. 27]. Говорит он и о несовпадении в письменном тексте смысла текста и интенции автора, об обнаружении в письменном тексте духовного характера дискурса в силу присутствия в нем (тексте) неостенсивных референций; наконец, о том, что письменная форма адресации дискурса разрушает границы диалога между двумя собеседниками устной коммуникации и обращает дискурс к любому умеющему читать человеку, к аудитории, которую дискурс в этом случае создает. Перечисленные свойства дискурса, специфически проявляемые в письме, поставлены Рикером в соответствие осмысленному действию как действию социальному в той трактовке, которую предложил М. Вебер в его «понимающей

Перевод с англ. мой - Ю.К.

социологии». Таким образом, важнейшим шагом, предопределившим сегодняшний облик социального знания, со стороны социологии стало известное введение М. Вебером понятия смысла социального действия, а со стороны философии – применение П. Рикером модели текста к осмысленному действию. Сегодня можно констатировать факт текстового или интерпретационного поворота в социальном знании. Применительно к предмету настоящей публикации подчеркнем, что собственно философская критика идеологии оказалась возможной, прежде всего, благодаря феноменологически-герменевтическому погружению предметной сферы социального знания в реальность текста.

Список литературы

1. Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция, 2018. – 464 с.
2. Kolvraa C., Forchtner B. Cultural imaginaries of the extreme right: an introduction // *Patterns of Prejudice*. 2019. Vol.53, Issue 3, pp. 227–235.
3. Umbach M., Clulow Z. The Political is Personal: an Analysis of Crowd-Sourced Political Ideas and Images from a Massive Open Online Course // *Journal of Political Ideologies*. 2019. Vol. 24, Issue 2, pp. 121–138.
4. Petrović N. EU Ideology // *Innovations: The European Journal of Social Science Research*. 2016, Vol. 29, Issue 1, pp. 5–76.
5. Zeitzoff Th. Anger, Exposure to Violence, and Intragroup Conflict: A “Lab in the Field” Experiment in Southern Israel // *Political Psychology*. 2014, Vol. 35, Issue 3, pp. 309–445.
6. Hacker K. L., Coste T. G. A political analysis of network television news viewers’ discourse // *Howard Journal of Communications*. 1992, Vol. 3. Issue 3–4, pp. 299–316.
7. Feldman S., Johnston Ch. Understanding the Determinants of Political Ideology: Implications of Structural Complexity // *Political Psychology*. 2014, Vol. 35, № 3, pp. 337–358.
8. Гаджиев К.С. Конец или возрождение идеологии? // *Свободная мысль*. 2016. № 1 (1655). С. 93–104.
9. Баранов А.Н., Северская О.И. Образы России в современном политическом и социально-политическом дискурсах // *Языковая личность. Аспекты изучения*. Сб. научн. ст. памяти чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулова С. 27–33.
10. Баранов А.Н. Справедливость и равенство: лингвистика и экстралингвистика // *Общественные науки и современность*. 2017. № 3. С. 73–85.
11. Ланин Д.А., Ланина Е.А. «Идеи и знаки. Семиотика, философия языка и теория коммуникации в эпоху французской революции». СПб: Лики России, 2004. 248 с.
12. Рубцов А.В., Любимова Т.Б., Сыродеева А.А. Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. MOSCOW, ИФ РАН, 2016. 246 с.
13. Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть I. // *Философский журнал*. 2016. Т.9. №4. С. 5–17.
14. Межуев В.М. Философия как идеология // *Философский журнал*. 2017. Том 10. № 4. С. 171–180.
15. Гуревич П.С. Философская экспертиза идеологии // *Философская антропология*. 2018. Т. 4. № 1. С. 8–26.
16. Рыскельдиева Л.Т., Коротченко Ю.М. Текстовый подход в социальной философии // *Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 51. № 1. С. 153–170.
17. Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст // *Социологическое обозрение*. Том 7. №1. 2008. С. 25–43.
18. Ricoeur P. Can there be a scientific concept of ideology? // *Fenomenology and The Social Science: A Dialogue* / Ed. J. Bien. The Hague: Martinus Nijhoff, 1987, pp. 44–50.

Korotchenko Y.M. Problematization the Criticism of Ideology in Phenomenological Hermeneutics // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 33–40.

The subject of discussion in the article is the means of philosophical criticism of ideology in phenomenological hermeneutics. The aim of the proposed study is to discover the origins of philosophical criticism of ideology and to reveal the role of phenomenological hermeneutics in the formation of a philosophical reflexive approach to ideology. The author connects the novelty of the research results with their embeddedness in ones that are more general and emphasizes that the research is intermediate in nature, being embedded in a more general one with the author's intention to investigate specificity of analytic criticism of ideology and the effectiveness of the synthesis of hermeneutic and analytical approaches to ideological phenomena. The specificity of the philosophical consideration of ideology as unbiased, generalized and non-valuable in relation to its specific varieties is emphasized. It is noted that the unbiased philosophical discussion of ideology is manifested in the fact that it is not an evaluative discussion of any particular ideology, and the generalization of the results is that this is a discussion of the ideological as itself. The foundations for a philosophical and critical review of ideology in a textual approach in social knowledge are revealed. Attention is drawn to the fact that both the textual approach in social science and the inclusion in the object zone of philosophical criticism of such social phenomena as ideology from this point of view were initiated by phenomenological hermeneutics. The author marks that philosophical criticism of ideology appeared to be possible, first of all, due to phenomenological-hermeneutic immersion of the social knowledge subject area into the text reality.

Keywords: ideology, philosophical criticism of ideology, phenomenological hermeneutics, textual approach in social science

References

1. Rubtsov A.V., Lyubimova T.B., Syrodeeva A.A. Prakticheskaya ideologiya. K analitike ideologicheskikh protsessov v politicheskoy i sotsiokul'turnoy real'nosti [Practical Ideology. To the Analitics of Ideological Processes in Poltical and Socio-Cultural Reality]. Moscow, IF RAS, 2016, 246 p.
2. Kinna R., Prichard A. Anarchism and non-domination // Journal of Political Ideologies. DOI: 10.1080/13569317.2019.1633100 URL :https://doi.org/10.1080/13569317.2019.1633100 (Accessed: 28 June 2019).
3. Kolvraa C., Forchtner B. Cultural imaginaries of the extreme right: an introduction // Patterns of Prejustice. 2019. Vol.53, Issue 3, pp. 227–235.
4. Umbach M., Clulow Z. The Political is Personal: an Analysis of Crowd-Sourced Political Ideas and Images from a Massive Open Online Course // Journal of Political Ideologies. 2019. Vol. 24, Issue 2, pp. 121–138.
5. Petrović N. EU Ideology // Innovations: The European Journal of Social Science Research. 2016, Vol. 29, Issue 1, pp. 5–76.
6. Zeitzoff Th. Anger, Exposure to Violence, and Intragroup Conflict: A “Lab in the Field” Experiment in Southern Israel // Political Psychology. 2014, Vol. 35, Issue 3, pp. 309–445.
7. Hacker K. L., Coste T. G. A political analysis of network television news viewers' discourse // Howard Journal of Communications. 1992, Vol. 3. Issue 3–4, pp. 299–316.
8. Feldman S., Johnston Ch. Understanding the Determinants of Political Ideology: Implications of Structural Complexity // Political Psychology. 2014, Vol. 35, № 3, pp. 337–358.
9. Gadzhiev K.S. Konets ili vozrozhdenie ideologii? [The End or Renaissance of Ideology?] // Svobognaya mysl'[Free Thought]. 2016. № 1 (1655), pp. 93–104..
10. Baranov A.N., Severskaya O.I. Obrazy Rossii v sovremennom politicheskom i social'no-poeticheskom diskursakh [Russia's Images in Modern Social and Social and Poetical Dicourses] // Yazykovaya lichnost'. Aspecty izucheniya. Sb. nauchn. st. pamyati chl.-korr. RAN Yu.N. Karaulova. [Language Personality. Aspects of investigation. Coll. of scientific papers in RUS Corr-Member Yu.N. Karaulov memory], pp. 27–33.

11. Baranov A.N. Spravedlivost' i ravenstvo: lingvistika i ekstralingvistika [Justice and Equality: Linguistics and Extralinguistics] // Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Science and Modernity]. 2017, № 3, pp. 73–85.
12. Lanin D.A., Lanina E.A. Idei i znaki. Semiotika, filosofiya yazyka i teoriya kommunikatsii v epokhy frantsuzskoy revolyutsii [Ideas and Signs. Semiotics, Philosophy of Language and the Theory of Communication in the Epoch of French Revolution]. SPb: Liki Rossii Publ., 2004, 248 p.
13. Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna [Philosophy and Ideology: since Marx to postmodernism] / Ed. A.A.Guseynov, A.V. Rubtsov; coll. A.V.Rubtsov. Moscow, Progress-Tradition, 2018, 464 p.
14. Solovyov E.Yu. Philosophia kak kritika ideologiy. Chast' I [Philosophy as a Criticism of Ideology. Part I] // Filosofskiy zhurnal [Philosophical Journal]. 2016. Vol. 9, №4, pp. 5–17.
15. Mezhuiev V.M. Filosofiya kak ideologiya [Philosophy as Ideology] // Filosofskiy zhurnal [Philosophical Journal]. 2017, Vol. 10, № 4, pp. 171–180.
16. Gurevich P.S. Filosofskaya ekspertiza ideologii [Philosophical Expertise of Ideology] // Filosofskaya antropologiya [Philosophical Anthropology]. 2018, Vol. 4, № 1, pp. 8–26.
17. Ryskel'diyeva L.T., Korotchenko Yu.M. Tekstovyi podkhod v sotsial'noy filosofii [Textual Approach in Social Philosophy] // Epistemologiya i Filosofiya nauki [Epistemology and Philosophy of Science]. 2017, Vol. 51. № 1, pp. 153–170.
18. Ricoeur Paul. The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text // Sotsiologicheskaya obozreniye [Sociological Review]. Vol. 7, №1, 2008, pp. 25–43.
19. Ricoeur P. Can there be a scientific concept of ideology? // Fenomenology and The Social Science: A Dialogue / Ed. J. Bien. The Hague, Martinus Nijhoff, 1987, pp. 44–50.

УДК 168:53(93)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПА ИНТЕРВАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОТКРЫТИЙ ФИЗИКИ XX В.

Лазарев Ф.В.⁴

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: fellazarev@rambler.ru

В статье прослеживается внутренняя логика становления ряда ключевых понятий интервального подхода в контексте важнейших открытий в физике XX века. Речь идет о таких понятиях, как интервал, принцип интервальности, диалектика относительного и абсолютного и другие. При этом обращается внимание на то, что современная физика – это лишь один из истоков названного подхода. Не менее важную роль в его формировании играли философские идеи Лейбница, Гегеля, Маркса и других. Кроме того, интервальная парадигма есть результат введения в оборот мыслительной культуры принципиально новых идей, которые непосредственно не вытекают из предшествующего мыслительного опыта науки и философии. Принцип интервальности основан на следующих постулатах: все типы реальности имеют интервальную структуру; результаты любого акта познания относительно к условиям познания; условия познания задаются интервальной структурой реальности; если существует переход от одних условий познания к другим, то существуют инвариантные универсалии, которые не зависят от условий познания. С одной стороны, принцип интервальности обоснован в истории физики, с другой – он, будучи приращением философского содержания, сам позволяет по-новому посмотреть на смысл принципов относительности и дополнительности.

Ключевые слова: интервальный подход, система отсчета, принцип относительности, принцип дополнительности.

1. Принцип относительности в творчестве Эйнштейна

Разработка интервальной метафизики и методологии теснейшим образом связана с новаторскими идеями и открытиями в физике XX в. Такие понятия как система отсчета, инвариантность, относительность, дополнительность и др. нашли свое место и в интервальной философии. Повлияла ли она на современную методологическую культуру? Какова специфика физического и философского контекстов их употребления?

Проблема относительности в физике органически связана с понятием системы отсчета. В трактовке физической стороны этого понятия у ведущих ученых не существует серьезных разногласий. В центре многолетних споров, как правило,

⁴ От редакции. В текущем году исполняется 45 лет «интервальному подходу» - оригинальной методологии научного исследования. Её автор, крымский философ Ф.В. Лазарев, доктор философских наук, подводит некоторые итоги, анализируя её общенаучные истоки и дает оценку месту этой методологии в совокупности современного философского знания.

оказывается не физика, а метафизика вопроса. Если, как установил Эйнштейн, встроенной в структуру мира абсолютной системы отсчета не существует, то каков онтологический статус относительной системы? Каковы ее познавательные функции, каково соотношение субъективного и объективного, абсолютного и относительного? В чем смысл самого принципа разделения на абсолютное и относительное в описании физической реальности?

В основе системы отсчета в физике лежит система координат Декарта. Ученые не могли бы формулировать законы физики в математической форме без декартового метода. «Идея координат чрезвычайно проста... И все же в этом построении содержатся весьма принципиальные предпосылки, которые заслуживают внимания, но которые так и не были полностью раскрыты до Эйнштейна... И в самом деле, хотя системы координат вошли в употребление в физике несколько сот лет назад, никто не пытался рассматривать их со столь фундаментальной точки зрения, как это сделал Эйнштейн» - пишет по этому поводу К. Ланцош [1, С. 32].

Виртуальный спор между Эйнштейном и Ньютоном о природе «системы отсчета» касается всех важнейших аспектов проблемы – математического, физического, онтологического и эпистемологического. Эйнштейн сформулировал революционный вывод о том, что не существует никакой абсолютной, привилегированной системы отсчета. Это открытие содержало в себе не только физический или математический смысл, но влекло за собой глубокие изменения в наших онтологических и эпистемологических воззрениях. Из разработки этой проблемы Эйнштейном можно сделать несколько важных выводов:

- глубокое проникновение в проблему концепта системы отсчета было важной частью самих новаторских открытий ученого в современной физике;
- творчество ученого в этом контексте показало, что данная проблема неизбежно затрагивает не только физическую, но и философскую сторону дела;
- философская трактовка Эйнштейном понятия «система отсчета» вытекает из его общих философских взглядов и может быть подвергнута критическому пересмотру с позиций других философских подходов;
- философские установки ученого, его понимание устройства универсума в целом на первом этапе его творчества сыграли важную эвристическую роль в специальной и общей теории относительности, но завели ученого в тупик на следующих этапах. В спорах Эйнштейна и Бора в целом прав оказался последний.

Для Эйнштейна изучаемый физический мир был единым, целостным, рационально устроенным мирозданием, в котором действуют всеобъемлющие принципы, такие, например, как принцип равноправия всех систем отсчета, движущихся равномерно и прямолинейно друг относительно друга (СТО), принцип эквивалентности массы и энергии, принцип равноправия всех систем отсчета (ОТО). Ученый полагал, что физика связана не только с законами, но и с принципами, которые имеют более фундаментальный статус. Отсюда вытекала и стратегия физического познания: можно потерять в простоте, но достичь существенного продвижения к единству, к постижению универсальной структуры объективного *ratio* в космосе. Во всем многообразии физических явлений Эйнштейн

гениально прозревал единую суть, проникая в глубинную гармонию вселенной. «До сих пор еще не случилось, чтобы железные следствия одной единственной идеи – относительности систем отсчета – приводили к столь всеобъемлющим результатам [1, С. 126]. Ученый говорил: «Наиболее непостижимая вещь в мире заключается в том, что мир постижим» [1, С. 127]. К. Ланцош пишет: «Мысль о том, что мы можем не только просто описывать физический мир, но и понимать его внутренний механизм, оказалась опьяняющей для всего его мышления» [1, С. 20].

Философский потенциал мышления Эйнштейна основан на физической идее относительности (открытой еще Галилеем), понятой в широком онтологическом контексте. Эта идея тесно связана с понятием системы отсчета, с существованием неких замкнутых миров, изнутри которых мы имеем весь мир в миниатюре. Однако он считал, что то, что с помощью принципа относительности получил Ньютон, это лишь приближение к реальности, искусственно ограниченное некоторыми случайными послылками, например, верой в абсолютные системы отсчета. Поэтому надо оказаться от всех таких ограничений и получить в результате максимально обобщенный, по-настоящему универсальный результат, по отношению к которому прежняя физика – лишь частный, приближенный случай. Идея поиска, таким образом, проста – использовать эвристические возможности обобщения, заложенные в принципе относительности и в понятии системы отсчета. Тактика исследования заключается в том, чтобы идти чисто логическим путем, переосмысливая прежние понятия и соотношения по мере расширения рамок принципа относительности. Эйнштейн разработал и метод такого обобщения: шаг за шагом отказываться от запретов и ограничений, которые накладывались на принцип относительности на предыдущих этапах развития физики. Сначала брались в расчет только инерциальные системы отсчета и применительно только к механическим процессам. Затем Эйнштейн обобщает принцип относительности на любые физические события, в дальнейшем он обобщает его на случай равномерно ускоренных систем отсчета, затем на любые системы отсчета. Мы видим, как ученый шаг за шагом снимает ограничения на исходные абстракции, расширяя тем самым интервал их действия.

В чем же заключалась ограниченность методологии Эйнштейна? В том, что он: 1) не видел ступенчатость абстрагирования как отражения структуры самой природы, т.е. факт вложенности интервалов друг в друга и объективной обоснованности каждого шага обобщения; 2) не видел многомерности абстрагирования, в частности, дополнительности интервалов, как обнаружил Бор. Этим объясняется разрыв Эйнштейна с магистральной линией развития физики после 20-х годов XX века и его споры с Бором. Кстати, Бор обобщая понятие относительности, видит в понятии системы отсчета не субъективное средство описания, а реальную экспериментальную ситуацию.

Дискуссия, развернувшаяся в научной среде вокруг принципа относительности, привлекла в свое время внимание многих отечественных ученых. Так, В. А. Фок, обращаясь к этой проблеме, строго различает два принципа относительности – принцип Птолемея-Коперника и принцип Галилея. Первый носит формально-математический или логический характер, второй – физический. Первый

принцип не является выражением какого-либо закона природы, а служит лишь гарантией непротиворечивости между уравнениями, написанными в разных координатных системах. Напротив, принцип относительности Галилея есть принцип физический. Он гласит: прямолинейное и равномерное движение материальной системы как целого не влияет на ход процессов, происходящих внутри системы. Принцип Птолемея-Коперника говорит о процедуре сравнения способов описания одного и того же явления с точки зрения каждой из двух систем отсчета. Что касается принципа Галилея, то здесь сравниваются явления, протекающие в двух разных системах отсчета. Любому явлению внутри одной системы отсчета можно сопоставить такое же явление внутри другой системы, как бы перенеся явление из одной локализации в другую. Эта возможность физической адаптации является решающим условием применимости принципа относительности Галилея [2, С. 8–9].

Обобщая классическую механику в рамках специальной теории относительности, Эйнштейн принимает без изменения справедливость евклидовой геометрии для физического пространства и первый закон Ньютона, включающий в себя неизменность свойства прямолинейности и равномерности свободного движения. Релятивистская механика принимает также принцип относительности Галилея. Однако действие этого принципа переносится не только на механические процессы, но и на электромагнитные и любые иные процессы, происходящие внутри замкнутой системы.

Глубокий методологический смысл принципа относительности был раскрыт А. Пуанкаре и А. Эйнштейном. Следующий шаг в этом направлении был сделан Н. Бором в связи с открытием принципа дополнительности. Ученый обратил внимание на три важных обстоятельства: во-первых, принцип дополнительности (в отличие от принципа относительности, который отражает диалектику внутреннего и внешнего), основан на диалектике актуального и потенциального; во-вторых, этот принцип выступает продолжением и обобщением принципа относительности. На этот факт специально обращает внимание Бор. Эту идею поддерживает и конкретизирует академик Фок, формулируя ее как «относительность к средствам наблюдения». Наконец, Н. Бор обращает внимание на тот факт, что данный принцип может быть применен в качестве методологического и за пределами физики – в культурологии, психологии и т.п. Однако, Бор, оставаясь физиком, вовсе не считал своей задачей детально обсуждать эти проблемы. В нашей научной литературе эту задачу взяли на себя такие философы, как И. С. Алексеев, Б. Г. Кузнецов, и др., но они при осмыслении философского содержания данного принципа не выходят за рамки философских вопросов естествознания. Рассмотреть эти принципы как элементы единой методологической конструкции, обобщенной благодаря принципу интервальности – такова была задача на следующем этапе анализа проблемы.

Существует весьма устойчивая точка зрения, согласно которой суть принципа относительности состоит в том, что законы природы не зависят от системы отсчета. Эта точка зрения не является достаточно корректной. Во-первых, этот принцип богаче по содержанию, ибо в него входит утверждение, что результаты наблюдения относительны к системе отсчета, во-вторых, как показала теория относительности, эти законы зависят от условий познания. Это только

«изнутри» интервала абстракции механики Ньютона можно сказать, что законы этой теории не зависят от системы отсчета.

В-третьих, рассмотрение принципа дополнительности как продолжения и обобщения принципа относительности означает, с одной стороны, обогащение его, с другой, – фундаментальный пересмотр, расширение и изменение познавательного статуса принципа относительности. Последний теперь должен рассматриваться как выходящий за рамки естествознания, как не только физический, но и метафизический, философский принцип, распространяющийся на любые акты познания и имеющий универсальный онтологический и гносеологический статус.

2. Содержание принципа интервальности

Принцип интервальности – ключевое понятие интервальной метафизики. Хотя с того момента, как появилась первая публикация на эту тему прошло 45 лет [3], данное понятие нуждается в дальнейшем осмыслении. Возможно, в этом нет ничего удивительного, ведь оно тесно соприкасается с принципом относительности, принципом дополнительности, которые и сегодня остаются предметом обсуждений и дискуссий. Осмысление названных принципов может идти на трех уровнях: 1) уровень предметной онтологии внутри самой науки; 2) уровень дисциплинарной онтологии на стыке науки и методологии; 3) мета-уровень философской онтологии и эпистемологии. Так, Н. Бор анализирует принцип дополнительности на всех трех уровнях. В итоге он приходит к выводу, что этот принцип представляет собой обобщение принципа относительности и может, кроме того, использоваться за рамками физики в других науках. Д. Бом пытался рассмотреть относительность в физике – как на дисциплинарном, так и на философском уровне. Именно у него появляется мысль обобщить понятие «система отсчета» на гносеологическом уровне. Однако эта инициатива не имела дальнейшего развития. В результате случилось так, что исследований по эпистемологическому осмыслению принципа дополнительности было много (особенно в нашей философской литературе), а попыток то же самое сделать в отношении принципа относительности практически не было.

Именно эту задачу в свое время взял на себя интервальный подход. Но для того, чтобы обобщить какое-то физическое понятие или физический принцип, мало исходить только из концептуального багажа самой науки. Здесь нужна какая-то встречающая философская идея. Должно произойти взаимное приращение смысла на стыке физики и философии. Именно так произошло в свое время при становлении принципа дополнительности.

Процесс осмысления принципа относительности в физической и философской литературе не был доведен до конца. Существенный вклад в эту работу внес Е. Вигнер, который обратил внимание на важность идеи инвариантности в точных науках, а ведь инвариантность – это обратная сторона относительности. М. Планк также обратил внимание на необходимость понимания диалектики относительного и абсолютного при осмыслении сути теории относительности.

Рассматривая принцип дополнительности на метауровне, Н. Бор, как отмечалось, высказывает идею о том, что этот принцип является обобщением

принципа относительности. Эта интересная идея Бора нуждается, однако, в уточнении. Дело в том, что принцип относительности отображает диалектику абсолютного и относительного так, как она проявляется в физической науке. Что касается принципа дополнительности, то он связан с диалектикой актуального и потенциального. Эти принципы являются симметричными по своему категориальному статусу и в этом смысле автономными. Но Бор прав, когда обнаруживает глубинную связь между ними. Последняя выражается в том, что оба принципа демонстрируют относительность к средствам локализации и описания. В одном случае – относительность к системе отсчета, в другом случае – относительность к прибору. Эту идею в дальнейшем развивает и углубляет А. В. Фок. Рассуждения Фока строго ограничены рамками физики, точнее, дисциплинарной онтологией этой науки, но они дают пищу для анализа в более широком рефлексивном поле. В частности, они позволяют сделать два важных шага на стыке физики и философии. Первый шаг заключается в том, чтобы распространить идею относительности к средствам наблюдения и описания на другие сферы познания. Второй шаг предполагает выдвижение некоей онтологической идеи на метауровне, которая раскрывала бы смысл понятия «средства наблюдения и описания» в предельно широком философском контексте. Такой идеей в методологии интервальности стало представление об интервальной структуре реальности и понятие интервала. Указанные два шага и приводят философскую мысль к понятию принципа интервальности. В известном смысле можно сказать, что данный принцип является синтезом на общеполитическом уровне принципа относительности и принципа дополнительности. Здесь уместно еще раз вспомнить, что возможность метатеоретической интерпретации идеи дополнительности была продемонстрирована самим Бором. Однако аналогичной проработки принципа относительности мы в литературе того времени не встречаем, если не считать отдельных высказываний на этот счет Д. Боба.

Интервал – это любая самозамкнутая целостность в структуре реальности, имеющая как внешний, так и внутренний аспект своего существования. Примером здесь могут служить такие целостности, как атом, живой организм, биосфера, солнечная система, галактика, черная дыра. В релятивистской механике примером является «пространственно-временной интервал»; в сфере применимости классической механики самозамкнутыми интервалами могут быть локализованное пространство само по себе или локализованное время. Пример с пространственно-временным интервалом в физике показывает, что интервал включает в себя идею инвариантности, т.е. абсолютности в заданных границах.

Часто интервал рассматривают как пространство актуализации того или иного свойства исследуемого предмета. Но это лишь одна сторона дела. Например, система отсчета не является пространством актуализации таких свойств тела, как скорость, траектория и др. Речь идет о пространстве, в котором неопределенное становится определенным, непрерывное – прерывным, бесконечное – конечным, а также происходит разбивка характеристик предмета на варианты и инвариантные. Так, в классической механике скорость материального тела является относительным свойством, а масса тела – инвариантным.

Новаторские идеи в физике XX столетия, связанные с разработкой теории относительности и квантовой механики, явились поворотным пунктом не только внутри самой физической науки, но в определенной степени и в сфере философской и методологической мысли. Фундаментальные открытия того времени позволили осмыслить в широкой интеллектуальной перспективе базовые физические законы и принципы. В новом свете были увидены такие исходные понятия опытного естествознания, как пространство и время, относительность, инвариантность, масса и энергия и др. В результате глубокому пересмотру подверглась не только собственно физическая сторона дела, но и лежащая за ней концептуальная сетка «глубокого залегания», образующая дисциплинарную онтологию науки. Поэтому отнюдь не случайно было то, что интенсивное развитие физики первой половины XX в. сопровождалось многочисленными дискуссиями по таким вопросам, как «физическая реальность», «причинность», «атомизм», «наблюдатель», «принцип соответствия», дуализм «волна-частица» и др.

Все это, в свою очередь, привело к тому, что революционные идеи и подходы в физике позволили сделать еще один шаг на пути обобщения – перейти от онтологии науки к переосмыслению ряда традиционных проблем метафизики и эпистемологии, выходящих за рамки естественнонаучного знания. На этот второй, собственно философский аспект физических открытий XX в. в свое время обратили внимание и сами классики науки – А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг и др. Так, Н. Бор прямо указывал, что познавательный потенциал принципа дополнительности выходит за рамки физики.

В контексте сказанного возникает специфическая проблема методологического плана – проблема эпистемологического и логического смысла скачка с конкретно-научного уровня знания на общеполитический. То, что в философском плане высветила современная физика (фундаментальные структуры строения реальности), не лежало, однако, на поверхности рефлексивного поля как нечто очевидное. Здесь необходимо было предпринять специальное интеллектуальное усилие (выходящее за рамки науки в более широкую сферу философской рефлексии), чтобы за частным увидеть и зафиксировать всеобщее. Эта трансгрессия мысли с одного уровня обобщения на другой предполагала приращение смысла используемых при анализе как научных, так и философских понятий.

Однако необходимым условием такого приращения смысла является наличие на уровне методологии новых идей и подходов, которые позволяли бы выработать новую перспективу видения данной проблематики. Аналогичную гносеологическую ситуацию в свое время рассматривал Дж. Холтон в своей работе в рамках «тематического анализа». Известно, что идея дополнительности – это не результат логического обобщения того, что происходило в развитии квантовых представлений, а некая онтологическая модель, привнесенная в физику из сферы далекой от опытного естествознания. Мы имеем здесь ситуацию, когда, с одной стороны некая идея, существовавшая на интуитивном уровне в лоне философской рефлексии, неожиданно находит конкретный пример своего плодотворного применения в точной науке, с другой стороны, наука получает на основе этой идеи

эвристически емкий методологический ключ для интерпретации спорных физических проблем. В итоге трансгрессия оказалась не обобщением в традиционном понимании этого слова, а взаимным концептуальным обогащением: физика получила методологический принцип, а философия приобрела конкретный пример эмпирического применения. Поначалу расплывчатая философская модель становится четким, обоснованным научным понятием. Важно, однако, подчеркнуть, что философская модель, обогатившись в своем содержании за счет конкретного применения в определенной сфере научного знания, не утрачивает при этом свой исходный более широкий смысл и может в дальнейшем, но уже в более четких своих очертаниях, быть использована в других научных дисциплинах. Именно это и произошло с принципом дополнительности. Наложение идеи дополнительности на физическую проблематику квантовой механики дало, благодаря усилиям Н. Бора, блестящий результат, но это не мешает использовать найденный принцип в других сферах научного знания.

Здесь следует, впрочем, заметить, что на пустом (с точки зрения свежих онтологических идей) поле метафизики первой половины XX в. рассмотренная выше трансгрессия во взаимоотношениях между наукой и философией могла произойти лишь в редких случаях. К тому времени в арсенале философии, по сути, не было онтологических схем, моделей или емких метафор, которые могли бы быть взяты на вооружение конкретными науками. Только во второй половине XX в. в философии и методологии науки начинается процесс разработки онтологических идей и категорий, которые содержали в себе возможность стать катализаторами и источником новых обобщающих смыслов в сфере конкретно-научного знания. Так, в рамках синергетического подхода в 70-е годы были предприняты значительные усилия по разработке не только новой картины мира, но и важных элементов общеполитической онтологии, которые могли бы служить методологическими ориентирами в научных исследованиях целого ряда дисциплин. Речь, прежде всего, идет о работах И. Пригожина [4]. Представители синергетики усмотрели в физической теории неустойчивых процессов и неравновесных систем более общие, выходящие за пределы физической теории свойства, структуры и закономерности, философское осмысление которых в принципе может быть использовано при исследованиях биологических, социально-экономических и культурных процессов.

Что касается аналогичных усилий по обобщению на философском уровне открытий, ключевых понятий и принципов в области релятивистской механики и атомной физики, то такая работа в середине XX в. была проведена лишь частично и не предполагала выхода в сферу метафизики. Лишь позднее в рамках интервальной философии были предприняты попытки метатеоретического осмысления и обобщения ключевых принципов и базовых абстракций современной физики. В итоге теория относительности и квантовая механика фактически стали важнейшим идейным истоком формирования интервального мышления. В этом контексте особую роль играли эйнштейновский подход к идее физической относительности и концепция дополнительности Н. Бора. В некотором смысле **можно сказать, что теория интервальности была философским обобщением базовых принципов физики XX столетия.**

Однако было бы ошибочно думать, что интервальная методология является обычным формальным обобщением физических абстракций. Во-первых, физика была хотя и важным, но только одним из истоков данной методологии. Не менее значительную роль в ее становлении играли философские идеи ряда классических учений, например, Лейбница, Гегеля, Маркса. Во-вторых, интервальные концепты есть результат не только идейной преемственности, но и введение в оборот принципиально новых представлений, которые непосредственно не вытекают из предшествующего мыслительного опыта науки и философии.

В каком смысле, однако, мы все же можем говорить, что интервальные концепты – это обобщение физических представлений? Обратимся для ответа к такому понятию, как «физическая» реальность». Это понятие относится к числу тех категорий, которые образуют дисциплинарную онтологию физики. Процесс обобщения в данном случае предполагает, что мы переходим от физического уровня к онтологии общего типа, которая включает в себя объекты, как физической, так и биологической, социальной, культурной и т. д. природы. Кроме того, следует иметь в виду, что сами физические понятия и принципы, сама частная методология должны быть философски осмыслены (философия науки), интерпретированы с позиций тех или иных философских учений. В результате мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда какое-то ключевое физическое понятие получает разные философские толкования. Например, понятие «система отсчета» в современной физике, понятия «относительность», «дополнительность», «наблюдение», «причинность» и др.

Принцип интервальности включает в себя следующие постулаты:

- все типы реальности имеют интервальную структуру;
- результаты любого акта познания относительно к условиям познания;
- условия познания задаются интервальной структурой реальности;
- если существует переход от одних условий познания к другим, то существуют инвариантные универсалии, которые не зависят от условий познания.

С одной стороны, принцип интервальности находит свое прояснение и обоснование в истории физики, в принципах относительности и дополнительности, с другой – он, будучи приращением философского содержания, сам позволяет по-новому, с более широкой точки зрения посмотреть на смысл этих принципов.

Список литературы:

1. Ланцош К. Альберт Эйнштейн и строение космоса / К. Ланцош. – М.: Наука, 1967 – 160 с.
2. Фок В. А. Теория Эйнштейна и физическая относительность / В. А. Фок. – М.: Знание, 1967. – 48 с.
3. Лазарев Ф. В. Относительность и принцип интервальности // Проблемы логики и методологии науки. – М.: Изд-во московского университета. 1974. – С. 218–233.
4. Пригожин И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ.. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

Lazarev F.V. The Formation of the Of Interval Approach in the Context of the Revolutionary Discoveries of Physics of the XX Century // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 41–50.

The article traces the formation of some key concepts of interval approach in the context of the most important discoveries in the twentieth's century physics. We are talking about concepts such as an interval, an intervality principle, a dialectic of the relative and dialectic of absolute, others. The author underlines that modern physics is only the one of sources of the above-mentioned approach. Significant role in its formation played the philosophical ideas of Leibniz, Hegel, Marx and others. In addition, the interval paradigm is the result of the introduction in the culture of fundamentally new ideas that do not directly follow from the previous thought experience of science and philosophy. The principle of interval is based on the following postulates: all types of reality have an interval structure; the results of any act of cognition are relative to the conditions of cognition; cognition conditions are set by the interval structure of reality; if there is a transition from one condition of cognition to another, then there are invariant universals that are independent of the conditions of cognition. On the one hand, the principle of interval is substantiated in the history of physics; on the other hand, being an increment of philosophical content, it allows one to take a fresh look at the meaning of the principles of relativity and complementarity.

Keywords: interval approach, reference system, principle of relativity, principle of complementarity.

References

1. Lancosh K. Al'bert Ejnshtejn i stroenie kosmosa [Albert Einstein and the Structure of the Space]. Moscow, Nauka, 1967, 160 p.
2. Fok V. A. Teoriya Ejnshtejna i fizicheskaya otnositel'nost' [Einstein's Theory and Physical Relativity]. Moscow, Znanie, 1967, 48 p.
3. Lazarev F. V. Otnositel'nost' i princip interval'nosti [Relativity and the Interval Principle] // Problemy logiki i metodologii nauki [Logic problems and methodology of science]. Moscow, Izdatelstvo moskovskogo universiteta, 1974, pp. 218–233.
4. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoj [Order out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature]. Moscow, Progress, 1986. 432 p.

УДК 1(091)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КРИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ⁵

Львов А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: a.lvov@spbu.ru

Историки философии нередко сталкиваются с актуальной политической или резонансной общественной повесткой дня. Хотя их исследования, на первый взгляд, носят достаточно специальный характер, именно историки философии нередко оказываются на передовой актуальных вызовов в современном гуманитарном знании. В предлагаемой статье мы покажем, что историография истории философии, то есть рефлексия третьего порядка, открывает для нас новый ракурс классической школьной проблемы, а именно, что человек, мыслящий исторически, не столько обозначает проблемы современности стремлением ее переоценить, сколько поступком своей исторически обоснованной мысли на самом деле изменяет ее. Для нас важно понять, какие методологические стратегии разрабатывают сегодня историки философии, насколько вовлечены они оказываются в обсуждение актуальных общественных, политических и культурных проблем и какой предложенный ими критический инструментариум востребован в общественных науках. Также историко-философские исследования позволяют зафиксировать становление и развитие потребности к самосознанию у региональных культур: в статье мы исследуем случай, характерный для аналитической традиции, критики полезности историко-философских штудий в самостоятельном философствовании. Историко-философский подход выполняет функцию инструмента понимания (Verständnis) и выявления сходств и различий, что позволяет преодолеть присущий новоевропейской традиции европоцентризм. Таким образом, история философии, историография оказывается способом признания разнообразия в исследованиях парадигмальных особенностей и различий – наряду с антропологией.

В трудах историков философии мы можем почерпнуть методологический инструментариум для продуманных, весомых высказываний, артикуляция которых в современном наэлектризованном информационном пространстве оказывается сопоставимым с реальной социальной практикой. В сфере же гуманитарных наук критический контекст истории философии позволяет преодолеть ангажированность философа, и найти убедительные ответы на социально-политические вызовы. Помимо прочего, мы выявляем антропологический аспект историко-философского ремесла, который вскрывает проблемы тех условий новоевропейского самосознания, в рамках которых рефлексия третьего порядка оказывается возможной и плодотворной.

Ключевые слова: историки философии, антропологические исследования, вызовы в гуманитарном знании, социо-политический контекст истории философии, критический контекст истории философии, антиисторизм в аналитической философии, европоцентризм.

⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01440 «Антропологическое измерение истории философии» по Гранту Российского научного фонда). This research was supported by a Grant from the Russian Science Foundation (project 17–18–01440 «Anthropological Dimension of the History of Philosophy»).

Введение. Постановка проблемы

Вполне закономерно, что деятельность историков философии коррелирует с актуальной общественной и политической повесткой дня. С одной стороны, это обуславливается «экспертным характером» их деятельности: историк философии всегда оказывается в своих изысканиях связан с особым рода информацией, которая по большей части и обеспечивает научность статусу философии в системе гуманитарного знания и образования. С другой же стороны, история философии никогда не работает с отвлеченными, чисто историческими вопросами, которые не имели бы никакого отношения к настоящему – напротив, именно в историко-философском контексте принято ставить и обсуждать проблемы самосознания профессионального философа, того особого типа исследователя-гуманитария, который последовательно складывался, начиная с середины XVII века. В этом отношении логика развития рефлексии над историей философии чрезвычайно похожа на логику развития и становления рефлексии над историей науки как таковой – подобные попытки историографических исследований «третьего порядка» своего собственного внутридисциплинарного опыта начались сравнительно недавно⁶.

Как и любая исследовательская деятельность в естественнонаучной или гуманитарной сфере, история философии неизбежно сталкивается с идеологическими или социально-политическими вызовами, ответы на которые ищут и предлагают в том числе и историки философии. История мысли традиционно является неотъемлемой частью собственно философской деятельности, и нередко экспертные мнения или попытка объективной оценки сложившегося положения дел от «нормального» (в терминах Т. Куна) историка философии приобретают статус аналитики современности, то есть чисто философского акта. Показательно, что в XX столетии именно фигура историка – науки ли, философии ли или в смысле Дж. Вико исследователя *res gestae*, [3, с. 13] гражданского историка – вышла на передовую гуманитарного знания. Это во многом было связано с переоценкой накопленного наукой и культурой опыта, а кроме того, с требованием обоснования нового, исторического измерения мысли как уникального творческого, мировоззренческого события. Поэтому тенденции, которые только обозначились в работах В. Дильтея, М. Хайдеггера, Р. Дж. Коллингвуда и многих других авторов начала прошлого века уже на пороге третьего тысячелетия воспринимаются как нечто само собой разумеющееся: историческое исследование позволяет сформировать наше адекватное понимание (*Verständnis*, как называл это Дильтей) тех проблем и процессов, которые имеют место в настоящем. Таким образом, именно в исторической (в широком смысле) перспективе современность выступает как проблема.

⁶ Наиболее замечательным примером здесь, пожалуй, является исследование [1]; оригинальное итальянское издание – в пяти томах; об истории науки см. [2, с. 8].

Помимо проблематизации современности историко-философское знание оказалось удобным пространством для проведения различными исследователями «мысленных экспериментов», более близких к практическим сферам общественных наук: политике, социологии, гендерным исследованиям и др. Для примера можно привести работы Х. Фрайера, сосредоточившего свое внимание на фигуре творца современной политтехнологии Никколо Макиавелли [4] или Л. Альтюссера, посвященные деятелям эпохи Просвещения [5]. Парадоксальным образом под личиной этих исторических исследований обнаруживаются оригинальные социальные и политические идеи их творцов [см. 6; 7].

Таким образом, историография истории философии – рефлексия третьего порядка, или антропологический аспект историко-философских исследований – открывает для нас новый ракурс этой, казалось бы, школьной проблемы: человек, мыслящий исторически, не столько переоценивает, проблематизирует современность, сколько изменяет ее поступком своей исторически обоснованной мысли. Яркие представители этого стиля в современной философии как раз мыслят не историей, а саму историю – как это вслед за Ф. Ницше начал делать М. Фуко [8; 9]. Эстафету интенсивного переосмысления актуальной политической ситуации приняли от него Дж. Агамбен, А. Негри, А. Бадью, также активно использующие в своей работе материал и методы истории философии [см.: 10, с. 527–532; 11]. Однако мы понимаем, что эти и многие другие авторы не являются профессиональными историками мысли, а только пользуются разработками своих коллег по смежной философской дисциплине. В связи с этим нам интересно исследовать тот инструментарий, который историки философии приобрели и выработали в процессе своих профессиональных штудий, позволивший перевернуть представление об истории философии как материале философского исследования и трактовать его как орудие актуального философствования.

1

Казалось бы, такая камерная и сугубо научно ориентированная область знания, как история мысли, сыграла одну из ведущих ролей в осуществлении столь радикального поворота в новоевропейском сознании, как отказ от европоцентризма. Благодаря разработанным именно историками философии методам и подходам, прежде всего компаративному подходу, современные мыслители могут продуктивно преодолевать этот сложившийся стереотип прежнего академического философствования. Причем сама проблема европоцентризма ставится уже не в отношении только пространственно-временных характеристик, т. е. условий доминирования Европы в истории мысли или вообще признания истории ее мысли в качестве единственно возможной философии. Европоцентризм следует трактовать, скорее, как комплексный феномен узнавания, распознавания новоевропейцами самих себя во времени и в пространстве: с одной стороны, существует уникальность региона, по отношению к которому должны быть определены позиции иных региональных традиций, и при этом новоевропейец как цивилизационный тип должен поставить под сомнение свое происхождение.

«Поставить под сомнение» в данном случае означает критическое исследование преемственности западноевропейской метафизики античной и средневековой мысли – и вообще обоснование такой сугубо современной, современной историко-философской перспективы. Впервые такой критический проект, пожалуй, предложил М. Хайдеггер в своем двухтомнике «Ницше» и в последствии вышедшем из него сочинении «Европейский нигилизм» [12, с. 27–224]; еще одним исходным и существенным критическим разбором новоевропейской личности можно признать размышления Э. Гуссерля «Кризис европейских наук» [13]. Расширяющееся поле антропологических исследований также оказало влияние на историко-философские поиски: пристальное внимание современных исследователей все чаще обращает на себя история региональной мысли в контексте региональной культуры (от русской и американской до бразильской и южноафриканской). В этом смысле можно говорить о том, что историко-философские исследования позволяют зафиксировать становление и развитие потребности к самосознанию у региональных культур. Нашу мысль пояснит исследование случая критики полезности историко-философских штудий для самостоятельного философствования, характерной для представителей аналитической традиции⁷.

Философы-аналитики нередко высказываются в том смысле, что история философии не играет для них как для представителей науки сколько-нибудь важной роли. Можно сказать, что импульс подобного пренебрежительного отношения был сформулирован У. Куайном в знаменитом афоризме: «Есть два вида людей, интересующихся философией: те, которые интересуются самой философией, и те, кого интересует история философии» [15, р. 869].

Поскольку философия с точки зрения философов-аналитиков ничем не уступает по точности и строгости своего арсенала и инструментария естественнонаучным дисциплинам, следует признать, что она имеет дело с внеисторическими проблемами [15, р. 869]. Таким образом, для них история философии не является важной философской дисциплиной, если только речь не идет о специальном анализе памятников и документов философской мысли. Впрочем, не все соглашались с этим – например, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ, д. ф. н., проф. В. В. Васильев в своих выступлениях подчеркивает, что для него, как для аналитика, история философии (наряду с логикой) является неотъемлемой составляющей строгости философского исследования. Однако и он признает, что можно и должно говорить о прогрессе в философии, что возможно решать ясно и отчетливо поставленные задачи средствами кабинетной философии, минимализируя историко-философскую разработку проблемы, а также и то, что философия по сути своей имеет дело с метапроблемами, то есть проблемами, находящимися вне пределов и границ того или иного периода истории, которые можно назвать «базовыми естественными убеждениями, естественными установками» [16, с. 22]. Иными

⁷ Далее мы развиваем идеи о характерном для философов-аналитиков антиисторизме, высказанные в статье [14, с. 89–90].

словами, философия достаточно самостоятельна в постановке своих актуальных проблем, и дисциплина истории философии не может снабдить исследователя сколько-нибудь значимыми данными или прояснить постановку той или иной задачи.

С этой точки зрения историк философии и философ занимаются разными видами деятельности. Философское исследование не должно превращаться в экзегетическое, поскольку исторические примеры решения тех или иных проблем не могут помешать или поспособствовать деятельности философа здесь и теперь. Философия чужда историцизму, и в этом смысле никакого дополнительного знания история проблемы для ее решения не несет. Правда, можно найти немало сторонников иной точки зрения, которая особенно распространена среди тех, кто не признает философию наукой. Эту точку зрения нашла свое выражение в афоризме, приписываемом американскому логик Бёртону Дребену (1927–1999): «Философия – это чушь, но история чуши – это наука» [15, р. 873]. То есть особое внимание обращается именно на методологическое различие между собственно философским исследованием и историей тех форм, которые они принимали в прошлом.

Присущий историкам философии понимающий подход (в гуманитарном знании разработанный также в сочинениях М. Вебера, Г.-Г. Гадамера, К. Леви-Стросса и др.) направлен всегда на выявление различий и разнообразия в способах и подходах к рациональному постижению действительности. В подобных исследованиях всегда принимается во внимание историко-культурный контекст, в рамках которого были поставлены те или иные проблемы; иначе говоря, постановка вопроса Аристотелем, Фомой Аквинским и Берtrandом Расселом неодинакова в силу различных исторических и цивилизационных обстоятельств их жизни. Однако в аналитической традиции существует имеющих своих сторонников (П. Ф. Стросон, Д. Дэвидсон) [15, р. 877] тенденция, которая отрицает описанное разнообразие. Например, Питер Стросон настаивал на том, что его логические исследования оснований метафизики затрагивают вневременные, универсальные характеристики мышления: «Если современная логика имеет то значение, которое мы склонны ей приписывать и которое предполагается нашим современным стилем философствования, то она должна отражать фундаментальные характеристики нашего мышления о мире. <...>» [17, с. 11]. При этом Стросон подчеркивал, что опирается в своей мысли на идеи Г. Фреге и – изначально – И. Канта, который, может быть, впервые провозгласил принципиально вневременной характер предложенного и разработанного им трансцендентального метода [17, с. 11–12; 18, р. 96].

И все же важно заметить, что подход, связанный с выяснением подобий и непоподобий концептуальных схем в истории мысли позволяет поставить вопрос вполне в кантовском духе, а именно: при помощи каких особенностей и внутренних установок человека, принадлежащего данной конкретной культуре, объяснить созданную им в процессе познания систему мира? Разумеется, в этом случае мы также имеем дело с определением чего-то по сути своей внеисторичного, но это вовсе не означает, что исследование может быть проведено помимо реконструкции историко-философского контекста. Интересно отметить, что так же понимают свою

задачу и представители истории науки: «<...> что касается истории науки, то, как мне представляется, ее задача – не столько оценивать те или иные теории, высказывания и суждения на предмет их истинности, сколько попытаться понять, что именно двигало исследователями прошлого, каковы были их мотивации, их принципы и стратегии. Иными словами, сверхзадача истории науки – изучение исторически-обусловленных усилий человека познать то, что по своей сути не исторично» [19, с. 40].

Таким образом, получается, что история философии, историография – это способ признания разнообразия в исследованиях парадигмальных особенностей и различий наряду с культурной антропологией [15, р. 878]. В сущности, именно историко-философский материал и методы исследований позволяют преодолеть сложившийся новоевропейский эгоцентризм, принимая во внимание, что в странах, в которых аналитическая традиция существует уже достаточно давно она, тем не менее, вынуждена отстаивать свои права в противостоянии традиционным стилям философствования. Так, например, в Китае традиционные философские течения стремятся утвердить присущие китайской культуре образ и стиль мышления, противостоя универсализирующему влиянию англо-американской традиции [20, р. 4 ff.]. Следовательно, разработанный исследователями понимающий подход в истории мысли, который активно используется в континентальной традиции, оказывается востребованным и для того, чтобы понять способ взаимодействия региональных философских стилей с международным мейнстримом. А это, по существу, роднит историко-философскую рефлексию с антропологической.

2

Открытое в XIX веке историческое измерение человеческой деятельности⁸ дало возможность обосновывать актуальную повестку дня историческими предпосылками. При этом важно то, как фактически оно было обосновано: собственно предпосылки и логические и исторические связи между отдельными фактами оказались оттеснены на второй или даже на третий план. В области политической философии, особенно в той ее дисциплинарной части, которая касается теории и практики принятия решений, такой квазиисторический подход стал неременным условием успешной аргументацией того или иного решения.

В частности, это хорошо заметно на примере того, как и на какие исторические предпосылки обращают внимания теоретики современной демократии, трактуя их в качестве инструмента контроля и экономического и политического доминирования. Например, сравнивая понимание прогресса либеральной демократии в уловных странах Запада и Китайской Народной Республике, Марк Леонард пишет: «Поскольку идеи свободного рынка распространились по всему миру, принципы либеральной демократии зачастую следуют в их кильватере. Только за последние тринадцать лет более шестидесяти

⁸ Альтюссер связывал это открытие с именем Карла Маркса – см.: [21].

стран выбрали демократические принципы для своего развития. Американский ученый Самюэль Хантингтон называл это явление “Третьей волной демократизации” (первая волна зародилась в начале XIX века, вторая возникла сразу после Второй мировой войны)» [22, с. 195]. Совершенно очевидно, что помимо собственно практических (идеологического, политического, экономического и проч.) аспектов, здесь налицо неубедительность для современного Китая подобного рода исторических обоснований. Однако для страны, принимающей такое обоснование, оно – помимо указанных политических аспектов и практических следствий – влечет за собой еще и особую идентификацию со странами условного Запада. Китай, изначально свободный от этого и стремящийся представлять на мировой арене свою собственную цивилизационную (во всеми практическими следствиями) модель, имеет возможность сомневаться в приемлемости такой исторической логики и, соответственно, предлагать мировому сообществу такие принципы, которые могли бы стать основанием для идентификации иных стран и государств с Китаем – условными странами Востока.

С другой стороны, историки философии предоставляют фактический материал для иных, граничащих с ними гуманитарных областей и дисциплин. Известно, насколько историко-философские штудии важны для гендерных исследований – на них основываются не только отдельные статьи на эти и смежные темы, но и обширные энциклопедические издания посвященные, например, женщинам в истории⁹. Очевидно, что подобные проекты возникают потому, что философская рефлексия стремится к охвату все большего фактического материала, который вписывается в пространство философии в силу того, что история философии способна его легитимировать. Интересными примерами этого выступают критические исследования, касающиеся такой важной проблемы современной политологии, как анализ демократических тенденций в развитии конфуцианства [24] и даже вообще условия его выживания как учения в глобализирующемся мире [25]. Важно понимать, что подобного рода исследования возможны, по сути, только тогда, когда создан историографический «общий знаменатель», позволяющий сопоставлять прежде несопоставимые в рамках новоевропейской метафизики величины. Историко-философский подход здесь играет роль такого же особого инструмента понимания и выявления сходств и различий, который оказывается важен для преодоления европоцентризма. Само употребление понятия «восточная философия» имеет сегодня достаточно условный характер и концептуально применяется теперь, пожалуй, лишь в пропедевтических целях. Использование же историографического или компаративного метода позволяет указать на истоки самой методологической рефлексии новоевропейцев, начавшейся с радикального сомнения романтиков XIX века в исключительности естественнонаучного и технического мировоззрения: «Говоря так, можно признать, что сопоставление конфуцианской традиции с западноевропейской современностью

⁹ См.: [23]. Особенный интерес для нашей темы представляют статьи из т. 2 «History and Historiography» (pp. 458–463) и «History of Women» (pp. 463–471).

на самом деле является побочным продуктом более ранних форм критики модерна, который был привнесен в Китай вместе с доминирующими западноевропейскими моделями модернизации» [26, р. 23].

Вместе с тем мы видим, что сегодняшнее положение обязывает историков мысли к большему профессионализму, который смог бы предостеречь и самих исследователей, и их дисциплину как от тенденциозности, так и от поверхностных обобщений, нередко оборачивающихся популизмом. Утверждать об исторических предпосылках, выявленных строгим историографическим анализом фактах или о логике исторического процесса можно только принимая во внимание, созданы ли необходимые условия легитимации исторического сопоставления. Поэтому нередко историко-философский поиск оказывается связан с обсуждением и осмыслением условий возникновения тех или иных учений безотносительно вынесения суждений об их истинности или ложности. Ярким примером является случай со знаменитым переводчиком Аристотеля У. Д. Россом: «После одной из лекций какой-то студент спросил его о том, прав ли Аристотель. Росс ответил: “Мальчик мой, Вы не должны задавать мне такие вопросы. Я лишь пытаюсь выяснить, о чем думал Аристотель. Выяснить, истинно ли то, о чем он думал, – это не мое дело, а философов”» [15, р. 883].

Таким образом, историограф способствует возникновению собственно философской дискуссии, которая может иметь не только сугубо академический интерес и нередко выходит за пределы университетской аудитории. И одновременно он действует как антрополог, умело интерпретируя те или иные особенности мысли тех или иных философов, причем от точности его интерпретации нередко зависит адекватность понимания не только самой мысли философа прошлого или настоящего, но и наш собственный современный интерес к иным формам философской рефлексии. То же можно сказать и о необходимости переводов философских текстов и проблеме их постоянного обновления¹⁰.

Заключение

Мы успели указать на идейное родство, характерное для философской историографии и истории науки; в самом деле, нередко историки философии действуют именно как историки науки, и публикуемые ими работы стремятся дополнить имеющиеся знания и сведения, расширить научную эрудицию. Ярким примером подобного подхода являются составление столь популярных в зарубежных университетах словарей (Dictionaries), охватывающих деятельность тех или иных значимых философов [30; 31], и компендиумов (Companions to), посвященных как отдельным мыслителям, так и актуальному состоянию дел в той или иной отрасли философского знания [32; 33]. Нередко подобные издания представляют результат деятельности исследовательских групп тех или иных

¹⁰ Показательным примером здесь выступает опубликованный недавно новый перевод «Метафизики» Аристотеля [27] и восприятие его в академической среде [28; 29].

университетов. Нужно иметь в виду, что такие издания не только способствуют отчетности и повышению показателей цитируемости сотрудников университетов, но также выполняют важную дидактическую функцию – формируют публику, которая могла бы с помощью таких пособий заинтересоваться и войти в курс актуальных философских, в том числе и историко-философских, исследований.

Важно отметить, что прямым следствием гуманитарных исследований является критика (в широком смысле) актуальной социокультурной ситуации. Воспитательная, практическая функция философии широко распространилась за пределы университетских аудиторий, тем самым провоцируя и способствуя общественной дискуссии об общепринятых ценностях и идеалах. Начиная с 1930-х гг. философы решительно ворвались в медийное пространство и стали необъемлемыми игроками на информационном рынке. Помимо идеологических предпосылок, такой выход на широкую аудиторию был ознаменован тем, что философская мысль почувствовала в себе достаточно сил не стесняться более размерами университетской аудитории. Собственно, первые массовые выступления свободных, политически ангажированных интеллектуалов были связаны с проблемами переустройства университетов. Такие мыслители, как Х. Ортега-и-Гассет, М. Шелер, М. Хайдеггер, О. Шпенглер, Б. Рассел, В. И. Вернадский – примеров можно привести массу, – во многом стремились повлиять на происходящие в современном обществе настроения, воздействовать на мировоззрение людей, как бы следуя знаменитому 11 тезису о Фейербахе о том, что дело заключается в изменении, а не объяснении мира философами. Уже к середине XX столетия сформировалась социальная группа интеллектуалов, которые понимали свою задачу в том числе и в практическом ключе: Ж.-П. Сартр, А. Камю, Н. Хомский, К. Поппер, советские диссиденты и многие другие стремились связать свои интеллектуальные поиски с практическим воздействием на общество. Следствием такой активной работы именно в широком медийном пространстве стало переосмысление сложившихся культурных и общественно-политических стереотипов.

Какое же отношение к этому процессу имеют историки философии? Прежде всего, в их трудах мы можем почерпнуть методологический инструментарий для продуманных, весомых высказываний, артикуляция которых в современном наэлектризованном информационном пространстве оказывается сопоставимым с реальной социальной практикой. Кроме того, нам удалось выявить и антропологический аспект историко-философского ремесла, проблематизирующий в том числе и те условия новоевропейского самосознания, в рамках которых рефлексия третьего порядка оказалась возможной и плодотворной. Антропологический вектор здесь вполне закономерен, поскольку именно в этом направлении задается дальнейший порядок действий в социо-политическом пространстве; нынешняя политическая ситуация с ее стремлением к позиционному противостоянию сторон склонно к антропологическому анализу как союзников, так и противников. В этом смысле историография «теории политики», как называл философию Л. Альтюссер, оказывается незаменимым орудием правильного

стратегического понимания и тактического мышления в условиях реальной политики.

Список литературы

1. Models of the History of Philosophy / ed. G. Piaia, G. Santinello. – New York, Springer, 2011.
2. Жмудь Л. Я. Зарождение истории науки в античности. СПб.: РХГИ, 2002. - 424 с.
3. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. М.: Наука, 1980. - 485 с.
4. Фрайер Х. Макьявелли. СПб.: Владимир Даль, 2011. - 350 с.
5. Althusser L. Politics and History. Montesquieu, Rousseau, Hegel and Marx. New Left Books, London, 1972. - 192 p.
6. Lahtinen M. Politics and philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's aleatory materialism. Leiden, Boston, Brill, 2009. - 327 p.
7. Инер Э. Образцы стойкости. Послесловие // Фрайер Х. Макьявелли. СПб.: Владимир Даль, 2011. - С. 288–350.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. - 383 с.
9. Фуко М. Рождение клиники. М.: Академический проект, 2010. - 252 с.
10. Магун А. В. Единство и одиночество. Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011. - 544 с.
11. Бадью А. Обстоятельства, 3: Направленности слова «еврей». СПб.: Академия исследования культуры, 2008. - 144 с.
12. Хайдеггер М. Ницше. СПб: Владимир Даль, 2007. - Т.2.
13. Гуссерль Э. Кризис европейских наук. СПб: Владимир Даль, 2004. - 399 с.
14. Львов А.А. Историки философии в поиске оснований своей дисциплины: статус истории философии и историко-философская работа // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69). № 4. - С. 84–94
15. Glock H.-J. Analytic Philosophy and History: A Mismatch? // Mind, New Series, Vol. 117, No. 468 (Oct., 2008). P. 867–897.
16. Васильев В. В. Сознание и вещи: очерк феноменалистической онтологии. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. - 240 с.
17. Брюшинкин В. Н. Логика Канта и метафизика Стросона // Кантовский сборник. – 2011. – № 3 (37). – С. 7–17.
18. Alvarez M. Glock on Analytic Philosophy and History // Teorema: Revista Internacional de Filosofía, Vol. 30, No. 1, Simposio sobre el libro / Book Symposium: What is Analytic Philosophy? (2011), pp. 95–102.
19. Дмитриев И. С. «Это логика, а не мышление» (Н. Бор) // Эпистемология и философия науки. 2017. - Т. 51. - № 1. - С. 39–41.
20. Jiang Y., Bai T. Studies in analytic philosophy in China // Synthese, Vol. 175, No. 1, Analytic Philosophy in China (July 2010), pp. 3–12.
21. Альтюссер Л. Ленин и философия. – М.: Ad Marginem, 2005. – 175 с.
22. Леонард М. О чем думают в Китае? М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. - 222 с. 42
23. Smith B. G. The Oxford Encyclopedia of Women in History. Oxford, 2008. 4 vols.
24. Фукуяма Ф. Конфуцианство и демократия. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3226> (Дата обращения: 20.06.2019).
25. Rozman G. Can Confucianism Survive in an Age of Universalism and Globalization? // Source: Pacific Affairs, Vol. 75, No. 1 (Spring, 2002), pp. 11–37.
26. Fröhlich T. Tang Junyi: Confucian Philosophy and the Challenge of Modernity Book. Leiden, Boston, Brill, 2017. 324 p.
27. Аристотель. Метафизика / пер. А. В. Маркова. М.: Рипол-Классик, 2018. - 384 с.
28. Гринцер Н., Щербакова Е. Аристотель. Метафизика. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарий А.В. Маркова. М., 2018 // Вестник древней истории 2019. Том 79. Выпуск 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/vdi/s032103910004517-1-1> (дата обращения: 20.06.2019).

29. Юнусов А. Т. «Бессильная невозможность»: о новом переводе «Метафизики» Аристотеля // Историко-философский ежегодник. - 2018. - Т. 33. - С. 361–385.
30. Inwood M. A Heidegger Dictionary. Wiley-Blackwell, 1999. 300 p.
31. The Cambridge Descartes Lexicon / ed. L. Nolan. Cambridge University Press, 2016. 778 p.
32. A Companion to Socrates / eds. S. Ahbel-Rappe, R. Kamtekar. Oxford, Blackwell Publishing, Ltd., 2006. 520 p.
33. Dao Companion to Neo-Confucian Philosophy / ed. J. Makeham. Springer, 2010. 488 p.

Lvov A.A. Social-political and Critical Aspects in Contemporary History of Philosophy // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. P. 51–62.

Historians of philosophy are got used to the topical political or resonance social agenda. Although their studies are widely considered as specific, it is historians of philosophy who are brought to the foreground of challenges in contemporary Humanities. The paper demonstrates, that the historiography of history of philosophy, being the third-degree reflection, provides us with a new perspective of a standard school problem, namely, that the one who thinks historically, indeed changes the current order of things with his act of historically founded thought, rather than problematize it or is anxious about its reevaluation. It is important for us to understand, which methodological strategies the historians of philosophy elaborate nowadays, how deeply they are involved into the discussion of topical social, political, and cultural issues, and what kind of critical apparatus is on demand in the Humanities. Historical-philosophical investigations allow to fix the origin and development of the demand for self-consciousness in the local cultures: the paper deals with a quite characteristic in the analytic philosophy case of criticism of history of philosophy's usefulness in an independent philosophizing. The historical-philosophical approach plays a part of an instrument of understanding (*Verständnis*), and the discovery of similarities and differences. All this helps to overcome an innate bias of modern philosophy to the Eurocentrism. Thus, the history of philosophy, historiography appears to be (along with anthropological studies) a means of recognition and acknowledgement of variety in the studies of paradigm specificities and differences.

In the works of historians of philosophy we can find the methodological apparatus for thoroughly considered and ponderable propositions, to articulate which in the present highly charged information milieu could be compared with the real social practice. Within the field of Humanities the critical context of history of philosophy helps us to overcome the engagement of a philosopher and find considerable answers to social and political challenges. Besides, we detect the anthropological aspect of historical-philosophical craft, which problematizes the terms of the modern self-consciousness, in the frameworks of which the third-degree reflection becomes possible.

Key words: Historians of philosophy, anthropological studies, challenges in the Humanities, socio-political context of history of philosophy, critical context of history of philosophy, antihistoricism in analytic philosophy, the Eurocentrism.

References

1. Models of the History of Philosophy / ed. G. Piaia, G. Santinello. New York, Springer, 2011.
2. Zhmud' L. Ya. Zarozhdenie nauki v antichnosti [The origin of Science in Antiquity]. St. Petersburg, RKhGI, 2002, 424 p.
3. Kollingwud R. Ideya istorii [The Idea of History]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 485 p.
4. Fraier Kh. Mak'yavelli [Vachiavelly]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2011, 350 p.
5. Althusser L. Politics and History. Montesquieu, Rousseau, Hegel and Marx. New Left Books, London, 1972, 192 p.
6. Lahtinen M. Politics and philosophy: Niccolò Machiavelli and Louis Althusser's aleatory materialism. Leiden, Boston, Brill, 2009, 327 p.
7. Iner E. Obraztsy stoikosti. Posleslovie [The Samples of Resistance. Afterword]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2011, P. 288–350.
8. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem Press, 2016. 383 p.

9. Fuko M. Rozhdenie kliniki [The birth of Clinic]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2010, 252 p.
10. Magun A. V. Edinstvo i odinochestvo. Kurs politicheskoi filosofii Novogo vremeni [Openess and Loneliness: A Course of Political Philosophy of Modernity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 544 p.
11. Badyu A. Obstoyatel'stva 3: Napravlenosti slova "evrei" [Circumstances 3: Directions of the Word "Jew"]. St. Petersburg, Akademiya issledovaniya kul'tury, 2008, 144 p.
12. Khaidegger M. Nitsshe [Nietzsche]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2007. Vol. 2.
13. Gusserl' E. Krizis evropeiskikh nauk [The Crisis of European Sciences]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004, 399 p.
14. L'vov A. A. Istoriki filosofii v poiske osnovaniy svoey distsipliny: status istorii filosofii i istoriko-filosofskaya rabota [Historians of Philosophy in Search for the Foundations of Their Discipline: The status of History of Philosophy and Historical-philosophical Job]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology]. 2017. Vol. 3 (69). № 4. P. 84–94.
15. Glock H.-J. Analytic Philosophy and History: A Mismatch? // Mind, New Series, Vol. 117, No. 468 (Oct., 2008). P. 867–897.
16. Vasiliev V. V. Soznanie i veshchi: ocherk fenomenalisticheskoy ontologii [Consciousness and things: A sketch of phenomenalist ontology]. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2014. 240 p.
17. Bryushinkin V. N. Logika Kanta i metafizika Stroszona [Kant's Logic and Strawson's Metaphysics]. Kantovskiy sbornik, 2011, № 3 (37), P. 7–17.
18. Alvarez M. Glock on Analytic Philosophy and History // Teorema: Revista Internacional de Filosofía, Vol. 30, No. 1, Simposio sobre el libro / Book Symposium: What is Analytic Philosophy? (2011), pp. 95–102.
19. Dmitriev I. S. «Eto logika, a ne myshlenie» (N. Bor) ["It is logic, not thinking" (N. Bohr)] // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2017. vol. 51. № 1. P. 39–41.
20. Jiang Y., Bai T. Studies in analytic philosophy in China // Synthese, Vol. 175, No. 1, Analytic Philosophy in China (July 2010), pp. 3–12.
21. Althusser L. Lenin i filosofiya [Lenin and Philosophy]. Moscow, Ad Marginem, 2005, 175 p.
22. Leonard M. O chem dumayut v Kiyae? [What does China Think?] Moscow, AST: AST MOSKVA, 2009. 222 p.
23. Smith B. G. The Oxford Encyclopedia of Women in History. Oxford, 2008. 4 vols.
24. Fukuyama F. Konfutsianstvo i demokratiya [Confucianism and democracy]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3226> (access date: 20.06.2019).
25. Rozman G. Can Confucianism Survive in an Age of Universalism and Globalization? // Source: Pacific Affairs, Vol. 75, No. 1 (Spring, 2002), pp. 11–37.
26. Fröhlich T. Tang Junyi: Confucian Philosophy and the Challenge of Modernity Book. Leiden, Boston, Brill, 2017. 324 p.
27. Aristotle. Metafizika [Metaphysics]. Trans. by A. V. Markov. Moscow, Ripol-Klassik, 2018, 384 p.
28. Grintser N., Shcherbakova E. Aristotel'. Metafizika. Perevod s drevnegrecheskogo, vstupitel'naya stat'ya i kommentariy A. V. Markova. Moscow, 2018 [Aristotle. Metaphysics. Translation from ancient Greek, Introduction and Commentary by A. V. Markov. Moscow, 2018] // Vestnik drevney istorii, 2019. Vol. 79. № 1. URL: <http://ras.jes.su/vdi/s032103910004517-1-1> (Accessed: 20.06.2019).
29. Yunusov A. T. Bessil'naya nevozmozhnost: o novom perevode «Metafiziki» Aristotelya [Powerless impossibility: on the new translation of Aristotle's "Metaphysics"] // Istoriko-filosofskiy ezhegodnik. 2018. Vol. 33. P. 361–385.
30. Inwood M. A Heidegger Dictionary. Wiley-Blackwell, 1999. 300 p.
31. The Cambridge Descartes Lexicon / ed. L. Nolan. Cambridge University Press, 2016. 778 p.
32. A Companion to Socrates / eds. S. Ahbel-Rappe, R. Kamtekar. Oxford, Blackwell Publishing, Ltd., 2006. 520 p.
33. Dao Companion to Neo-Confucian Philosophy / ed. J. Makeham. Springer, 2010. 488 p.

УДК 1 (091)

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ РЕВИЗИЯ МАРКСИЗМА: ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ А. ГЕРЦЕНА НА ФИЛОСОФИЮ М. ЛИФШИЦА¹¹

Машукова Е. Ю.

Военно-космическая академия имени А.Ф.Можайского, г.Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: lilacrainbow@yandex.ru

Предметом данного исследования является влияние идей А. Герцена на философию М. Лифшица. В статье предлагается сравнительный анализ идей А. И. Герцена, русского социалиста и революционера, и концептов М. А. Лифшица, советского философа, эстетика, считавшего себя наследником Октябрьской революции. Актуальность данного исследования определяется интересом к советскому проекту, защитником которого выступал один из самых крупных советских интеллектуалов – М.А. Лифшиц. Методологически работа базируется на историко-философском анализе первоисточников и исследовательской литературы. В результате исследования автор обнаруживает, что многие идеи Лифшица были впервые высказаны Герценом. Это представление о многовариантности развития истории, поиск третьего пути, позволяющего избежать крайностей двух противоположностей, идея сохранения культурного наследия человечества как важнейшей задачи построения социализма, критика мещанства, вера в особые качества русского народа, понимание того, что важнейшим условием построения нового справедливого общества является рост сознательности народа. Ряд отступлений от марксистской теории позволяют предположить, что Лифшиц предпринимает частичную гуманистическую ревизию марксизма. Это выражается, в частности, в приоритетном внимании к нравственному развитию человека и пренебрежении политическими и экономическими аспектами социального преобразования.

Ключевые слова: Лифшиц, Герцен, история, революция, культура, консерватизм, мещанство, марксизм, эстетика, гуманизм, ревизия.

В последнее время мы наблюдаем рост интереса к наследию Михаила Александровича Лифшица. Издаются книги «обыкновенного марксиста», проводятся открытые лекции, круглые столы, на которых обсуждается его творческое наследие. И главный вопрос для обсуждения: почему его мысли оказываются востребованными сегодня? Можно предположить, что возрождение интереса к творчеству Лифшица во многом связано с попыткой разобраться, в чем

¹¹Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-011-01042 А «Консервативные идеи в советской философии и литературе (круг М. А. Лифшица)».

была ценность советского проекта, убежденным сторонником которого выступал один из крупнейших интеллектуалов советской эпохи.

Лифшиц считал себя марксистом и всю жизнь боролся против вульгарного марксизма, потому что полагал, что точно знает, каким должен быть подлинный марксизм. Он был эстетиком, который делом всей своей жизни считал борьбу с модернизмом, потому что был уверен, что точно знает, каким должно быть настоящее искусство. Эти два феномена – вульгарный марксизм и модернизм, для Лифшица были явлениями одного порядка, олицетворявшими мещанство, пошлость, обывательщину, – то, чего он не переносил ни в искусстве, ни в науке, ни в жизни. Лифшиц называл себя консерватором, потому что боролся с современностью за возвращение к подлинному человеческому существованию. Это всегда очень актуально – как сохранить человеческое в человеке. Об этом же размышлял и А.И. Герцен.

Внимательное чтение Лифшица обнаруживает, что Герцен является не просто автором, который часто упоминается советским философом. Во многом влияние первого русского социалиста на Лифшица является недооцененным. Между тем, в исследованиях творчества советского мыслителя продолжает доминировать точка зрения, согласно которой он, прежде всего, – последовательный марксист, верный букве и духу этого учения. Думается, что такая линия рецепции ослабляет наше понимание того, в какой степени Лифшиц был обязан наследию русской революционно-демократической мысли, и особенно Герцена. Таким образом, целью исследования является обнаружение концептуального влияния Герцена на философию Лифшица с помощью сравнительного текстуального анализа.

Следует отметить, что существует обширная литература о Герцене, творчеству Лифшица посвящено гораздо меньшее количество исследований (здесь следует в первую очередь упомянуть статьи и книги В. Арсланова). Работ, в которых бы прослеживалось влияние идей Герцена на концептуальные построения Лифшица, исследователь не обнаружил. Тем не менее, определенной поддержкой автору было мнение профессора А. Майданского, суть которого в том, что Лифшиц в гораздо большей степени является наследником Герцена и Белинского, чем Гегеля и Маркса [1].

Герцен – один из наиболее цитируемых писателей Лифшица. Более того, идеи, впервые высказанные Герценом, будут интерпретированы и развиты в философии советского мыслителя. Конечно, когда речь идет о фигуре такого масштаба как Лифшиц, вряд ли мы можем говорить о простом заимствовании, скорее, – о схожем психологическом складе личности, об одинаковых ценностных ориентациях.

Первая параллель между мыслителями обнаруживается в их отношении к истории. Необходимо отметить, что для Лифшица, при всем его декларируемом марксизме, характерен эстетический взгляд на историю. Данный тезис подтверждает А. Майданский:

«Лифшиц видит в истории драму страстей и идей, не вдаваясь в серьезный анализ стоящих за ними производственных отношений и не пытаясь выводить

формы общественного сознания из условий экономической жизни людей в духе марксова анализа «фетишизма товаров». «Вот и на революцию Лифшиц смотрит «патетическим» взором художника и философа, а отнюдь не практическим глазом экономиста» [2, с.4].

В дискуссии 1930 г. под председательством Д. Рязанова Лифшиц выступил с концепцией истории, которую Рязанов назвал «эстетической», с чем Лифшиц был совершенно согласен, поясняя это так:

«...эстетическая точка зрения» может быть названа также диалектической или, если угодно, всемирно-исторической. Во времена Фихте она называлась трансцендентальной, и Фихте справедливо говорил, что искусство делает трансцендентальную точку зрения «обыкновенной», то есть наглядно связывает наш обычный мир с бесконечностью... Жалкое зрелище представляла бы культура двуного существа без перьев, если бы не было этой «эстетической точки зрения», если бы все расчеты действительной жизни можно было свести точка в точку при помощи сдачи, как в мелочной лавке» [3, с. 296].

Но и для Герцена было характерно *эстетическое понимание истории*, не случайно К. Леонтьев называет его «гениальным эстетиком», отталкиваясь от термина самого Герцена «историческая эстетика», который был им обоснован в главе «VenezialaBella» из «Былого и дум». В этой главе Герцен показал, что феномен Венеции с утилитарной точки зрения «гениальное безумие», поскольку этот город построен «там, где город построить нельзя». «Но великолепная роскошь венецианских дворцов доказывает, что история развивается по законам эстетики, где критерием развитости выступают высшие достижения человеческого духа» [4, с.161].

Лифшиц как то сказал: «...история есть великая поэтесса, которая пишет свои трагикомедии железом и кровью» [5, с. 147]. Это очень походит на «растрепанную импровизацию истории» Герцена, но не на концепцию материалистического понимания истории К. Маркса, чья формационная теория не допускала никаких отклонений.

Лифшиц, как и Герцен, признает вариативность истории и необходимо признать, что и в этом вопросе он явно отходит от ортодоксального марксизма.

Герцен не только подчеркивал вариативность истории («импровизация, а не развитие по заранее заданному либретто»), для него характерен поиск третьего пути, позволяющего избежать крайностей двух противоположностей. Он противник всякой односторонности: «...реальный смысл и реальное понимание жизни именно и обнаруживается в остановке перед крайностями» [6, т.10, с.320]. Поиск так называемого третьего пути был сформулирован в философии «щели», идею которой Лифшиц заимствует у Герцена: людям кажется, что у них нет альтернативы: либо то, либо это, но на самом деле есть третий путь... «Щель, которую находит классика, это скорее ворота в бесконечность, обретение абсолютного смысла...» [7, с. 22] иначе говоря, под понятием «щели» Лифшиц тоже понимает некий средний путь, как он говорит *tertium datur* (третье данное), снимающее крайности двух противоположностей.

Другая важная линия аргументации, которую Лифшиц заимствует у Герцена, – отношение к революции.

М. А. Лифшиц одним из первых осознал нашу революцию как начало целой всемирно-исторической эпохи, которая имеет своей целью, по его определению, *Restauratio Magna*, т.е. *Великое Восстановление* безусловных достижений всей мировой культуры.

Но идею нового социального порядка, который *должен быть* не только мечом рубящим, но и силой хранительной», впервые высказал Герцен, в письмах «К старому товарищу», в полемике с апологетом разрушения М. Бакуниным [6, т. 20, кн. 1, с. 581].

Лифшиц любил повторять слова Герцена о том, что революция должна быть силой хранительной (хотя Герцен говорил о новом социальном порядке, а не о революции), но, если Герцен говорил о том, что должно быть, то Лифшиц развивая и интерпретируя его мысль, говорит о том, что Октябрьская революция, несмотря на террор, разрушение памятников культуры, действительно выступила силой хранительной, сохранив то вечное в мировой культуре, которое отвергалось буржуазной цивилизацией. И наши достижения в художественной культуре Советского периода – в музыке, литературе, живописи, в театре, кинематографе действительно доказывают этот тезис.

Как известно, Герцен верил в особый дух русского народа, в который не верил просветитель Чернышевский, но в который также верил и Лифшиц. Эту парадоксальную диалектику исторического развития духа народов Лифшиц разъяснил в своих лекциях о мировом значении русской культуры, читанных в августе – сентябре 1943 года, так, говоря о преимуществах русского народа, он подчеркивал: «Настоящая храбрость есть у человека, который не слишком преувеличивает опасность и который вместе с тем, достаточно ясно ее понимает... Таково преимущество сознательного человека, подлинно культурного, когда непосредственная, простая, элементарная основа в нем еще не испорчена, а развитие уже получено» [8, с. 99].

Как известно, Герцен тоже полагал, что преимущество русского народа в том, что его «элементарная основа» не испорчена, что он социалист по инстинкту, так как у него нет мещанского представления о собственности. В сущности, теория русского социализма была основана на идее привития личностного (западноевропейского) начала «социальному по инстинкту» русскому народу. Более того, Герцен полагал, что наличие общины – вовсе не главное условие для того, чтобы Россия осуществила идеалы социализма:

«...есть нечто в русской жизни, что выше общины и сильнее государственного могущества...». Это «нечто» Герцен усматривает во «внутренней, не вполне сознающей себя силе», которая «независимо от всех внешних событий и вопреки им, сохранила русский народ» [6, т. 6, с. 199].

В ходе своих историко-культурных исследований Лифшиц в 1930-е годы создал свою концепцию «великих консерваторов человечества» от Аристофана до Гёте, Бальзака, Пушкина, Достоевского. Великая культура создана консерваторами, полагал Лифшиц. По мнению Лифшица, есть такой консерватизм, который гораздо

важнее для прорывов в будущее, чем все самые радикальные революционные попытки. Погубить революцию могут сами революционеры, чья революционная программа воплотит идеалы «звериной справедливости». Справедливость с человеческим измерением создана великой культурой, наследником которой является марксизм.

Характерно, что Лифшиц называл социализм Герцена консервативным и полагал, что: «Консервативный социализм Герцена приближался к социализму научному в понимании необходимости *социального развития* как условия победы нового общества»[9, с. 80].

Тема народа и его сознательного развития – центральная в статье «Читая Герцена», которую Лифшиц написал в 1962 году к 150-нему юбилею мыслителя. Предмет рассмотрения – работа Герцена «Письма к старому товарищу», анализируя ее, Лифшиц высказывает идеи, которые являются стержнем его собственной философской позиции.

По сей день продолжают споры о необходимости Октябрьской революции, которую сейчас модно называть просто «переворотом», отрицая таким образом объективные причины этого величайшего события мировой истории. В противоположность современному мейнстриму, Лифшиц также, как ранее и Герцен, признает полное право народа на изменение своей судьбы, право, которое обусловлено многовековым угнетением и бесправием:

«Только хороший урок, от которого трещат бока, может отучить культурных людоедов, антропофагов, как называет их Герцен, от кровавой привычки терзать народы, мучить и убивать каждого, кто мешает их богатству, их процветанию, прикрывая свою повседневную благообразную антропофагию лицемерной гуманностью, фразами о свободе личности. Но чем дольше держится насилие над массами, тем страшнее сила отпора»[там же, с. 65]. Другой важный вопрос связан с отношением революционеров к широкой массе в ходе строительства новой жизни. То, что объединяет Герцена и Лифшица, – это отношение к народу.

Старое общество держится не столько силой, сколько признанием, чтобы одолеть эту привычку, нужно пробудить *сознательность масс*, считает Герцен: «Обойти процесс понимания так же невозможно, как обойти вопрос о силе. Навязываемое предрешение всего, что составляет вопрос, поступает очень бесцеремонно с освобожденным веществом»[6, т. 20, кн.1, с. 583].

В сборнике статей «Мифология древняя и современная» Лифшиц пишет о том, как пытаются людей в XX веке сделать несознательными, законсервировать эту несознательность, манипулируя ими. Между тем, нет ничего опаснее для победы коммунистических идеалов над предубеждениями, чем недоверие большой массы людей, движимых в сторону коммунизма их реальными интересами:

«...в современном мире есть много таких демократов, и притом из самых левых, которые смотрят на массу с высоты своего авангардизма, считая ее отсталые идеи и вкусы главным источником общественного зла. Эта сомнительная демократия, основанная на отталкивании от потребностей большинства, – скорее новая аристократия...»[10, с. 91].

Духовное развитие народа и есть действительная революция, утверждает Лифшиц, поэтому необходимо соединение интеллектуалов с простыми людьми посредством культуры, которую будут передавать интеллектуалы, иначе этой «щелью» воспользуются другие люди для манипуляции, для охлократии. В сборнике «Что такое классика» он утверждает: правый популизм есть меньшинство, которое себя обожествляет, не передавая культуру другим, а репрезентируя себя... Но, новый социальный порядок, основанный на принципах справедливости, будет возможен лишь тогда, когда у всех людей будет «сознательное сознание»: «Не абстрактная антитеза элиты, свободных и так далее против темноты и несвободы, а непременно вместе с массой и поскорее к ликвидации позорного неравенства с ней» [11, с. 115].

Думается, что для Лифшица, как и для Герцена, социализм это прежде всего нравственный идеал, и поэтому одним из самых главных препятствий на пути к новому общественному устройству является мещанство, а его критика занимает важное место в творчестве обоих мыслителей. Безусловные достижения человеческого духа с середины XIX века стали подвергаться отрицанию классовой цивилизацией, утверждает Лифшиц, но об этом одним из первых (раньше Ницше и Шпенглера) заговорил Герцен. Мещанство, по определению Герцена, это не только сконцентрированность на вопросах собственности, но и «постоянное мельчание жизни», «постоянное исключение из нее общечеловеческих интересов», «сведение ее на интересы торговой конторы и мещанского благосостояния». Мещанство это «умеренность и аккуратность», «мелкие недостатки и мелкие достоинства», «с мещанством стираются личности», «все пошлеет, мельчает» [6, т. 16, с. 136-139].

Сравним с размышлениями Лифшица, который постоянно говорил о «мещанстве нового типа, свойственного нашему времени», о мещанах XX века, о «звонарях науки, измеряющих значение научного дела количеством изданных страниц и внешней законченностью изложения» [10, с. 198]: «В современном мире, как в политике, так и в быту, господствует массовая рассудочная логика более чем средних людей» [7, с. 65]; «Нужно было написать книгу: «Современная идеология. Критика нечистого разума», «Страшно! Старая чуждая интеллигенция была во многом более своя, чем эта, вышедшая из народа» [там же, с. 74].

Для Лифшица мещанство парадоксальным образом связано с нарастающим равенством и возникающим в связи с этим неким равенством притязаний и отсутствием иерархии: «Естественно нарастающее равенство приведет к темным последствиям. Послушайте с каким презрением не худо живущие пролетарии неквалифицированных работ, включая уборщиц, дежурных сиделок, дворников, продавщиц толкуют об «ученых» и «училках». «Демократия смердяковская, грозящая миру некоторым понижением жажды образования. Впрочем и жажда образования как стремление к одной лишь квалификации, мания дипломов – та же смердяковщина» [там же].

Итак, можно сделать вывод, что в решении целого ряда ключевых вопросов Лифшиц по своим этическим и теоретическим установкам гораздо ближе к Герцену, чем к Марксу. Прежде всего, это эстетическое понимание истории, при котором критерием ее развития выступают высшие достижения человеческого духа;

признание вариативности истории (в отличие от жесткого детерминизма Маркса) и поиск третьего пути, представляющего собой снятие крайностей двух противоположностей; вера в особый дух русского народа (известно, что Маркс всегда считал национальную идею менее существенной, чем классовые противоречия); убеждение в том, что народ может спасти мировую культуру, отвергнутую буржуазией; понимание социализма, прежде всего, как нравственного идеала, вера в то, что можно развить сознательность масс, приобщив их к мировой культуре; понимание того, что духовное развитие людей и есть подлинная революция. Но, главное, для Лифшица также как и Герцена, человек является носителем абсолютных ценностей. Лифшиц утверждает объективный характер идеалов: «Вопреки ходячим фразам нашего века, абсолютная красота существует так же, как абсолютная истина» [12, с. 233].

Таким образом, существует определенная преемственность между первым русским социалистом Герценом и убежденным защитником советской доктрины Лифшицем. Подлинной революцией для них является духовное развитие народа, асоциализм, в свою очередь, представляет собой, прежде всего, этический идеал, не сводимый к экономической и политической системе.

Также можно сделать вывод о том, что Лифшиц довольно своеобразно понимал марксизм, который никогда не был для него просто суммой знаний, а был, скорее, неким итогом развития мировой культуры, вобравшим в себя все ее лучшие достижения. Данная статья не посвящена разбору разнообразных ревизий марксизма, материал марксоведения необъятный и не является целью моего исследования. Под гуманистической ревизией марксизма я понимаю следующее: для Лифшица, как и для Герцена, характерно некоторое пренебрежение экономическими и политическими аспектами социальных преобразований, во всяком случае, они не считают их приоритетными, выдвигая на первое место проблему нравственного преобразования и развития человека. В этом отношении они как бы находятся на одном «поле», хотя Герцен враждовал с Марксом и его последователями, а Лифшиц считал себя ортодоксальным марксистом. В связи с этим довольно примечательны причины вражды между Герценом и Марксом, которые подробно излагаются в работе Твардовской и Итенберга, где, в частности, утверждается, что «не одни идейные и политические расхождения способствовали отчуждению и взаимной неприязни двух выдающихся деятелей революционного движения. И вряд ли идейные и политические расхождения были главными по сравнению с морально-этическими» [13]. В частности, на примере отношения Герцена и Маркса к революции 1848 года авторы подчеркивают, что расхождения между Герценом и Марксом мировоззренческие, а не научные и политические. Взгляд Герцена на революцию шире – он общечеловеческий, поскольку Герцена волнует судьба не только пролетариата, но и нации, страны, народа, человеческого общества, а главное – личности. Например, можно вспомнить высказывание Герцена, обращенное к французскому историку Э. Кине: «Вы пролетариатом к социализму, мы социализмом к свободе». [6]. Равнодушие Маркса к этическим вопросам построения социализма отмечают и западные исследователи: «Маркс и

Энгельс весьма язвительно в отношении теоретиков, пытавшихся привести нравственные доводы в пользу социализма» [14, с. 221].

Разумеется, нельзя сказать, что Лифшиц полностью пересматривает марксизм, в частности, в критике капитализма (и модернизма) он полностью следует Марксу, принимая его логику, однако, ортодоксальным марксистом он вряд ли являлся.

В заключение необходимо сказать, что намеченные линии сравнения требуют дальнейшего развития и более детальной разработки, и в этом отношении данная статья является своего рода ориентиром для дальнейших исследований, поскольку указывает возможные пути проблематизации теоретического наследия Лифшица в свете его рецепции философии Герцена.

Список литературы

1. Михаил Лифшиц сегодня. Круглый стол в редакции Gafter.ru. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z9dmEhX6ZI> (Дата обращения: 22. 08. 2019)
2. Майданский А. Д. Консервативная революция. Мих. Лифшиц на уроках Гегеля // Свободная мысль. – М., 2015. – № 3. – С. 209 – 220.
3. Лифшиц М. А. Собрание сочинений в 3 томах / М.А. Лифшиц. – М.: Изобразительное искусство, 1988. – Т. 1. Ветер истории. – С. 273 – 316.
4. Маслин М. А. Разноликость и единство русской философии / М.А. Маслин. – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2017. – 526 с.
5. Лифшиц М. А. О Гегеле / М.А. Лифшиц. – М.: Grundrisse, 2012. – 314 с.
6. Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 т. / А.И. Герцен – М.: Наука, 1954 – 1965.
7. Лифшиц М. А. Varia / М.А. Лифшиц. – М.: Grundrisse, 2010. – 172 с.
8. Лифшиц М. А. Очерки русской культуры / М.А.Лифшиц. –М.:Академический проект; Культура, – 2015 – 751 с.
9. Лифшиц М. А. Собрание сочинений в 3 томах / М.А.Лифшиц. – М.: Изобразительное искусство, 1988. – Т.3. Читая Герцена. – С. 59 –73.
10. Лифшиц М. А. В мире эстетики / М.А. Лифшиц. – М.:Изобразительное искусство, 1985. – 318 с.
11. Лифшиц М. А. Собрание сочинений в 3 томах / М.А.Лифшиц. – М.: Изобразительное искусство, 1988. – Т.3. Нравственное значение Октябрьской революции. – С. 230–258.
12. Лифшиц М. А. Собрание сочинений в 3 томах / М.А. Лифшиц. – М.: Изобразительное искусство, 1988. – Т.1. Диалектика в истории искусства. – С. 223–242.
13. Твардовская В. А., Итенберг Б. С. Русские и Карл Маркс: выбор или судьба? / В.А Твардовская, Б. С. Итенберг. – М.: URSS, 1999. – 216 с.
14. Кимлика Уилл. Современная политическая философия. М.: Изд. Дом Гос.ун-та — Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.

Mashukova E. Yu. Humanistic Revision of Marxism: the Influence of the Ideas of Herzen on the Philosophy of M. Lifshitz // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 63–71.

The subject of this study is the influence of A. Herzen's ideas upon the philosophy of M. Lifshitz. The article offers a comparative analysis of A. I. Herzen's ideas and concepts and ideas of M. Lifshitz, a Soviet philosopher and aestheticist who considered himself to be the heir of the October revolution. The relevance of this study is determined by the interest in the Soviet project, which was defended by one of the most outstanding Soviet intellectuals – M. Lifshitz. Methodologically, the work is based on historical and philosophical analysis of primary sources and research literature. As a result of the research, the author discovers that many of Lifshitz's concepts and ideas were first expressed by Herzen. The idea of the multi-variant development of history, the search for a third way to avoid the extremes of two opposites, the idea of preserving the cultural heritage of

mankind as the most important task of building socialism, criticism of philistinism, faith in the special qualities of the Russian people, the understanding that the most important condition for building a new just society is the growth of consciousness of the people among them. A number of deviations from Marxist theory suggest that Lifshitz has undertaken a partial humanistic revision of Marxism. This is expressed, in particular, in the priority attention to the moral development of man and neglect of the political and economic aspects of social transformation.

Keywords: Lifshitz, Herzen, history, revolution, culture, conservatism, philistinism, Marxism, aesthetics, humanism, revision.

References:

1. Mikhail Lifshits segodnya. Kruglyy stol v redaktsii Gefter.ru [Mikhail Lifshits Today. Round Table in the Editorial Office Gefter.ru]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z9d-mEhX6ZI> (Accessed: 22.08.2019)
2. Maydanskiy A. D. Konservativnaya revolyutsiya. Mikh. Lifshits na urokakh Gegelya [Conservative Revolution. Mich. Lifshitz at the Lessons of Hegel] Svobodnaya mysl [Free thought]. Moscow, 2015, no. 3, pp. 209-220.
3. Lifshits M. A. Sobraniye sochineniy v 3 tomakh [Collected Works in 3 Volumes]. Moscow, Fine arts, 1988. Vol. 1, pp. 273 – 316.
4. Maslin M. A. Raznolikost i edinstvo russkoy filosofii [Diversity and Unity of Russian Philosophy]. Saint Petersburg, Publishing house of The Russian Christian humanitarian Academy, 2017, 526 p.
5. Lifshits M. A. O Gegele [Lifshitz M.A. On Hegel]. Moscow, Grundrisse, 2012, 314 p.
6. Gertsen A. I. Sobraniye sochineniy v 30 t. [Herzen A. I. Collected Works in 30 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1954-1965.
7. Lifshits M. A. Varia [Varia]. Moscow, Grundrisse, 2010, 172 p.
8. Lifshits M. A. Ocherki russkoy kultury [Sketches of Russian Culture]. Moscow, Academic project; Culture, 2015, 751 p.
9. Lifshits M. A. Sobraniye sochineniy v 3 tomakh [Collected works in three volumes] Chitaya Gertsena [Reading Herzen]. Moscow, Fine arts, 1988, Vol. 3, pp. 59 -73.
10. Lifshits M. A. V mire estetiki [In the World of Aesthetics]. Moscow, Fine arts, 1985, 318 p.
11. Lifshits M. A. Sobraniye sochineniy v 3 tomakh [Collected works in three volumes] Nравstvennoye znacheneye Oktyabrskoy revolyutsii [The moral significance of the October revolution]. Moscow, Fine arts, 1988. Vol. 3, pp. 230-258.
12. Lifshits M. A. Sobraniye sochineniy v 3 tomakh [Collected works in three volumes] Dialektika v istorii iskusstva [Dialectics in the history of art]. Moscow, Fine arts, 1988, Vol. 1, pp. 223-242.
13. Tvardovskaya V. A., Itenberg B. S. Russkiye i Karl Marks: vybor ili sudba? [Tvardovskaya V. A., Itenberg B. S., Russian and Karl Marx: choice or destiny?]. Moscow, URSS, 1999, 216 p.
14. Kymlicka Will. Modern political philosophy.] Moscow, Ed. house State University-Higher School of Economics, 2010, 592 p.

УДК 101.1:316:008

РАЗВИТИЕ МИФА ВО ВРЕМЕНИ: ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ставицкий А. В.

Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: stavis@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы развития мифа во времени. В ней подвергается сомнению общепринятая версия, согласно которой миф как синоним лжи и иллюзии в силу своего архаичного происхождения и архетипической сущности всегда неизменен, несмотря на свою способность к тотальной трансформации. Причина господства в науке данной версии объясняется инерцией человеческого знания и непониманием механизма мифотворчества, связанным с устаревшими представлениями о мифе как явлении.

В статье обосновывается версия, согласно которой миф меняется вместе с человеком, культурой и обществом, удовлетворяя их культурные потребности в соответствии с имеющимися современными духовными запросами. В основу данной версии положена установка, что миф не является признаком только традиционного общества и массового сознания, а изначально присущ человеку на всех стадиях его развития независимо от степени его ума и качества образования в силу самых разных психологических и социальных причин. Миф выступает крайне важным фактором духовной самоорганизации человека и общества, определяя процесс смыслообразования и играя для них жизненно важную роль, которую наука в силу своей природы заменить не в состоянии.

Ключевые слова: миф, современный миф, трансформация мифа, развитие мифа.

Постановка проблемы. Одной из наиболее интересных проблем изучения мифа является вопрос, способен ли миф к развитию с учетом его универсальной пластичности или он просто обязан быть неизменным посреди постоянно меняющегося мира ради удобства понимания изучающих его исследователей? При этом уже свершившееся в науке разделение традиционного (архаичного) мифа и мифа современного как двух основных вех его развития за несколько тысячелетий уже наглядно показывает, что миф всё-таки меняется [1]. Однако данная позиция в силу инерции научных представлений о мифе попросту игнорируется.

В связи с этим возьмем на себя смелость в порядке рабочей гипотезы утверждать, что миф не просто пластичен, но и изменчив во времени. И меняется он не сам по себе, а в соответствии с характером изменений в обществе, которое он обслуживает в рамках той или иной культуры. Более того, подчеркнем, что с учётом факта полного игнорирования наукой развития мифа при признании его способности к трансформации [2] данный вопрос становится принципиально важным. Ведь, настаивая на том, что миф является не только удивительно пластичным, но и постоянно развивающимся явлением, мы сводим к минимуму возможность теоретической ошибки, выстраивая отношение к мифу с учётом общей теории изменений. И она нам со всей определенностью подсказывает, что всеобщие изменения не могут касаться природы, науки, общества, людей, но

совершенно игнорировать такую культурную универсалию как миф [3]. А если учесть, какие формы и масштабы носит мифотворчество в современном обществе, становится очевидным, что способность мифа к трансформации просто несопоставима с возможностями развития науки. Ведь даже анализ «внутренней истории» отношения науки к мифу наглядно показывает, что накопленных в ней изменений достаточно, чтобы приступить к инвентаризации и пересмотру тех положений, на которых оно строится уже сотни лет [4].

Цель и задачи статьи

В соответствии с поставленной проблемой цель статьи – рассмотреть, как миф меняется под воздействием среды и общества, которое он обслуживает в соответствии с запросами и характером его трансформации. Для этого нужно:

- выявить причины развития мифа во времени, включая мотивации общества;
- выделить основные причины, мешающие признать развитие мифа как данность и объяснить сомнительность устаревших научных подходов, отказывающих мифу в развитии;
- определить механизм и источник мифологической трансформации.

Особо отметим, что всех, кто по-настоящему глубоко изучал мифологию, поражала способность мифа к его кардинальной трансформации. Но обычно при этом речь шла о трансформации быстрой, сиюминутной (осуществляемой через вариативность), не рассчитанной на длительную перспективу. Поэтому, хотя данное свойство мифа никем принципиально не оспаривалось, но и в качестве проблемы – практически не исследовалось. При этом очевидно, что способность мифа к трансформации, помноженная на его универсальность и тождественность меняющемуся человеку и социуму, должна приводить к весьма существенным изменениям мифа как такового во времени. Ведь он должен меняться с обществом, чтобы быть тождественным ему во всем. В противном случае кто бы вспомнил о мифе, кроме исследователей сказок и былин. Но о мифе не просто помнят. О его возвращении постоянно говорят.

К сожалению, исследователи мифа этот факт практически не учитывают в результате чего создалось впечатление, что современный миф возник «из ниоткуда» и как бы без связи с мифом традиционным, хотя многое их внутренне объединяет. Отсюда сомнительное предложение К. Хьюбнера, Э. Кассирера и их многочисленных последователей [5] называть подобные мифы т.н. псевдомифами. В результате с одной стороны новые варианты вынуждают держаться старого термина и далее, а с другой – явно указывают на сложившиеся в рамках мифа культурные различия. Однако ответ здесь значительно проще: миф живой, работающий, пронизывающий нашу жизнь – всегда настоящий, а приставка «псевдо» скорее подходит к тем мифам, которые умерли вместе с создавшими их цивилизациями, оставив лишь великие притчи и классические сюжеты. Но в игре науки с понятиями происходит как раз наоборот.

Однако вернемся к проблеме развития. «В отличие от гегельянства с его диалектическим движением по спирали и от психоанализа с его эдиповым треугольником как элементарной формой семейных отношений, единственной

формой развития в «Мифологиках» является трансформация» [6, с. 752], – полагал К. Леви-Строс. Но разве та или иная форма и степень трансформации не свойственна всему живому? И кто сказал, что трансформация отрицает движение? А каким оно будет в мифах – уже зависит от восприятия. Ведь в мифе мир такой, каким его мыслят. Мыслят во времени. А каким это время в мифе будет – закольцованным, линейным или запущенным по спирали – зависит от исходной и заданной в мифе установки. Более того, время в мифе может также замедлиться, быть запущенным вспять или вообще остановиться. И даже в этом проявится его трансформация относительно того, что движется.

В чём же механизм трансформации? Как она осуществляется? К сожалению, дальше признания трансформации мифа К. Леви-Стросу в своих многолетних исследованиях толком продвинуться не удалось. Более того, варианты трансформации мифа оказались столь разнообразными, что К. Леви-Строс уподобил миф музыке. Впрочем, и аналогии с музыкой оказалось недостаточно для выражения природы мифа. Во всяком случае, в своих «Мифологиках» К. Леви-Строс признался, что «в последних двух томах мифы настолько усложняются, что и музыкальные аналогии местами перестают работать» [6, с. 752]. Однако не исключено, что в данном случае усложнялся не миф, а его восприятие по мере погружения в мифологию, где миф мог предстать простым или бесконечно сложным в зависимости от того, насколько он исследователю в процессе познания открылся.

Что же делает миф настолько пластичным? На наш взгляд, пластичность мифа и его способность к трансформации, помимо построенной на ассоциациях свободной игры ума, основана также на том, что миф может использовать преимущества других систем, с которыми он взаимодействует, включая его рационализацию. Естественно, время берет свое, и миф все более рационализируется. Возможно, эта рационализация носит внешний характер. Но отрицать ее уже не получается. Правда, она в мифе обычно воспринимается как нечто аномальное. Ведь если раньше миф возникал как-то стихийно, спонтанно, незаметно и естественно для всех, то теперь его могут специально готовить под конкретный социум или целевую аудиторию. И все-таки, что-то в мифе постоянно остается неосознанным и неуловимым, как и тысячи лет назад. И эта важная, ускользающая от нас, деталь не позволяет сложить процесс мифотворчества в единую законченную всеобъемлющую систему. При этом стоит учесть, что применительно к проблеме изменения отношения науки к мифу, возможно, мы имеем дело с тем случаем, когда пересмотр основных принципов существования системы лишь подтверждает ее стабильность в развитии, а попытка систему стабилизировать вынуждает эти принципы пересмотреть. К тому же имеющие место в отношении науки к мифу метаморфозы наглядно показывают, что он остается собой, даже переходя в свою противоположность. Тому пример – мифы науки. Впрочем, подобные трансформации свойственны не только мифологии, но и семиотике, что лишь подтверждает их общую жизнеспособность [7].

В чём же источник развития мифа? По всей видимости, основным источником развития мифа является его внутренняя бинарно устроенная

самоорганизация, позволяющая мифу расти собой из себя, выступая причиной собственного образования за счёт постоянной игры смыслов. Другим источником являются многообразные внешние факторы, выступающие для мифа исходным материалом и раздражителем. Факторы, связанные с одной стороны с человеческими чувствами, страхами, мечтами, желаниями, включая его склонность к познанию и стремление к трансценденции [8], а с другой – с социальной структурой постоянно меняющегося общества. Ведь миф обслуживает социум и человека, мифологизируя всё вокруг них. А чтобы выполнять эту функцию он должен неизбежно меняться вместе с ними.

Впрочем, остается неясным вопрос, допускает ли мифологизация рационализацию? По мнению большинства исследователей, нет. «Мифологизация означает не причинное объяснение этого явления, а принятие его таковым, каково оно есть, причем принятие его благоговейное, критическое отношение к которому в мифологии в принципе невозможно» [9], – считал по этому поводу известный российский философ Е. Н. Ростошинский. И данное мнение в целом не вызывает возражений, за исключением уточнения, что «благоговейное» отношение не исключает анализа сущности и причин, только по характеру оно будет апологетическим, как это видно, скажем, в марксизме, либерализме или сциентизме, которые сохраняют все признаки логического мышления, но в значительной степени мифологичны.

Что касается невозможности «критического отношения», то это в большей степени относится к мифологизации в рамках функционирования мифов архаичных. Современная мифология устроена иначе и допускает многое из того, что в архаичной мифологии было «в принципе невозможно», воспринимая современный миф уже не как сказку, но как живую и прочувствованную реальность. О чём же данное обстоятельство говорит? Как ни покажется это странным, такая поправка говорит более об исследователе, нежели об объекте исследования. Почему? Дело в том, что подобная, типичная для многих современных исследователей мифа теоретическая позиция почему-то исключает саму возможность эволюции мифологии, предпочитая ее рассматривать так, будто миф всегда неизменен. Но это не так. Мифологии свойственно развиваться в не меньшей степени, чем любой другой обслуживающей человека системе [10]. Она развивается человеком и вместе с человеком, трансформируясь под его уровень и запросы. Возможно, поэтому нынешнее мифологическое сознание оказалось столь неуловимым для большинства современных исследователей. Ведь им приходится изучать то, что они даже в уме не могли отделить от себя. Отсюда и имеющиеся место трудности восприятия, вызывающие ощущение, что для понимания мифа требуются уже не только знания, но и своего рода посвящение. Одно из них (ощущение?) наглядно проявляется в следующей сентенции: «Мифология традиционна и авторитарна. Все новое, если оно там вообще появляется, подается и воспринимается как переоткрытие старого, прошлое берется и переживается как настоящее» [11, с. 36], – писал профессор П. К. Гречко, утверждая как истины те научно оформленные связанные с мифом и мифологически оформленные банальности, которые предлагают лишь один вариант

подхода к мифологии, упрощая ее до привычных и общепринятых представлений ее носителя.

Что же в данном высказывании является главным? Установка, отказывающая мифу в развитии. Иными словами, в мире все подвержено количественным и качественным изменениям, кроме мифа? Но почему? Лишь потому, что «мифология традиционна и авторитарна»? Конечно, опора на традицию для мифа важна. Но почему тогда он свойствен не только традиционным обществам, но и другим? Следовательно, в такой же степени он зависит и от среды, являясь её образно-символическим отражением. А это означает, что миф неизменен в той степени, в какой неизменна порождающая его социальная среда. И если она меняется, будет меняться и миф [12]. Но может остаться неизменным наше представление о нем, связанное с удобством понимания, порождая очередной миф о мифе. Чем же объяснить тогда столь упрощенную позицию известного ученого? Очевидно, что коль в приведенной выше сентенции отрицается сама возможность изменения мифа, а возникновение нового ставится под сомнение («новое, если оно там вообще появляется») и сводится к т.н. переоткрытию, речь идет о проблеме, связанной с нежеланием понимать. Иначе говоря, налицо произвольное упрощение или примитивизация явления, больше говорящая об «исследователе», нежели об объекте исследования.

По-видимому, такая недооценка и явное упрощение мифа как явления могут быть оправданы лишь удобством понимания, когда человек, не упростив явления, не может ни понять его, ни объяснить, ставя при этом пределы как своему исследованию, так и самому явлению, что загоняет его в смысловой тупик, который может быть разрешен лишь на новом информационном и концептуальном уровне. И такой уровень можно достичь, трансформировав идею Ю. М. Лотмана, что миф есть код плюс его история, выраженная (проявленная) во времени [13, с. 15]. В свою очередь это обстоятельство однозначно напоминает, что современный миф живет исторически. Таким образом, в данной сентенции выдающегося семиолога заложен крайне важный вывод, что миф развивается, и его развитие не обязательно проходит по замкнутому кругу, как нас пытаются убедить многие мифологи, так как в своих изменениях миф настолько же многообразен и непредсказуем, как многообразна и непредсказуема наша жизнь, образно-символическим отражением которой он является [14].

С чем же связано подобное упрощение? Почему многие исследователи между правильным и легким чаще выбирают второе? Потому что судить по «древним» мифам о мифологии в целом равнозначно тому, чтобы по останкам динозавра или мамонта судить о том, как они жили и почему вымерли. Кое-что узнать и обосновать свою позицию более-менее правдоподобно возможно. Но знания, полученные в результате исследования сохранившихся останков несравнимы с изучением живых объектов, если они есть. А настоящий миф всегда живой и не сводится к описанию. Но поскольку для нас миф есть то, что мы думаем о нем, наше общество блистательно вообразило миф таким, что ни один рационально мыслящий человек не захочет иметь с ним дело, прилагая все силы, чтобы преодолеть миф в себе, но расхваливая его проявления в культуре. К

сожалению, наука приложила большие усилия, чтобы подобное пренебрежительное отношение к мифу стало в обществе доминирующим, поощряя в массе своей такие представления, которые позволяли за счет мифа самоутверждаться, обвиняя в мифотворчестве не себя, а массовое сознание.

Однако выводы наиболее интересных и выдающихся исследователей мифологии (А.Ф. Лосев, М. Элиаде, К. Леви-Строс, Дж. Кэмпбелл, А.М. Лобок, В.М. Найдыш, А.Г. Некита, А.Г. Маленко, П.А. и А.А. Гагаевы) показывают, что эти представления оказались нашим мифом о мифе. И ему в ближайшие десятилетия придется существенно трансформироваться в пользу признания того, что без мифа ни человек, ни общество, ни даже наука обойтись не могут.

При этом следует также признать, что в мифе всегда есть нечто архаичное. И не только потому, что принято считать, будто миф имеет глубоко архаическую природу и восходит к дописьменной эпохе. Хотя архаичность и воспринимается, как залог стабильности и подразумевает обращение к истокам. Ведь даже в современной мифологии существует комплекс текстов, которые формируют пласты и регулируют свойства и функции архаики [15]. Но является ли архаичность мифа следствием и «эхом» отжившего или непреходящим свидетельством вечно возвращающихся Начал, исследователи однозначно ответить не могут. И даже гипотеза об архетипе сознания не очень помогло в данной области [16].

Возможно поэтому мифы до сих пор мыслятся как постоянно присутствующие типы культуры, не включенные в историческую динамику лишь на том основании, что они представляют собой некую исходную универсальную константу, из которой вышли культура и наука, после чего миф должен был либо застыть, либо отмереть. Но он почему-то не сделал ни того, ни другого, продолжая развиваться и эволюционировать вместе с людьми и обществом созвучно их бытию и сознанию. И, может, именно в этом и заключается причина того, что свои мифы люди, как правило, не распознают.

Впрочем, не исключено, что эволюция мифа как социокультурного явления вытекает хотя бы из его активных взаимоотношений с наукой. Так, миф, подобно «пожирающему» настоящее прошлому, поглощает все то, что сбрасывает с себя наука, отказываясь от него, как от ложного и устаревшего. В результате этот сброшенный наукой «лишний груз», становясь по мере отказа от него мифическим суеверием, с неизбежностью обогащает миф такими качествами, которые раньше мифу не были свойственны [17].

Однако этим отношения науки и мифа не заканчиваются. Ведь в свою очередь в поисках новых идей наука черпает из сферы мифического и рационализирует те интуиции, что при дальнейшем их обосновании могут стать новыми гипотезами и теориями. Причем они будут считаться истинными до тех пор, пока их кто-то не опровергнет, чтобы снова ввергнуть их в сферу мифического. Впрочем, данный скрываемый наукой процесс лишь показывает нам, как с помощью мифа наука развивается [4]. Но тогда нам придется признать, что мнение, будто миф свойствен только людям глупым и необразованным, относится к тем современным мифологиям, которые утешают «умных» и «грамотных», убеждая их, что они сумели преодолеть миф в себе, и наделяя их верой, что они стоят выше

прочих. Согласно мифу, чем образованнее и умнее человек, тем меньше вероятности, что он окажется в плену тех или иных мифологем. Однако на деле миф приходит не «сверху» или «снизу», не навязывается извне, а рождается изнутри. Он таков, каков сам человек и его среда, и меняется вместе с ними. Для каждого человека он абсолютно органичен, полностью соответствуя присущим человеку чувствам, страхам, мечтам, желаниям, ожиданиям [18]. Естественно, если представления человека с возрастом меняются, изменятся и его мифы. Но то, что по мере этого изменения было отторгнуто, хотя и осталось в памяти, будет восприниматься как заблуждение и называться мифом. Хотя для данного человека это заблуждение уже мифом не будет являться, т.к. потеряет свою суггестию, перестав быть живым и работающим.

К сожалению, несмотря на это, отрицание за мифологией права на развитие, считается общепринятым. Согласно ему, миф не имеет права выходить за рамки традиционного общества и функционировать в иных социальных системах. Его могут назвать псевдомифом, антимифом или вообще отрицать его существование, сводя сферу мифического, скажем, к «постправде» или мифопозитике. А очевидные признаки его присутствия будут считать ошибкой эволюции, рудиментом, «отрыжкой» прошлого, называя в качестве его источника массовое сознание.

Чем же объяснить такое отношение? Анализируя механизм утверждения в научном сознании нового, Ю. М. Лотман заметил: «Продолжение и в науке, и в культуре всегда есть отрицание. Нельзя продолжать, держась за готовые формулы» [19]. Но это означает, что новое не сможет утвердиться без смены взглядов. А для этого нужна не только научная честность, но и элементарная психологическая готовность принять новое, несмотря на его непривычность [20]. И, возможно, в этом кроется главная проблема отторжения мифа и отрицания его развития. Ведь в большинстве случаев новые взгляды в силу уже своей непривычности вызывают отторжение у тех, кто привык к другому. Но оно не остановит неизбежную смену парадигм.

Именно поэтому Ю. М. Лотман считал важным воспитать в учёных терпимость к непредсказуемому. Готовность, которая проявляется в психологической открытости миру. «Мы стремимся ввести непредсказуемость в область науки, – говорил он. – До сих пор наука занималась причинно-следственными связями, оставляя непредсказуемое, случайное за своими пределами. Это необходимый этап, но это не конец. Таким образом, мы видим новый процесс», так как «решать, как это решала классическая наука XVII–XVIII веков, что область непредсказуемого за ее пределами, и вообще за пределами науки, мы сейчас не можем» [19].

Иначе говоря, то, что в данном случае называют «демифологизацией» на самом деле является трансформацией мифа, его своеобразным подстраиванием под изменившееся сознание и восприятие человека, где истинным является нечто новое. Несущие новые смыслы взгляды сменяют старые, утверждая себя как истинные. Но и они – тоже миф. Только в силу своей новизны пока еще нераспознаваемый. И с позиций этого нового пока еще нераспознаваемого мифа и нового уровня мифологического сознания старые мифы объявляются отвергнутыми, отжившими,

умершими, потому что люди, разуверившись в них, считают их ложными. Так мифы умирают в старой форме и воскрешаются в новой, полностью подтверждая воплощенный в разных явлениях миф о смерти и воскрешении, чтобы остаться в вечности [21]. Только относительно себя.

В подобных случаях принято ссылаться на классические мифы о смерти и воскрешении, которые встречаются почти во всех религиях мира. Однако и позже эта мифическая тема воспроизводилась и разыгрывалась в культуре, политике, социальной жизни неоднократно. Образцом такого «чистого» мифологического мышления, воспроизводящего мифологическую модель смерти и воскрешения, можно считать знаменитое в советское время стихотворение Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки», фрагмент из которого мы приводим ниже: «Нас водила молодость / В сабельный поход, / Нас бросала молодость / На кронштадтский лед. / Боевые лошади / Уносили нас, / На широкой площади / Убивали нас. / Но в крови горячечной / Подымались мы, / Но глаза незрячие / Открывали мы. / Возникай содружество / Ворона с бойцом – / Укрепляйся, мужество, / Сталью и свинцом. / Чтоб земля суровая / Кровью истекла, / Чтобы юность новая / Из костей взошла» [22].

И кто может, читая эти строки, усомниться в том, что в них воплощена своя особая и вместе с тем универсальная мифология, воспроизводящая одну из самых ее древних и фундаментальных тем? Однако сей пример лишь один из многих. И он показывает, что пределы мифу ставит не миф, а человек и создаваемая им из локальных знаний наука. Те пределы, которые отмерены ее современными взглядами и возможностями, вписываясь в ее представления о мифе и наукообразные описания его [4].

В связи с этим, предваряя теорию изучения нелинейных динамических систем, Ф. Ницше писал: «У нас не хватает тонкости, чтобы заметить текучесть, по всей видимости абсолютную, процесса становления; устойчивость существует лишь благодаря грубости наших органов чувств, резюмирующих и сводящих вещи к общим планам, между тем как на деле нет ничего, что существовало бы в этой форме. Дерево в каждый момент своего существования – это некая новая вещь; мы утверждаем форму, потому что не замечаем неуловимости абсолютного движения» [Цит. по: 23, с. 513]. И нам нужна эта формула для понимания так любимого Ф. Ницше мифотворчества. Ведь разум не в состоянии отразить, оценить и осмыслить все тонкости того, процесса, который мы называем жизнь. А миф – может. И отражает, оценивает, осмысливает снова и снова через наше мифотворчество [24]. Отражает каждый раз по-разному в соответствии с новым историческим моментом, акцентируя на тех аспектах происходящего, которые для нас в данный момент наиболее значимы [25].

Кстати, предложенный Ф. Ницше образ дерева как «становления» любого явления позволяет спроецировать его и на мифотворчество. Ведь вечно растущее «дерево» мифологии, как и «дерево» знания, неизменно лишь потому, что мы не замечаем в нем постоянных изменений. В результате этого сложилась довольно странная, но типичная для взглядов многих исследователей мифа ситуация, когда с одной стороны, все соглашались с тем, что миф постоянно трансформируется и,

более того, трансформация – едва ли не единственная форма развития мифа, как утверждал К. Леви-Строс [6, с. 752], а с другой – в отличие от прочих форм человеческих знаний и опыта, миф должен был остаться в тех формах и пределах развития, которые были свойственны ему в самом начале, лишь на том основании, что человеку такой миф проще и удобнее изучать.

Именно поэтому мифу постоянно предписывают, каким он должен быть. Так, например, что касается отношения мифа ко времени, наиболее типичной является позиция, согласно которой миф имеет вневременной характер и время протекает в нем всегда циклично. Но, как мы писали об этом ранее, миф в силу своей универсальности может развернуть любую модель осмысления времени. В частности, применительно ко времени, в различных мифологических традициях доминирует либо линейная, либо циклическая временная концепция. При этом доминирование той или иной концепции не исключает их сочетания на различных уровнях. Ритмы мифосистемы (мифа) – в засыпающей и возрождающейся природе (смене годовых сезонов, фазах лунного цикла, смены дня и ночи) создают впечатление цикличности природы. Концепция «линейного» времени исходит из понимания необратимости определенных процессов в жизни человека (возрастные изменения), общества, вселенной, однако может делиться на прогрессивный и регрессивный варианты развития, ставя в основу первого миф о прогрессе, а в основу второго – т.н. «золотой век».

«Напряженное, динамичное чувство времени – одно из самых характерных европейских чувств. Европейец живет постольку, поскольку все время преодолевает свои прежние состояния, поскольку его выталкивают из этих состояний силы, которые он описывает как законы истории» [26, с. 248], – замечательно написала о соотношении состояний европейца и его рефлексии О. Балла. Но применительно к мифу данный отрывок получает весьма любопытные дополнительные трактовки, даже с учетом того, что «чувство времени» – исключительно мифологическое чувство. Дело в том, что преодоление «прежних состояний» для человека означает преодоление мифа в себе и себя в мифе, но лишь для того, чтобы отбросить старые формы мифа и вместо них создать новые. А подача выталкивающих человека «сил», «которые он описывает как законы природы», весьма подходит под последние представления о том, как миф наукой рационализируется, дабы сделать его понятным для себя. Но что есть в данном случае рационализация, как не особый вид упрощающего мифологизируемое явление мифотворчества, призванный объяснить человеку то, что он во всей полноте и целостности явления ни понять, ни принять не может? Мифотворчество, в ходе которого не только создается простой и понятный образ явления, но и подбираются такие формы его передачи, которые призваны создать иллюзию логичности и наукообразия [27].

К сожалению, на определенном этапе своего развития осознавшее собственную разумность человечество не смогло понять силу и своеобразную «естественную» разумность мифа, за что сейчас и расплачивается, плодя в духе «постправды» новые понятия, которые за пределы мифа как явления не выходят. Впрочем, на данный момент ситуация уже не представляется безнадежной, поскольку осмысленная в этом ключе проблема позволяет её позитивно решить

[28]. Хотя и, по меткому замечанию Ю. М. Лотмана, «наука идет не от непонятного к понятному, а от понятного к непонятному. Пока мы находимся в донаучном состоянии, нам все понятно, а первый признак науки – непонимание» [19]. Но исследователя это не должно пугать. Ведь «из области, где он узнавал истины, он переходит в область, где узнает сомнения» [19]. В том числе и сомнения, мотивирующие нашу мысль на понимание того, что миф, обслуживающий общество и человека, подстраиваясь под их чувства, мысли и желания, не может не меняться вместе с ними.

Таким образом, мы подходим к итоговому выводу, что господствующее до сих пор в науке утверждение, будто миф, несмотря на свою универсальную пластичность, не меняется вместе с обществом и вообще неспособен к развитию, следует считать неверным и устаревшим. Ведь если бы миф оставался в меняющемся обществе неизменным, он не смог бы выполнять свои функции [25], в которых общество нуждается в силу своей природы.

Список литературы

1. Ставицкий А.В. Онтология современного мифа / А.В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 543 с.
2. Тычкин П.Б. Логика мифа в концепции К. Хюбнера как эпистемологическая модель эволюции постнеклассической научной методологии / П.Б. Тычкин // *Известия Томского политехнического университета: Философия, социология, культурология*. – 2010. – Т. 317. – № 6. – С. 157–161.
3. Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности / Л.А. Микешина, М.Ю. Опенков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 240 с.
4. Ставицкий А.В. Современная мифология: опыт постижения Иного / А.В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 192 с.
5. Рязанов Д.В. К вопросу о мифах и псевдомифах / Д.В. Рязанов // *Философские дескрипты: Сборник статей*. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета. – Выпуск 2. – 2002. – 282 с.
6. Леви-Строс К. Мифологии / К. Леви-Строс ; пер. с франц. – М. : ИД Флюид. 2007. – Т. 4. Человек голый. – 784 с.
7. Имя – сюжет – миф / Под. ред. Н.М. Герасимовой. – СПб.: Изд-во СПбУ, 1996. – 240 с.
8. Круглов А.Н. Трансценденталистская интерпретация мифа / А.Н. Круглов // *Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления. Под ред. И.Т. Касавина и В.Н. Поруса*. – СПб. : РХГИ. – 1999. – С. 150-162.
9. Ростошинский Е.Н. Структура мифологического мировоззрения. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/rostosh/misl8_10.html (Дата обращения: 7.07.2018)
10. Миф в культуре: человек – не-человек. – М.: Индрик, 2000. – 320 с. – (Библиотека Института славяноведения РАН).
11. Гречко П.К. Введение в обществознание / П.К. Гречко. – М.: Поматур, 2000. – 320 с.
12. Карев Е.И. Социально-политический миф в контексте инфовзаимодействия / Е.И. Карев // *Проблемы инфовзаимодействия*. – Новосибирск, – 1995. – Вып. 2. – С. 84–96.
13. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2004. – 704 с.
14. Ожогова Е.Г. Миф и знак в системе молодежной контр-культуры / Е.Г. Ожогова // *Человек в пространстве мифов: Материалы межрегион. конференции 10-11 июня 2004, г. Омск / Омск. гос. пед. ун-т; ред. А.С. Шаров*. – Омск: Изд-во ОмГПУ, – 2004. – С. 90–93.
15. Понукалин А.А. Мифофилософия русской пракультуры / А.А. Понукалин // *Философия и миф сегодня: Межвуз. науч. сб.* – Саратов. – 1998. – С. 72-78.
16. Юнг К.-Г. Архетип и символ / К.-Г. Юнг ; пер. с нем. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с.
17. Савелова Е.В. Миф в современной образовательной парадигме: культурологический аспект. Автореф. дис. ... канд. культурол. наук / Е.В. Савелова. – Владивосток, 1997. – 22 с.

18. Феллер В.В. Новый миф о будущем / В.В. Феллер. – Самара; Уралск, 2000. – 255 с., схем.
19. Глушковская Л. На пороге непредсказуемого. Последнее интервью Ю.М. Лотмана. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=1193> (Дата обращения: 7.07.2018)
20. Зорина Е.В. Социальный субъект мифогенерации / Е.В. Зорина // Филос. исслед. – М., 2002. – №1. – С. 90-97.
21. Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость / М. Элиаде. – Е. Морозова (пер. с фр.), Е. Мурашкинцев (пер. с фр.). – СПб.: Алетейя, 1998. – 250 с. – (Миф, религия, культура)
22. Багрицкий Э. Смерть пионерки. URL: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/bagrickij/valya-valentina-chto.html> (Дата обращения: 7.07.2018)
23. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; пер. с франц. – М. : Изд. группа Прогресс, Универс, 1994. – 616 с.
24. Найдорф М.И. Очерки европейского мифотворчества / М.И. Найдорф. – Одесса: Друк, 1999. – 215 с.
25. Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции / А.В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2012. – 238 с.
26. Балла О. Примечания к ненаписанному. Статьи. Эссе / О. Балла. – USA: Franc-Tireur, 2010. – 926 с.
27. Бибихин В.В. Внутренняя форма слова / В.В. Бибихин. – СПб.: Наука, 2008. – 420 с.
28. Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (ноябрь 2017 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. – Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, – 2018. – 592 с.

Stavitskiy A.V. The Development of Myth in Time: the Rationale for the Problem // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4 P. 72–84.

The article is devoted to the consideration of the problem of the development of myth in time. It challenges the generally accepted version, according to which the myth as a synonym for lies and illusions by virtue of its archaic origin and archetypal essence, despite its ability for total transformation, is always the same. The reason for the dominance in science of this version is due to the inertia of human knowledge and the lack of understanding of the mechanism of myth making associated with outdated ideas about myth as a phenomenon. The article substantiates the version according to which the myth changes with a person, culture and society, satisfying their cultural needs in accordance with the existing spiritual needs. This version is based on the statement that the myth is not a sign of traditional society and mass consciousness, but is inherent in man at all stages of his development, regardless of the degree of his mind and the quality of education. The myth is an extremely important factor in the spiritual self-organization of man and society, defining the process of meaning-making and playing for them the vital role that science, due to its nature, cannot replace.

Key words: myth, modern myth, transformation of myth, development of myth.

References

1. Stavitskiy A.V. Ontologiya sovremennogo mifa [Ontology of Modern Myth]. Sevastopol: Ribest Publ, 2012, 543 p.
2. Tychkin P.B. Logika mifa v kontseptsii K. Khyubnera kak epistemologicheskaya model evolyutsii postneklassicheskoy nauchnoy metodologii [The Logic of Myth in the Concept of K. Hübner as an Epistemological Model of the Evolution of Post-Non-Classical Scientific Methodology] // *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta: Filosofiya, sotsiologiya, Kulturologiya* [News of Tomsk Polytechnic University: Philosophy, Sociology, Cultural Studies]. 2010, Vol. 317, № 6, pp. 157–161.
3. Mikesheva L.A., Openkov M.Yu. Novyye obrazy poznaniya i realnosti [New Images of Knowledge and Reality]. Moscow: ROSSPEN Publ, 1997, 240 p.
4. Stavitskiy A.V. Sovremennaya mifologika: opyt postizheniya Inogo [Modern Mythologies: the Experience of Comprehending the Other]. Sevastopol: Ribest Publ, 2012, 192 p.

5. Ryazanov D.V. K voprosu o mifakh i psevdomifakh [On the Issue of Myths and Pseudo-Myths] // *Filosofskiye deskripty: Sbornik statey [Philosophical Descript: Collected Articles]*. Barnaul, No. 2, 2002, 282 p.
6. Levi-Stros K. Mifologiki [Mythologies]; per. s frants. Moscow : ID Flyuid Publ, 2007, T. 4. Chelovek golyy [Naked Man], 784 p.
7. Imya – syuzhet – mif [Name – Plot – Myth] / Pod. red. N. M. Gerasimovoy. St. Petersburg: SpbU Publ, 1996, 240 p.
8. Kruglov A.N. Transtsendentalistskaya interpretatsiya mifa [Transcendental Interpretation of Myth] // *Razum i ekzistentsiya. Analiz nauchnykh i vnenauchnykh form myshleniya [Mind and Existence. Analysis of Scientific and Non-Scientific Forms of Thinking]*. Pod red. I. T. Kasavina i V. N. Porusa. St. Petersburg: RKhGI Publ, 1999, pp. 150–162.
9. Rostoshinskiy E.N. Ctruktura mifologicheskogo mirovozzreniya [The Structure of the Mythological Worldview]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/rostosh/misl8_10.html (Accessed: 7 July 2018)
10. Mif v kulture: chelovek – ne-chelovek [Myth at Culture: Man is Non-Man]. Moscow: Indrik Publ, 2000, 320 p. (Biblioteka Instituta slavyanovedeniya RAN).
11. Grechko P.K. Vvedeniye v obshchestvoznaniye [Introduction to Social Studies]. Moscow: Pomatur Publ, 2000, 320 p.
12. Karev E.I. Sotsialno-politicheskiy mif v kontekste infovzaimodeystviya [Socio-Political Myth in the Context of Information Interaction] // *Problemy infovzaimodeystviya [Problems of Information Interaction]*. Novosibirsk, 1995, Vol. 2, pp. 84–96.
13. Lotman Yu.M. Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ. 2004. 704 p.
14. Ozhogova E.G. Mif i znak v sisteme molodezhnoy kontr-kultury [Myth and Sign in the System of Youth Counterculture] // *Chelovek v prostranstve mifov: Materialy mezhregion. konferentsii 10-11 iyunya 2004. g. Omsk [Man in the space of myths: Materials interregion. Conference of 10-11 June 2004, Omsk]* / Omsk. gos. ped. un-t; red. A. S. Sharov. Omsk: OmGPU Publ, 2004, pp. 90–93.
15. Ponukalin A.A. Mifofilosofiya russkoy prakultury [Mythophilosophy of Russian Proculture] // *Filosofiya i mif segodnya: Mezhvuz. nauch. sb. [Philosophy and myth today: Interuniversity scientific collection]*. Saratov, 1998, pp. 72–78.
16. Yung K.-G. Arkhetip i simvol [Archetype and Symbol]; per. s nem. Moscow : Rennsans Publ, 1991, 304 p.
17. Savelova E.V. Mif v sovremennoy obrazovatelnoy paradigme: kulturologicheskiy aspekt [The Myth in the Modern Educational Paradigm: Cultural Aspect]. Extended abstract of candidate's thesis. Vladivostok, 1997, 22 p.
18. Feller V. V. Novyy mif o budushchem [New Myth of the Future]. Samara; Uralsk, 2000, 255 p.
19. Glushkovskaya L. Na poroge nepredskazuyemogo. Posledneye intervyyu Yu. M. Lotmana [On the Threshold of the Unpredictable. The Last Interview of Yu. M. Lotman]. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=1193> (Accessed: 7 July 2018)
20. Zorina E.V. Sotsialnyy subyekt mifogeneratsii [The Social Subject of Myth- Generation] // *Filos. issled. [Philosophical studies]*. Moscow, 2002, № 1, pp. 90–97.
21. Eliade M. Mif o vechnom vozvrashchenii: Arkhetipy i povtoryayemost [Myth of Eternal Return: Archetypes and Repeatability]. E. Morozova (per. s fr.). E. Murashkintseva (per. s fr.). St. Petersburg: Aleteyya Publ, 1998, 250 p. (Mif. religiya. kultura).
22. Bagritskiy E. Smert pionerki [Death of pioneer]. URL: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/bagrickij/valya-valentina-chto.html> (Accessed: 7 July 2018)
23. Bart R. Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]; per. s frants. Moscow : gruppa Progress, Univers Publ, 1994, 616 p.
24. Naydorf M.I. Ocherki evropeyskogo mifotvorchestva [Essays on European Myth-Making]. Odessa, 1999, 215 p.
25. Stavitskiy A.V. Sovremennyy mif i ego osnovnyye funktsii [Modern Myth and its Main Functions]. Sevastopol: Ribest Publ, 2012, 238 p.
26. Balla O. Primechaniya k nenapisannomu. Stati. Esse [Notes to Unwritten. Articles. Essay]. USA, Franc-Tireur Publ, 2010, 926 p.
27. Bibikhin V.V. Vnutrennyaya forma slova [Inner Form of the Word]. St. Petersburg, Nauka Publ, 2008, 420 p.

28. Mif v istorii. politike. kulture [Myth in History, Politics, Culture]: *Sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchnoy mezhdistsiplinarnoy zaochnoy konferentsii (noyabr 2017 goda. g. Sevastopol)* [Collection of materials of the I International Scientific Interdisciplinary Correspondence Conference (November 2017, Sevastopol)] / Pod redaktsiyey O.A. Gabriyelyana. A.V. Stavitskogo, V.V. Khapayeva. Sevastopol: Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2018, 592 p.

УДК 177

ПОНЯТИЕ «ЭКСТРЕМИЗМ» В КОНТЕКСТЕ ДОКТРИНЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Тимохин А.М.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская
Федерация*

Email: philosecon@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о применимости классической доктрины толерантности для формирования политического, юридического и нравственного отношения к экстремизму в рамках гражданского общества и правового государства. Диагностируется кризис отдельных интерпретаций доктрины толерантности, отталкиваясь от парадоксальности утверждения о том, что для сохранения толерантности в обществе необходимо ограничить определенные мнения. Предлагается уточнение смысла понятия «экстремизм» в контексте доктрины толерантности и указывается на критерии, выводящие экстремизм за рамки правомерного поведения без отказа от тех прав и свобод, на обеспечение которых должна быть направлена толерантность. Указывается на сложности определения такого понятия как экстремизм. Рассматриваются различные определения, в том числе, содержащиеся в актах международного права. Утверждается, что решить задачу правового определения экстремизма удалось только для одного из его видов - насильственного экстремизма. Показано, что классическая доктрина толерантности допускает ограничение терпимости для отдельных видов мнений, соответствующих понятию насильственный экстремизм. Выдвигается предположение, что существуют и другие ограничения для терпимости, дается их примерный перечень. Делается вывод о важности реконструкции ограничений терпимости в классической доктрине толерантности для выработки юридических, политических и нравственных норм, регулирующих свободу совести в современном обществе.

Ключевые слова: толерантность, парадокс толерантности, экстремизм, насильственный экстремизм, свобода совести, ограничение свободы совести.

Дискуссия относительно актуальности доктрины толерантности давно перестала быть достоянием только академических кругов. Благодаря лидерам гражданского общества, политикам, юристам, она оказалась сосредоточена вокруг вопроса о том, как концепция толерантности соотносится с вызовами и рисками, возникающими сегодня в сфере безопасности особенно по причине экстремизма сторонников различных версий религиозного и культурного фундаментализма. Многим стало казаться, что практики толерантности делают гражданское общество в цивилизованных странах беззащитным перед угрозами со стороны тех, кто готов использовать терпимость к многообразию мнений в качестве предпосылки для отрицания основоположных прав человека и демократических процедур принятия политических решений.

С конца 90-х годов XX века и особенно после 9/11 начался пересмотр особой роли, приписываемой толерантности в качестве базового принципа

гражданского мира внутри государства и мира между странами. По словам нидерландского философа Тео, де Вита, размышляющего о переоценке политического значения толерантности, это приводит к следующему. «Мы испытываем удивляющее и тревожащее изменение в понятии толерантности... толерантность стала полемической категорией, и ее прежняя умиротворяющая направленность переориентирована на обозначающую ограничения и даже оправдывающую подавление и агрессивное имя терпимости» [1, р. 377]. Толерантность, по его мнению, перестает быть общепринятым эффективным инструментом обеспечения гражданского согласия и общественной безопасности, поскольку «в современной демократии легитимно присутствует конфронтация и переговоры между группами различной степени законопослушности, которые пренебрегают толерантностью и осознают это» [1, р. 390]. Осознанное пренебрежение толерантностью в пользу идеологической конфронтации придает любой публичной позиции тон заявлений экстремизма.

Сегодня уже не просто политики, а мировые лидеры вынуждены признавать идейные основания конфликтов, провоцирующих терроризм, и начать говорить об отказе от толерантности. Весной 2017 года Великобритания пережила три террористические атаки, еще пять террористических актов были предотвращены британскими спецслужбами. Это заставило премьер-министра Терезу Мэй объявить о начале нового этапа борьбы с терроризмом, называя ее борьбой с идеологией, и определить ее суть в четырех пунктах. Во-первых, бороться приходится с идеологией, которую нельзя победить военным вмешательством, поскольку речь идет не об организованной группе противников, а об одиночках, зараженных этой идеологией и подражающих друг другу. Во-вторых, для распространения этой идеологии не должно остаться свободного места в мире, включая любые средства массовой информации. В-третьих, слишком большая терпимость к этой идеологии недопустима. В-четвертых, борьба с этой идеологией должна вестись в рамках ее уголовного преследования [2]. Известное издательство Гардиан опубликовало немногословный, как всегда, комментарий, упрекнув премьер-министра в стремлении пойти против устоев толерантности [3].

Идеология, ставшая причиной многочисленных жертв и заставившая правительство Великобритании говорить о недопустимости толерантности, - «это идеология, согласно которой наши западные ценности свободы, демократии и прав человека несовместимы с религией Ислама» [2]. Является ли объявленный главой государства (родиной веротерпимости) пересмотр складывавшихся веками практик толерантности допустимой мерой, которую современное правительство вправе использовать в интересах безопасности для борьбы с экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму? – К чему должен привести пересмотр практик толерантности: к полному отказу от них в отношении лиц, чьи взгляды могут служить экстремизму, или только к частичному ограничению? Эти и многие другие вопросы требуют обратиться к рассмотрению того, в каких границах могут осуществляться практики толерантности? Какую политику в отношении экстремизма можно рассматривать как основанную на доктрине толерантности? Если не существует адекватной угрозам экстремизма политики, основанной на

доктрине толерантности, то от последней, возможно стоит отказаться или существенно пересмотреть отношение к свободе совести и терпимости, к мнениям и образу жизни меньшинств ради обеспечения безопасности большинства, поскольку безопасность составляет основной интерес гражданского общества.

Не удивительно, что доктрина толерантности сегодня кажется несостоятельной и непрактичной: она возникла тогда, когда было важно найти основу мирного сосуществования христианского сообщества альтернативную монополии на религиозную жизнь, принадлежащей католической церкви. Легко предположить, что принципы, положенные в основу доктрины толерантности, имели культурно-исторический потенциал, ограниченный рамками западно-христианской цивилизации эпохи Модерна, и утратили свою нормативно-практическую значимость в постсекулярных условиях глобального поликонфессионального и мультикультурного сообщества [4, р. 835; 5, р. 1479]. Поэтому цель проводимой в статье реконструкции доктрины толерантности – предложить, если не аутентичное понимание ее изначальных принципов в сегодняшних условиях, то хотя бы приемлемость заключенного в ней универсального нормативного смысла для цивилизованного общества, желающего, будучи свободным и демократичным, оставаться в безопасности от угроз, которые несет в себе радикализация, приводящая к террору. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы «поместить» проблему экстремизма в контекст классической доктрины толерантности с тем, чтобы увидеть «реакцию», которую она может вызывать, и понять, действительно ли экстремизм порождает так называемый парадокс толерантности. Новизна предлагаемой реконструкции представлена уточнением смысла понятия «экстремизм» в контексте доктрины толерантности и указанием на критерии, выводящие экстремизм за рамки правомерного поведения без отказа от тех прав и свобод, на обеспечение которых должна быть направлена толерантность.

Поэтому, в отношении смысла концепта «экстремизм» уместно будет выявить его в наиболее актуальных и значимых контекстах, которые представлены документами ООН и других международных организаций, а также в национальных законодательствах цивилизованных государств. Противоположным образом следует поступить со смыслом термина «толерантность» и доктриной толерантности, рассматривая их наиболее ранние версии, пытаясь в них найти ответ на вопрос об отношении доктрины толерантности к проблеме собственных границ.

Термин экстремизм впервые появляется на страницах англоязычных газет в 40-е годы XIX века. Особую популярность он приобрел в американской прессе в конце гражданской войны, когда журналисты стали называть так непримиримых сторонников ее продолжения [6, 7]. В середине XX века термин стал использоваться для характеристики тоталитарных идеологий, рассматривающих террор как инструмент обретения и удержания политической власти (фашизм, коммунизм). Тогда же возник и правовой прецедент признания международным преступлением не просто конкретных действий, а идеологии. Прецедент довольно спорный, заставивший говорить о парадоксальном характере права толерантности, утверждающего неограниченную свободу убеждений, с одной стороны, но

объявляющего отдельные мнения недопустимыми и заслуживающими преследования, в том числе и уголовного. Такие мнения стали называть радикальными или экстремистскими.

Термин «экстремизм» получил широкое распространение в послевоенной политической публицистике для обозначения противозаконной деятельности религиозных, этнических и культурных меньшинств в государствах, где правительство и большинство отказывали таким меньшинствам в признании, равенстве прав, а порой их даже дискриминировали или преследовали. Несмотря на то, что термин «экстремизм» имеет не очень долгую историю, явление, которое им обозначается, в той или иной степени осознавалось и подвергалось рефлексии в контексте западной традиции политической мысли, начиная с античности. Новшеством последних десятилетий можно считать стремление выработать научное понимание экстремизма в рамках политической теории, учитывающей социальные и психологические корни данного явления. Также предпринимаются попытки дать экстремизму правовое определение.

Например, И.И. Бикеев и А.Г. Никитин предлагают следующую интерпретацию экстремизма как правового явления. «С позиции права экстремизм рассматривается как агрессивное, социально негативное, общественно опасное явление, которое служит «олицетворением определенного рода негативных проявлений, имеющих своей целью породить у членов мирового сообщества сомнения в возможности поддержания стабильности в мире на принципах демократии, уважения прав и свобод человека и гражданина», которое «не может существовать вне связи с преступностью» и направлено «на изменение основ конституционного строя страны, возбуждение политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды через применение насилия (угрозу его применения), причинение имущественного либо физического вреда, а равно призывы к указанным действиям» [8, с. 118-119]. Необходимо признать, что их позиция основывается на масштабном исследовании научной литературы и нормативно-правовых актов, появившихся, начиная с 80-х годов, и так или иначе трактующих природу экстремизма. Однако принципиальным недостатком такого понимания экстремизма как «общественно опасного явления» остается то, что его невозможно использовать для того, чтобы сформулировать уголовные нормы, объявляющие экстремизм преступлением и устанавливающие меры наказания, устраняющие и предотвращающие его последствия.

Некоторые государства, в том числе Российская Федерация, попробовали включить понятие экстремизма в свое законодательство. Однако подобные попытки вызвали критику, поскольку данные в нормах определения экстремизма оказались диффузными [9, 10]. С одной стороны, как отмечал бывший генеральный прокурор Российской Федерации В.В. Устинов, понятие экстремизма сложно отделить от понятия о терроризме [11, с. 19]. С другой стороны, под даваемое экстремизму определения могут подпадать действия, являющиеся неотъемлемой частью реализации прав и свобод человека в демократическом обществе. На это указала Европейская комиссия против расизма и нетерпимости: «имеется не только широкое поле для злоупотребления этим законом, но и тем, что закон используется

чрезмерно широко и иногда по вопросам, которые не должны относиться к его сфере действия» [12, с. 18]. Поэтому многие эксперты считают, что определение экстремизма в Федеральном законе о противодействии экстремистской деятельности должно быть пересмотрено таким образом, чтобы оно распространялось лишь на серьезные случаи, связанные с ненавистью и насилием.

Опыт различных государств - членов Совета Европы, США, Канады, Австралии и других стран, отстаивающих верховенство права, свидетельствует о том, что они также не смогли или не посчитали нужным включить определение экстремизма в свое законодательство. Похоже, что ни в настоящий момент, ни в ближайшем будущем нельзя рассчитывать на появление более-менее стандартного международно-правового определения того, что такое экстремизм.

Не только расплывчатость используемых в национальном законодательстве правовых формулировок сущности экстремизма или их отсутствие, мешают формированию общепринятой правовой оценки рассматриваемого явления. Еще одна важная причина критики подобного законодательства заключается в том, что оно заставляет забыть о толерантности как правовом условии осуществления свободы совести. Поэтому позволяет объявить любую позицию, отличную от государственной, экстремистской, если ее сторонники связывают свою позицию с необходимостью политических изменений в стране. Попытка дать правовое определение экстремизма вне контекста института свободы совести и права толерантности, без учета, связанных с этим контекстом сложностей оборачивается тем, что появляются юридические химеры или, лучше сказать, «уродцы» вроде понятия «либеральный экстремизм» – бессмысленного и смешного одновременно.

Между тем, определенные шаги, направленные на то, чтобы уточнить значение термина экстремизм все-таки предпринимаются и связаны они, прежде всего, с тем, чтобы уйти от многочисленных политических и религиозных коннотаций, сосредоточившись на выявлении правовой сути явления. Свидетельством этого процесса можно считать появление в международном праве понятия «насильственный экстремизм» («воинственный экстремизм» один из вариантов перевода) [13, с. 33]. Одно из первых определений насильственного экстремизма как всего, что «относится к пропаганде, привлечению и подготовке или иной поддержке идеологически мотивированного или оправданного насилия для достижения в дальнейшем социальных, экономических и политических целей» было предложено в 2011 году [14, р. 2]. С тех пор термин прочно вошел в дискурс международного права, появившись на страницах многих нормативно-правовых актов. В 2015 году были представлены три важных международных документа, раскрывающих суть этого понятия: Резолюция 30/15, принятая Советом по правам человека 2 октября 2015 года «Права человека и предупреждение насильственного экстремизма и борьба с ним», Резолюция 70/109. «Мир против насилия и насильственного экстремизма», принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 2015 года, и План действий по предупреждению насильственного экстремизма, предложенный Генеральным секретарем ООН 24 декабря 2015.

Важно отметить, что этими международными документами не только определяется природа насильственного экстремизма, но и устанавливается

соотношение насильственного экстремизма и толерантности. В них находит свое понимание то, что толерантность и насильственный экстремизм являются противостоящими друг другу принципами. «Проявление терпимости является одним из принципов, которых необходимо придерживаться для достижения целей предотвращения войны и поддержания мира, которые преследует Организация Объединенных Наций, и будучи убеждена в том, что уважение и защита всех прав человека и основных свобод всех лиц, а также терпимое, уважительное и почтительное отношение к другим людям и способность сосуществовать с другими людьми и прислушиваться к их мнению являются прочной основой любого общества и мира» [15]. Вместе с тем, подчеркивается, что насильственный экстремизм является противоположностью толерантности, поскольку он основывается на ее отрицании, распространяя «идеи нетерпимости — религиозной, культурной, социальной» [15]. По сути же «акты, методы и практика насильственного экстремизма во всех их формах и проявлениях являются деятельностью, которая направлена на подрыв осуществления прав человека и основных свобод, подрыв территориальной целостности и безопасности государств и дестабилизацию легитимно сформированных органов власти». Как подчеркивается в Плате действий, «воинствующие экстремисты создают прямую угрозу для осуществления прав человека — от права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность до права на свободу выражения мнений, ассоциации, мысли, совести и вероисповедания» [15].

Таким образом, следует признать, что сегодня с юридических позиций уместно говорить не об экстремизме вообще, а именно о насильственном экстремизме, понимая под ним преступление, совершаемое против толерантности как гарантии безопасности и соблюдения основоположных прав и свобод человека в демократическом правовом государстве. Такой насильственный экстремизм представляет собой оправдание и распространение практики противоправного применения силы или угроз применения силы, основанное на отрицании или ограничении прав человека, демократии и основоположных свобод, продиктованное нетерпимостью и ненавистью, преследующее антигуманные цели. Само по себе отрицание прав человека, демократии и основоположных свобод не является экстремизмом, оно может быть продиктовано временным или непреодолимым непониманием, вызванным предрассудками, культурными и интеллектуальными различиями. Экстремизмом оно становится лишь тогда, когда превращается религиозными, социальными или этническими группами и их представителями в инструмент для достижения политических целей, противоречащих принципу толерантности и несовместимых с правами и свободами других людей. Насильственный экстремизм является чаще всего позицией меньшинства, поскольку случаи, когда члены общества, в большинстве склонных к отрицанию свобод и демократических процедур принятия значимых решений, встречаются довольно редко. Тем не менее, тоталитарные общества служат наиболее типичным примером того, что большинство может поддерживать теорию и практику экстремизма. Развитие практик толерантности и распространение политики мультикультурализма могло бы привести к устранению почвы для экстремизма при

условии, что все члены международного сообщества будут действовать в интересах верховенства права.

Поскольку доктрина толерантности, а точнее ее отрицание, составляет сущность насильственного экстремизма, необходимо снова обратиться к ее ключевым принципам с тем, чтобы понять, какие пределы устанавливаются ею для недопущения насильственного экстремизма как своей противоположности. Такое обращение может показаться странным, поскольку доктрину толерантности и появление понятия «насильственной экстремизм» разделяют более 300 лет и подобная историческая ретроспекция, помещение современного понятия в чуждый ему социальный и культурный контекст может восприниматься как не вполне методологически оправданное решение. Между тем, одно обстоятельство, касающееся формулировки Дж. Локка основополагающих идей доктрины толерантности, указывает на то, что обращение к этим идеям и сегодня имеет свой смысл. Как известно, в своем «Опыте о веротерпимости» Дж. Локк отказывает в праве на толерантность католикам: «относительно папистов, известно, что некоторые из их опасных мнений, которые абсолютно разрушительных для всех правительств, но не папского, не должно терпеть при распространении этих мнений; и кто бы ни пытался распространять или публиковать любые из них, магистрат обязан усмирить его настолько, насколько достаточно, для того чтобы сдерживать это»[16, р. 151]. Конечно, католицизм в тогдашней Англии не был экстремизмом в современном понимании, однако это не мешало увидеть в проводимой им политике ту же позицию, которую современное международное право идентифицирует как насильственный экстремизм. Ограничение толерантности было и оставалось существенным элементом учения Дж. Локка о веротерпимости, а вовсе не проявлением его субъективной антипатии к католикам. Поэтому исторически неверно считать, что либеральное учение о веротерпимости изначально не содержит указаний на то, что толерантность может и должна быть ограничена в известных случаях.

В заключении можно попытаться наметить ряд важных позиций, отражающих как возможность включения понятия «экстремизм» в доктрину толерантности, так и те, санкции, которые могут быть предусмотрены для приверженцев подобных установок. Во-первых, толерантность распространяется только на мнения и их выражения, но не может гарантировать носителям этих мнений иммунитет от наказания за действия, связанные с доказательством правильности таких мнений, если они наносят ущерб другим людям. Особенно это касается действий, равносильных принуждению к согласию с их мнениями. Эту границу толерантности вполне адекватно описывает утвердившееся в международном праве понятие «насильственный экстремизм». Во-вторых, толерантность не распространяется на мнения тех, кто рассматривает сам факт их наличия как основание для политически значимых действий в отношении других людей. Не распространяется до тех пор, пока не будет установлено, что такие действия не влекут за собой вреда большего, чем вред, который их запрет может принести практике толерантности. Другими словами, речь идет о «динамической нетолерантности», порождаемой в ходе политической дискуссии о действиях,

которые могут нанести вред институтам гражданского общества, и ограничении права на мнения, которые могут привести к совершению таких действий. В-третьих, для доктрины толерантности существенным остается различие между индивидуальным мнением и мнением организованной в политическом отношении группы, или отличие между частным и публичным мнением. Неограниченная толерантность может быть оправдана лишь в отношении частного мнения, при условии, что это мнение не служит основанием для действий, причиняющих вред другим людям.

Перечисленные положения содержатся имплицитно в той версии доктрины толерантности, которая стала неотъемлемой частью конструкции публичной сферы эпохи Модерна. Эти положения позволяют не только снять с доктрины толерантности обвинения в распространении экстремизма, но и «вписать» возможность противодействия экстремистским убеждениям в практики терпимости. Их более детальная реконструкция по-прежнему является важным условием, на котором парадокс толерантности может быть воспринят не просто как указание на границы толерантности, но и как ключ к формулировке принципа толерантности применительно к юридической, нравственной и политической практике.

Список литературы

1. Theo de Wit W.A. Why tolerance cannot be our principal value / W.A. Theo de Wit // *International Journal for Philosophy and Theology*. – 2010. – № 7 (1:4). – pp. 377-390.
2. Read Prime Minister Theresa May's Full Speech on the London Bridge Attack. URL: <https://time.com/4804640/london-attack-theresa-may-speech-transcript-full/> (Дата обращения: 04.11.2019).
3. The Guardian view on Theresa May's plans on terror: they are wrong. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jun/04/the-guardian-view-on-theresa-may-plans-on-terror-they-are-wrong> (Дата обращения: 04.11.2019).
4. Cohen A. J. What Toleration Is // *Ethics*. – 2004. – Vol. 115, No. 1. – Pp. 68-95.
5. Rosenfeld M. Extremist Speech and the Paradox of Tolerance // *Harvard Law Review*. – 1987. – Vol. 100, No. 6. – Pp. 1457-1481
6. Backes U. Politischer Extremismus in demokratischen Verfassungsstaaten. Elemente einer normativen Rahmentheorie / U. Backes. – Springer Fachmedien Wiesbaden, GmbH., 1989. – 385 p.
7. Backes, U. Political Extremes: A Conceptual History from Antiquity to the Present / U. Backes. – London: Routledge, 2010. – 312 p.
8. Бикеев И.И., Никитин А. Г. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование: монография / И.И. Бикеев, А.Г. Никитин. – Казань: Познание, 2011. – 320 с.
9. Устинов В. В. Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // *Российская юстиция*. – 2002. – № 5. – С. 34-36.
10. Смертин А. Н. Экстремизм и терроризм: некоторые подходы к определению понятий // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2009. – №1. – С. 54-59.
11. Устинов В. В. Обвиняя терроризм / В. В. Устинов. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 432 с.
12. ECRI Report on the Russian Federation (fourth monitoring cycle). Adopted on 20 June 2013. Published on 15 October 2013. URL: <https://rm.coe.int/fourth-report-on-the-russian-federation/16808b5bb4> (Дата обращения: 04.11.2019).
13. Абашидзе А. Х., Мельшина К.Ю. Борьба с экстремизмом: актуальная проблема повестки дня ООН // *Евразийский юридический журнал*. – 2016. – №2. – С. 32-37.
14. The Development Response to Violent Extremism and Insurgency. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pdacs400.pdf (Дата обращения: 04.11.2019).

15. Plan of Action to Prevent Violent Extremism. Report of the Secretary-General. 24 December 2015. A/70/674. URL: <https://undocs.org/en/A/70/674> (Дата обращения: 04.11.2019).
16. Locke J. Locke: Political Essays. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 456 p.

Timokhin A.M. The Concept of “Extremism” in the Context Doctrine of Toleration // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4 P. – 85-94

The article discusses the classical doctrine of tolerance applicability for the formation of a political, legal and moral attitude towards extremism in the limits of the civil society and rule of law. The doctrine of tolerance individual interpretations crisis is emphasized, basing on the paradoxicality of the assertion of the necessity of the limitation of some certain opinions for the tolerance preservation in the society. A clarification of the meaning of the concept of “extremism” in the context of the doctrine of tolerance is proposed and the criteria that extend extremism beyond the framework of lawful behavior without giving up those rights and freedoms to which tolerance should be directed are indicated. The complexities for the identification of the extremism notion are indicated. Various definitions of the notion are considered, including those contained in the acts of international law. It is alleged that the problem of the legal definition of extremism notion was solved only for one of its types – violent extremism. It is shown that the classical doctrine of tolerance admits the limitation of tolerance types of opinions that correspond to the concept of violent extremism. The assumption is put forward that there are some other restrictions for the tolerance and the approximate list is presented. The conclusion is drawn about the importance of the reconstruction of the limitations of tolerance in the classical doctrine of tolerance for the development of legal, political and moral standards regulating the freedom of conscience in a modern society.

Keywords: tolerance, the paradox of tolerance, extremism, violent extremism, freedom of conscience, the restriction of freedom of conscience.

References

1. Theo de Wit W.A. Why Tolerance Cannot be our Principal Value / W.A. Theo de Wit // International Journal for Philosophy and Theology. 2010, № 7 (1:4), pp. 377-390.
2. Read Prime Minister Theresa May's Full Speech on the London Bridge Attack. URL: <https://time.com/4804640/london-attack-theresa-may-speech-transcript-full/> (Accessed: 04.11.2019).
3. The Guardian view on Theresa May's plans on terror: they are wrong. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jun/04/the-guardian-view-on-theresa-may-plans-on-terror-they-are-wrong> (Accessed: 04.11.2019).
4. Cohen A. J. What Toleration Is // Ethics. 2004, Vol. 115, No. 1, pp. 68-95.
5. Rosenfeld M. Extremist Speech and the Paradox of Tolerance // Harvard Law Review. 1987, Vol. 100, No. 6, pp. 1457-1481.
6. Backes U. Politischer Extremismus in demokratischen Verfassungsstaaten. Elemente einer normativen Rahmentheorie / U. Backes. Springer Fachmedien Wiesbaden, GmbH., 1989, 385 p.
7. Backes, U. Political Extremes: A Conceptual History from Antiquity to the Present / U. Backes. London, Routledge, 2010, 312 p.
8. Bikeev I.I. Ekstremizm: mezhdisciplinarnoe pravovoe issledovanie: monografiya [Extremism: an Interdisciplinary Legal Study]. Kazan, Poznanie, 2011, 320 p.
9. Ustinov V. V. Ekstremizm i terrorizm. Problemy razgranicheniya i klassifikacii [Extremism and Terrorism. The Problem of Demarcation and Classification]. Rossijskaya yusticiya [Russian Justice]. 2002, № 5, pp. 34-36.
10. Smertin A. N. Ekstremizm i terrorizm: nekotorye podhody k opredeleniyu ponyatij [Extremism and Terrorism: Some Approaches to Defining Concepts]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Sankt-Petersburg's University of MIAR]. 2009, №1, pp. 54-59.
11. Ustinov V. V. Obvinayaya terrorizm [Blaming Terrorism]. Moscow, Olma-Press, 2002, 432 p.

12. ECRI Report on the Russian Federation (fourth monitoring cycle). Adopted on 20 June 2013. Published on 15 October 2013. URL: <https://rm.coe.int/fourth-report-on-the-russian-federation/16808b5bb4> (Accessed: 04.11.2019).
13. Abashidze A. H. Mel'shina K.Y. Bor'ba s ekstremizmom: aktual'naya problema povestki dnya OON [The Fight against Extremism: an Urgent Issue on the Agenda for the UN]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Journal of Law]. 2016, №2, pp. 32-37.
14. The Development Response to Violent Extremism and Insurgency. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pdacs400.pdf (Accessed: 04.11.2019).
15. Plan of Action to Prevent Violent Extremism. Report of the Secretary-General. 24 December 2015. A/70/674. URL: <https://undocs.org/en/A/70/674> (Accessed: 04.11.2019).
16. Locke J. Locke: Political Essays. Cambridge, Cambridge University Press, 1997, 456 p.

УДК: 314.07

СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹²

Топчиев М.С., Холова Л.А.

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

E-mail: ceo.gfn@gmail.com

E-mail: lyubov.kholova@yandex.ru

В статье представлен анализ брачно-семейных отношений в советское и постсоветское время. Исторические события конца XX - начала XXI вв. в России оказали существенное влияние на общественные институты и механизмы формирования гражданского, этнического и религиозного самосознания. Перестройка социально – экономического пространства постсоветской России имела важные последствия для развития института семьи. Постперестроечные реформы в области государственного и общественного регулирования института семьи оказали существенное влияние на отношение современной российской молодежи к брачно-семейным отношениям. Отличия российской семьи от семьи советского периода, заключающиеся в структурных изменениях, подтверждаются данными, полученными в ходе социологического исследования.

Ключевые слова: институт семьи, брачно-семейные отношения, российская семья, советская модель, семейные ценности, идентичность.

На современном этапе семья выступает базовой единицей в иерархии демографических образований, где население представляет собой не столько совокупность отдельных людей, сколько совокупность семей [1, С. 186]. Становление семьи проходит под влиянием экономической, социальной, политической сфер, где общество в лице государства юридически регулирует отношения в рамках семьи. Представляя собой центр хранения традиций, моральных и религиозных ценностей, семья, как ячейка общества отвечает за социализацию и инкультурацию индивида.

Семья изучается в рамках множества гуманитарных наук и при исследовании требует комплексного подхода. Исторически для различных народов семья формировалась в рамках традиционной патриархальной модели с четким гендерным разделением ролей между супругами и потомством. Формируя внутри и вокруг себя особенный менталитет, семья определяет нормы поведения и методы

¹² Статья выполнена по гранту президента для молодых ученых кандидатов наук. Проект МК-6079.2018.6 «Влияние религиозной трансгрессии на модель института семьи прикаспийского фронта».

воспитания, а своими правилами регулирует отношения с обществом, формирует содержание гендерных ролей [2, С. 70].

Важность изучения семьи в качестве социального института подчеркивает академик РАН В.И. Жуков. По его словам, семья в условиях социальных рисков, в отличие от других общественных институтов, особо уязвима, и реагировать на изменяющиеся общественно-экономические условия ей приходится очень быстро [3, С. 35]. Классические труды П. Сорокина по семейной проблематике проанализированы в работах И.А. Голосенко, он опирается на такое базовое определение семьи, данное П. Сорокиным: «Семья является первым скульптором индивида, придающим ему основные социальные формы, первым учителем и воспитателем» [Цит. по: 4, С. 21]. Проблемы семьи и брака в контексте социологии семьи выделены М.М. Ковалевским и П. Сорокиным, они рассматриваются в историко-аналитической работе И.С. Голода [5], а сама история социологии семьи освещена в учебном пособии «Социология семьи» А.И. Антонова и В.М. Медкова [6].

Современные исследователи отмечают, что под влиянием происходящих изменений в политике, экономике и культуре изменяются взаимоотношения внутри социальной структуры, между различными социальными институтами, в том числе между институтом семьи и обществом. Однако анализ трансформации семейно-брачных отношений советского и постсоветского периодов среди современных исследователей, можно сказать, в дефиците. Исследование процессов трансформации института семьи как важнейшего социального агента позволит сформировать адекватный современным условиям подход к воспитанию подрастающего поколения.

Семья в советское время

Семейно-брачное законодательство, принятое в советское время, отражает стремление к модернизации, желание поставить СССР в один ряд с более развитыми европейскими государствами. Полуфеодальная общественная система, согласно которой православная церковь регулировала семейные вопросы, была разрушена, процедура заключения браков была упрощена и индивидуализирована, по сути, сведена к регистрации в гражданских органах.

Официальные нормы семейной жизни в советское время формировались на рубеже 20-х - 30-х годов XX века, согласно которым советский человек должен был ориентироваться на моногамный брак. Добрачная половая жизнь считалась аморальной, отклоняющиеся от общепринятой нормы формы полового поведения резко осуждались [7]. В 1949 г. Н.В. Рабинович была предпринята попытка ввести в Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье следующее определение: «Брак представляет собой свободно заключаемый супругами союз, а семья основана на любви супругов друг к другу и на взаимной привязанности членов семьи» [8].

Следует отметить, что новая социальная реальность, диктуемая государственной идеологией, предполагала формирование новой исторической общности – советского народа [9, С. 114], где этническая принадлежность уходила на второй план. СССР был многонациональной страной, в которой более ста наций

и народностей находились на разных уровнях социального и экономического развития, а государственная политика была направлена на сближение и ассимиляцию наций. Связи советской молодежи росли, положительное отношение к представителям разных народов СССР способствовало увеличению доли смешанных семей. В материалах социологических исследований А.Г. Харчева можно обнаружить такой ряд подмеченных им тенденций в развитии межнациональных семей в советское время: «в городах и регионах с этнически смешанным населением доля межнациональных семей достигает 50% от общего числа семей; в брачной структуре населения преобладают браки между представителями близких по культуре и языку наций; наблюдается рост числа браков, в которых супруги принадлежат к различным историческим национально-культурным традициям; количество разводов в межнациональных браках примерно такое же, как и в этнически смешанных семьях; чаще всего межнациональные браки двуязычны» [10, С. 197-198]. Из них следует, что для советского времени были характерны семейно-брачные отношения, в которых субъектами брака могли быть как представители одного этноса, так и представители разных этносов. При этом вопрос о национальной принадлежности детей решался или по национальности матери/отца или самостоятельно детьми при получении паспорта, однако, характеристика «советский» была первична по отношению к характеристике по национальному признаку. Пропаганда атеизма способствовала сближению национальных культур на базе основного государственного принципа: равенства всех народов СССР.

Советская семья как институт обеспечивала стабильность и преемственность политического строя, сочетая в себе новые патриархальные и революционные тенденции. Основываясь на концепциях теоретиков коммунизма, советская власть преобразовывала институт семьи для формирования чувств, способствующих социально-политической консолидации общества, воспроизведению модели патриархальной государственности.

Семья в постсоветское время

Социально-экономическая реформация, начавшаяся в 1990-х годах, затронула все сферы общества, в том числе и сферу брачно-семейных отношений. Новые тенденции не изучались в контексте социологии семьи, что отразилось на понимании и оценке состояния, функционирования и изменения этого социального института. После перестройки и распада СССР исторические события и новая социальная реальность сильно повлияли на смешанные семьи. Бывшие советские республики заявили о суверенитете, изменение политического строя повлекло за собой социальные изменения и снижение уровня жизни населения, а миграция и национальные конфликты привели к увеличению разрыва в характеристиках «свой-другой-чужой».

Современная Россия унаследовала от Советского Союза территориально-но-географическое распределение своего населения, которое было несовместимо с ее развивающейся рыночной экономикой. Одновременно с этим распад Советского Союза вызвал массовый отток россиян из республик бывшего Советского Союза в Россию. Эти смешанные миграционные потоки, проходившие под воздействием

целого ряда социальных, экономических и политических факторов, в свою очередь, оказывали и продолжают оказывать влияние на процесс перехода постсоветской России к обществу с новыми, демократическими тенденциями в сфере семейно-брачных отношений.

Идея национальной обособленности и враждебность по отношению к гражданам бывших советских республик способствовала стремлению народов к возрождению национальных традиций и превалированию этнической идентичности. Возрождение маркеров, определяющих этническую идентичность, увеличило количество межэтнических конфликтов, что послужило причиной распада целого ряда семей, смешанных по этно-конфессиональным признакам.

Астраханский регион – полиэтнический субъект Российской Федерации, находится в непосредственной близости к нескольким бывшим советскими республикам и является зоной пересечения множества культур [11, С. 106]. На территории региона проживает большое количество народностей, разных по своей религиозной принадлежности, семейное взаимодействие в межнациональных браках в этих условиях усложняется. Сейчас субъектами брака могут быть: 1) лица, исповедующие разные религии (традиционного/нетрадиционного толка), при этом один из субъектов брака может быть атеистом, а второй верующим; 2) лица, являющиеся гражданами разных государств (бывших республик СССР); 3) лица, где один – гражданин России, второй – гражданин одной из европейских, восточных государств или стран СНГ. Семейное взаимодействие в подобных браках усложняется не только различными взглядами на быт и воспитание детей, но и подчас полярными представлениями о распределении ролей в семье и общей картине ценностей. Семейные отношения усложняются, остро встает проблема этнического и религиозного определения детей.

Социологическое исследование

В октябре 2019 года нами был проведен опрос в форме раздаточного электронного анкетирования с целью выявления специфики брачно-семейных ценностей современной молодежи и проведения анализа ценностных ориентаций молодого поколения относительно семьи и брака. Объем выборочной совокупности составил 415 студентов Астраханского государственного университета и Каспийского института морского и речного транспорта – жителей города Астрахани и Астраханской области, из них респондентов 16-18 лет – 49%, 19-21 – 42,5%, 22-24 – 7,3%, возраста 25+ – 1,2%. Погрешность выборки составила 3%. Инструментарий и матрица исследования разработаны авторами исследования. Обработка и анализ полученных данных проведены с использованием статистического пакета *IBM SPSS Statistics 21*.

Полученные данные (табл. 1) продемонстрировали положительное отношение студенческой молодежи к вопросу создания семьи в будущем.

Таблица 1. Оцените степень Вашего желания в будущем создать семью (иметь отдельные семейные отношения):

(%)

Вариант ответа	%
----------------	---

1.	Определенно хочу и буду создавать семью	56,9
2.	Скорее хочу и буду создавать семью	16,9
3.	Скорее не хочу и не буду создавать семью	5,5
4.	Определенно не хочу и не буду создавать семью	2,7
5.	Не определился с данным желанием (затрудняюсь ответить)	15,0
6.	Уже имею отдельные семейные отношения	3,0

Ответ на вопрос «что вы понимаете под словом «семья»?» часто был таков: это «близкие люди» (77 ответов), «родные люди» (55 ответов), «любовь» (53 ответа), «дом и очаг» (27 и 6 ответов, соответственно). В рамках исследуемой проблематики важно отметить, что респонденты выделили в определении факторы, фактически обозначающие поддержку, внимание и заботу о дальнейшем развитии взаимоотношений потенциальных супругов. Это подтверждает трансформацию модели от сложной семьи родительского типа, включающей в себя несколько поколений, к простому нуклеарному репродуктивному типу семьи, характерному для постсоветского периода. Респонденты отмечают, что важными характеристиками для семьи является наличие связи посредством кровных уз, прямых родственных связей и/или реге законного брака. Респонденты подчеркивают психологические аспекты семьи, круг общения и его содержание, особенности эмоциональных контактов членов семьи, социально-психологические цели семьи и индивидуально-психологические потребности её членов в преданности и сотрудничестве (31%) и общении, предполагающем открытое самовыражение (20,6%) (табл. 2). Данные показатели также подтверждаются в ответах респондентов на открытый вопрос: «Какие ценности Вы связываете с понятием «семья»?». Респонденты дали такие ответы: «любовь» (202 раза), «понимание» (123 раза), «забота» (81 раз), «доверие» (56 раз) и «верность» (31 раз).

На основании ответов респондентов (табл. 2) функции семьи в молодежном представлении заключаются в воспитании ребенка (детей) – 23,7% и ведении общего домашнего хозяйства – 7,4%. Следовательно, можно предположить, что базовыми остаются репродуктивная и хозяйственно-бытовая функции.

Таблица 2. Как Вы считаете, какие основные характеристики семьи? (%)
(многовариантный вопрос)

Вариант ответа		% ответов респондентов	% от всех ответов (сумма 100%) =
1.	Преданность и сотрудничество	57,9	31,0
2.	Общение, предполагающее открытое самовыражение	38,5	20,6
3.	Ведение общего домашнего хозяйства	13,9	7,4
4.	Воспитание ребенка (детей)	44,2	23,7
5.	Проведение совместного досуга	14,1	7,5
6.	Постоянное общение супругов	13,9	7,4

7.	Другое	4,3	2,3
----	--------	-----	-----

Следует также отметить положительное решение респондентов на вопрос создания семьи в будущем, где высокий процент ответа «определенно хочу и буду создавать семью» отмечен лицами мужского и женского практически в равных долях (51,4% и 59,5% соответственно) (табл. 3).

Таблица 3. Сопряженность ответов из вопросов q_9 * q_5

	q_5						Итого
	1. Определенно хочу и буду создавать семью	2. Скорее хочу и буду создавать семью	3. Скорее не хочу и не буду создавать семью	4. Определенно не хочу и не буду создавать семью	5. Не определился с данным желанием (затрудняюсь ответить)	6. Уже имею отдельные семейные отношения	
q_9 1. Мужской	51,4%	15,6%	4,6%	4,0%	20,8%	3,5%	100,0 %
2. Женский	59,5%	18,6%	6,2%	1,7%	11,2%	2,9%	100,0 %

На положительную тенденцию ответов в данном вопросе не влияют такие основания как «полная семья (отец и мать)», «неполная семья (только мать или отец)», «нет родителей», поскольку согласно полученным данным, респонденты, относящие себя к данным категориям, в большинстве ответили «определенно хочу и буду создавать семью» (табл. 4).

Таблица 4. Сопряженность ответов из вопросов q_13 * q_5

	q_5						Итого
	1. Определено хочу и буду создавать семью	2. Скорее хочу и буду создавать семью	3. Скорее не хочу и не буду создавать семью	4. Определено не хочу и не буду создавать семью	5. Не определился с данным желанием (затрудняюсь ответить)	6. Уже имею отдельные семейные отношения	
q_13 1. Полная семья (отец и мать)	59,0%	16,0%	5,9%	2,6%	14,0%	2,6%	100,0 %
2. Неполная семья (только мать или отец)	46,5%	22,8%	5,0%	3,0%	19,8%	3,0%	100,0 %
3. Нет родителей	71,4%					28,6%	100,0 %

Данные, полученные в результате проведения анкетирования, подтверждают, что молодое поколение положительно относится к институту семьи, определяя семью как «ячейку общества», ответственную за ведение общего хозяйства и воспитание детей. Семья воспринимается в качестве одной из главных жизненных ценностей и как условие счастливой жизни.

Заключение

На протяжении XX века институт семьи в России трансформировался под влиянием фундаментальных изменений в понимании роли, функций и места семьи как базовой ячейки общества. Базовое понимание семьи в советское время, заключающееся в воспроизводстве и воспитания молодого поколения, сохранилось и в постсоветский период. Анализ типов семейного взаимодействия в конкретных исторических периодах позволяет выявить тенденции не только внутрисемейного взаимодействия, но в обществе в целом. Современная российская семья имеет множество форм проявления, отличных от традиционной патриархальной формы семейно-брачных отношений.

Результаты социологического исследования, которыми оперируют авторы статьи, получены в рамках выполнения проекта, поддержанного Фондом президентских грантов. В советский период семья представляет собой союз традиционного, патриархального типа, функционирующий на основе общего быта и социально-психологического взаимодействия. Семья в постсоветский период остается наиболее устойчивой первичной ячейкой общества, сохранившей функции модели семьи советского периода, заключающиеся в ведении общего хозяйства и воспроизводстве, воспитании молодого поколения. Изменение коснулось следующей позиции: совершился переход от советского типа семьи к другому типу, ориентированному в большей степени на самореализацию и самовыражение членов семьи. Семья становится нуклеарной, объединяя социальную и приватную сферу индивида.

Авторы исследования предполагают, что семейный быт и ценности мононациональных и монорелигиозных семей может сильно отличаться от новых черт семейной культуры, домашнего быта и традиций, формируемых в семьях смешанных по этно-религиозным признакам. Однако следует отметить, что данный фактор не влияет на отношение молодежи к вопросу создания собственной семьи. Широкое распространение родственных связей и толерантного отношения к представителям разных культур может способствовать этнополитической и культурной устойчивости многонациональных регионов и страны в целом. Смешанные семьи по национальному, гражданскому и/или религиозному принципу представляют собой модель межэтнического взаимодействия на микроуровне.

Ценностное восприятие института семьи в советский и постсоветский период отражает государственную политику в сфере семейно-брачных отношений. Семья, воспринимаемая современной российской молодежью в качестве узкородственной, традиционной группы людей, которые связаны общим бытом и досугом, остается одной из главных её ценностей. Можно сделать вывод, что социальные механизмы сохранения и передачи семейных ценностей, пропагандируемые государством, успешно справляются с поставленной перед ними задачей, хотя и требуют постоянной коррекции, вызванной влиянием западноевропейских ценностей, оказываемым посредством СМИ и Сети интернет.

Список литературы

1. Волков А. Г. Семья – объект демографии / А. Г. Волков. – М.: Мысль, 1986. – 271 с.
2. Жэньер Ч. Межнациональные браки. Исследование основных причин развода / Ч. Жэньер. – СПб., 2005. – 130 с.
3. Жуков В. И. Социальная сплоченность российского общества и социальная устойчивость семьи в условиях кризиса / В. И. Жуков / Духовно-нравственное воспитание молодежи: семейные национальные традиции: Материалы VI международного конгресса «Российская семья» 14-15 мая 2009 г. – М.: РГСУ, изд-во «Союз», 2009. – 284 с.
4. Голосенко И. А. Социология Питирима Сорокина (русский период деятельности) / И. А. Голосенко. – Самара: Социологический центр «Социо», 1992. – 154 с.
5. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С.И. Голод. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 271 с.
6. Антонов А. И. Социология семьи / А.И. Антонов, В. М. Медков. – М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления «Братья Карич», 1996. – 304 с.

7. Левина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы / Н. Б. Левина. – СПб.: Летний сад, 1999. – 320 с.
8. Афанасьева И. В. Брак и семья URL: <http://www.to-1.ru/ar-ticles/248>. (Дата обращения: 15.09.2019)
9. Смирнов Г. Л. Советский человек / Г. Л. Смирнов. – М.: Знамя, 1973. – 414 с.
10. Харчев А. Г. Социология семьи: проблемы становления науки / А. Г. Харчев. – М.: ЦСП, 2003. – 342 с.
11. Хлыщева Е. В. Динамика идентичностей в культурном ландшафте астраханского региона: от этноконфессиональной формы к транскультурной // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т.20. – №1. – С. 105-122.

Topchiev M. S., Kholova L. A. Specificity of Transformation of the Family Institute in the Post-soviet Space // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. P. – 95–103.

The article presents an analysis of marriage and family relations in Soviet and post-Soviet times. Historical events of the late XX and early XXI centuries in Russia had a significant impact on public institutions and factors in the formation of civic, ethnic and religious identity. The transformation in Russia during the perestroika and post-Soviet periods had important consequences for the development of the institution of the family. Dynamic changes in the field of state and public regulation of the institution of the family have an impact on the attitude of young people to marriage and family relations. The modern Russian family differs from the Soviet-era family in its structure, which is confirmed by the data obtained in the course of a sociological study.

Key words: family institution, marriage and family relations, Russian family, Soviet model, family values, identity.

References

1. Volkov A. G. Sem`ya – ob`ekt demografii [Family - the Object of Demography]. Moscow, My`sl`, 1986, 271 p.
2. Zhe`n`er Ch. Mezhnacional`ny`e braki. Issledovanie osnovny`x prichin razvoda [Interethnic Marriages. Investigation of the Main Causes of Divorce]. Saint Petersburg, 2005, 130 p.
3. Zhukov V. I. Social`naya splochnost` rossijskogo obshhestva i social`naya ustojchivost` sem`i v usloviyax krizisa [The Social Cohesion of Russian Society and the Social Stability of the Family in a Crisis]. Moscow, RGSU, Soyuz Publ., 2009, 284 p.
4. Golosenko I. A. Sociologiya Pitirima Sorokina (russkij period deyatel`nosti) [Sociology of Pitirim Sorokin (Russian Period of Activity)]. Samara, Sociologicheskij centr «Socio», 1992, 154 p.
5. Golod S. I. Sem`ya i brak: istoriko-sociologicheskij analiz [Family and Marriage: Historical and Sociological Analysis]. Saint Petersburg, TOO TK «Petropolis», 1998, 271 p.
6. Antonov A. I. Sociologiya sem`i [Sociology of the Family]. Moscow, MSU Publ: publishing house of International university of business and management «Brat`ya Karich», 1996, 304 p.
7. Levina N. B. Povsednevnyaya zhizn` sovetskogo goroda: Normy` i anomalii. 1920-1930 gody` [Everyday Life of the Soviet City: Norms and Anomalies. 1920-1930]. Saint Petersburg, Letnij sad, 1999, 320 p.
8. Afanas`eva I. V. Brak i sem`ya [Marriage and Family] URL: <http://www.to-1.ru/ar-ticles/248>. (Accessed: 15 September 2019)
9. Smirnov G. L. Sovetskij chelovek [Soviet Man]. Moscow, Znamya, 1973, 414 p.
10. Xarchev A. G. Sociologiya sem`i: problemy` stanovleniya nauki [Sociology of the Family: Problems of the Formation of Science]. Moscow, CzSP, 2003, 342 p.
11. Xly`shheva E. V. Dinamika identichnostej v kul`turnom landshafte astraxanskogo regiona: ot e`tnokonfessional`noj formy` k transkul`turnoj [Dynamics of Identities in the Cultural Landscape of the Astrakhan Region: from Ethno-confessional form to Transcultural]. Yuzhno-rossijskij zhurnal social`ny`x nauk [South Russian Journal of Social Sciences], 2019, Vol. 20, №1, p. 105-122

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Гросфельд Е.В., Ходосов Т.Н.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская
Федерация*

E-mail: alegros@mail.ru

Статья посвящена исследованию форм реализации и перспектив развития внешних связей Республики Крым в современных условиях. Дается оценка экономических эффектов политических шагов российского правительства по продвижению Крыма в экономическое и правовое пространство Российской Федерации. С точки зрения авторов, данная интеграция стала важным событием в мировой политике, существенно изменившим поле международных отношений и «правила игры». Показано, как крымские события изменили вектор развития российской политики в контексте внутригосударственной жизни и в рамках международного сообщества. Показано что интеграция Крыма становится важной фигурой в российском политическом дискурсе, связывая между собой внешнюю и внутреннюю политику современной России. В результате регулярных мониторингов обнаружены определенные проблемы и противоречия. В частности, одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на внутрорегиональную ситуацию, являются внешние условия. Внешнеполитические игроки из стран т.н. «большой семерки» пытаются сохранить в мировой повестке дня определение Крыма как объекта «территориального спора», что сопровождается жестким санкционным режимом. Вместе с тем крымское региональное сообщество испытывает определенные трудности из-за действий, предпринимаемых высшим политическим руководством Украины в целях блокады Крыма.

Ключевые слова: формы реализации, внешние связи, Республика Крым.

Актуальность указанной проблематики очевидна, поскольку политическим руководством Украины и лидерами разного рода экстремистских организаций на протяжении последних пяти лет в отношении Крыма предпринимается политика целенаправленного дезинформационного воздействия, а также попытки разведывательной и диверсионной деятельности с целью «раскачки» и провоцирования конфликтов в регионе. Это, в свою очередь, стимулирует поддержание режима повышенной готовности правоохранительных органов и специальных служб РФ для предотвращения шпионажа, деятельности диверсионных групп и негативного внешнего воздействия на ситуацию в регионе.

Указанные сложности и блокада полуострова со стороны Украины создают трудности для ведения внешней экономической деятельности и привлечения туристических потоков, что, в свою очередь, предопределяет дотационный характер отношений Республики Крым с федеральным центром. Поступления из федерального бюджета дотаций, субсидий, субвенций и иных межбюджетных

трансфертов в значительной части идут на реализацию федеральной целевой программы (ФЦП) «Социально-экономическое развитие Крыма и Севастополя до 2020 года». Так, в первой половине 2018 г. благодаря реализации ФЦП были введены в эксплуатацию новый международный терминал аэропорта в Симферополе и мост через Керченский пролив[1, С. 5].

Целью данной статьи является исследование форм реализации и перспектив развития внешних связей Республики Крым в современных условиях.

Учитывая политические и экономические ограничения со стороны иностранных государств в настоящее время органы государственной власти Республики Крым, согласно законодательству Российской Федерации и законодательству Республики Крым, осуществляют международные и внешнеэкономические связи через следующие формы их реализации:

1. Государственная власть Республики Крым взаимодействует с Правительством Российской Федерации и иными профильными федеральными государственными органами исполнительной власти (МИД России, Министерство экономического развития Российской Федерации и др.) по вопросам учета интересов Республики Крым во внешней политике Российской Федерации и получения государственной поддержки на международной арене при строгом соблюдении суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации.

2. Активная международная политическая деятельность Республики Крым в качестве формы реализации внешних связей представлена слабо по причине политических ограничений, в то время как внешнеэкономическая деятельность Республики Крым, несмотря на введенные экономические ограничения, является одной из самых эффективных форм реализации внешних связей. Этому способствует создание свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя.

3. Подписание и имплементация международных соглашений, как одна из форм реализации внешних связей Республики Крым, представлены пока еще слабо по причине политических ограничений. Однако, данная форма реализации внешних связей используется государственными органами власти Республики Крым с согласия Правительства Российской Федерации (например, Соглашение между Республикой Крым и Республикой Абхазия о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве).

4. Участие в деятельности международных объединений как форма реализации внешних связей Республики Крым представлено достаточно слабо по причине политических ограничений, однако, представители государственной власти Республики Крым при поддержке федеральных властей Российской

Федерации предпринимают попытки участия в деятельности международных объединений.

5. Представители государственной власти Республики Крым принимают участие в международных мероприятиях (в том числе выставочных) и, в рамках этих мероприятий, активно осуществляют презентационную деятельность с целью формирования имиджа Республики Крым в глазах мировой общественности и признание её статуса как участника международного сообщества.

6. Государственные органы исполнительной власти Республики Крым подписывают Соглашения с соответствующими государственными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (например Совет министров Республики Крым подписал Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве с главными государственными органами исполнительной власти 54 субъектов Российской Федерации).

7. Партнёрство городов как одна из форм реализации внешних связей, активно поддерживается государственной властью Республики Крым (например, Меморандум о сотрудничестве между Керченским городским советом Республики Крым (Российская Федерация) и Муниципалитетом провинции Реджо-Калабрия (Итальянская Республика) от 28 ноября 2014 года, Соглашение о сотрудничестве между муниципальным образованием городской округ Симферополь (Российская Федерация) и мэрией города Александруполис (Греческая Республика) от 19 февраля 2016 года, Меморандум о сотрудничестве между муниципальным образованием городской округ Симферополь (Российская Федерация) и муниципалитетом города Падуя (область Венето, Итальянская Республика) от 14 октября 2016 года, Меморандум о дружбе и сотрудничестве между муниципальным образованием городской округ Феодосия Республики Крым (Российская Федерация) и муниципалитетом города Аспропиргос (Греческая Республика). В настоящее время у Симферополя 9 иностранных городов-побратимов: итальянский город Падуя, американский Сейлем, венгерский Кечкемет, немецкий Хайдельберг, турецкие Бурса и Эскишехир, болгарский Русе, израильский Ашкелон, а также Донецк).

8. Иные формы реализации внешних связей Республики Крым (межпарламентское сотрудничество, сотрудничество в области образования и подготовки кадров, науки, культуры, охраны окружающей среды) в настоящий момент представлены недостаточно также по причине политических и экономических ограничений.

9. Развитие форм международного взаимодействия регионов, в том числе трансграничное сотрудничество в настоящее время для Республики Крым затруднено в результате направленной

против России санкционной политики стран Запада, включая Евросоюз. Это привело к формированию сложной ситуации в части развития финансовой деятельности, информационных и транспортных коммуникаций, наблюдается ряд сложностей в развитии международных связей. Однако, несмотря на давление извне, Республика Крым при активном содействии федеральных органов власти, успешно осуществляет интеграцию в правовое и экономическое поле России и активно развивает международные связи.

Несмотря на жесткий санкционный режим, установленный в отношении Крыма, предпринимаются успешные инициативы установления прочных внешних связей и сотрудничества, о чем свидетельствуют многочисленные факты международных мероприятий, проведенных в Крыму, а также количественные показатели иностранных участников и заключенных договоров. Ведется неустанная работа для преодоления блокады Крыма в информационном, экономическом и правовом направлениях. Происходит активный поиск форм международного сотрудничества, позволяющих преодолеть санкции.

Одной из крупнейших коммуникационных площадок является Ялтинский международный экономический форум, который с каждым годом становится все более представительным по составу участников. В 2019 году участие в форуме приняли 4564 человек – в полтора раза больше, чем в 2018 году. ЯМЭФ посетили 807 иностранных делегатов из 89 стран мира, в том числе из Италии, Франции, Великобритании, Бельгии, Швеции, Польши, Чехии, Латвии, США, Турции, Ирака, Ирана, Китая, Индии, Никарагуа, Украины и других. В 2019 году в Форуме участвовали делегации Республики Абхазия и Республики Южная Осетия во главе с президентом Анатолием Бибиловым. Также на площадках Форума работала многочисленная делегация Донецкой народной республики во главе с Денисом Пушилиным. Впервые форум посетили гости из Хорватии, Люксембурга, Австралии, Аргентины, Гватемалы, Судана, Сьерра-Леоне, Габона, а также непризнанного Сомалиленда. Самыми многочисленными оказались делегации из Германии, Италии, Сирии, Франции, Бельгии и Никарагуа. Почетными гостями V Ялтинского международного экономического форума стали делегации Сирийской Арабской Республики и Франции – от каждой из стран прибыли более 50 политиков и представителей бизнеса. Почетными гостями форума были объявлены и две региональные делегации: из Санкт-Петербурга и Республики Башкортостан, делегацию которой возглавил руководитель региона Радий Хабиров.

Африканский континент на форуме представляли 72 делегата, в числе которых 36 парламентариев, лидеров политических партий, высокопоставленных чиновников и предпринимателей из 31 страны: Сьерра-Леоне, Бенина, Бурунди, Демократической Республики Конго, Египта, Зимбабве, Мали, Нигера, Республики Кабо-Верде, Сенегала, Судана, Туниса, Чада, ЮАР и других стран. Латинская Америка направила более 30 высокопоставленных политиков, включая действующих депутатов, министров, а также лидеров общественного мнения из

Мексика, Венесуэлы, Уругвая, Никарагуа, Кубы, Чили, Бразилии, Аргентины, Колумбии, Перу и других стран.

По итогам V Ялтинского международного экономического форума было подписано 102 документа на общую сумму 215 млрд рублей. Таким образом, форум превзошел результаты работы в 2018 году. Совет Министров Крыма утвердил 10 меморандумов о намерениях на общую сумму 44 млрд рублей. С правительством Республики Крым и Корпорацией развития Республики Крым было заключено 8 соглашений о взаимодействии по реализации инвестиционных проектов, в рамках которых планируется привлечь инвестиции в размере около 8 млрд рублей. Реализация соглашений позволит создать 1730 рабочих мест. Самые крупные инвестиционные проекты планируются реализовать в сельском хозяйстве, туризме и IT-сфере. Четыре соглашения были заключены в сфере переработки пищевой промышленности. В частности, запланирована реализация следующих инвестиционных проектов: создание агропромышленного комбината по переработке плодоовощной продукции и производству консервов, создание пяти заводов по производству кваса, комплекса по лиофилизации продукции на территории пищевого промышленного парка «Крымское золото», строительство завода по выпуску кофе, цикория и какао. Общая сумма инвестиций по проектам достигает 3,25 млрд рублей. Заключены соглашения о строительстве жилого комплекса в городе Ялта и водноспортивного оздоровительного комплекса «Золотой пляж». В ходе Форума был заключен меморандум о взаимопонимании с компанией BCGCM Bahrain Advisory (Королевство Бахрейн), согласно которому стороны будут способствовать расширению деловых контактов между предприятиями, организациями, фирмами и предпринимателями России и Королевства Бахрейн.

Были подписаны соглашения о побратимстве городов Цхинвал (Республика Южная Осетия) и Керчь, межправительственные соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между Республикой Крым и Республикой Южная Осетия, а также ряд других соглашений [2].

Особое внимание на форуме уделялось проблеме санкций, в том числе и проблемам практического, финансового свойства, которые возникают по причине ограничений, накладываемых на Крым и Россию, в том числе такие проблемы возникают и у европейских предпринимателей. Так, норвежский бизнесмен Хендрик Вебер обозначил проблему невозможности доставить европейских туристов на полуостров: «Турфирму я открыл. Мы уже некоторых туристов привозили в Санкт-Петербург, Москву, но в Крым пока еще никто не ездил, потому что мы столкнулись с проблемами. Из-за санкций есть большие проблемы. Не разрешено приезжать в Крым пока что». По словам коммерсанта, проблемы постепенно решаются, но острых и проблемных вопросов «пока много». Кстати, это одно из многих подобных высказываний. Суть же их сводится к тому, что санкции европейских стран мешают европейскому же бизнесу [3].

С другой стороны, намечаются более тесные экономические связи между Сирией и Донецкой Народной Республикой. Так, глава ДНР Денис Пушилин

сделал заявление о том, что из ДНР готовы начать поставки в Сирию ряда необходимых для восстановления страны товаров. По словам Пушилина, «уголь, металлоконструкции. Это то, что обсуждалось. Здесь больше пока контактов на уровне бизнеса». Следует отметить, что в качестве транзитной территории для этих поставок рассматривается именно Крым.

О Крыме и о жизни на полуострове говорил и французский политик, член партии «Национальное освобождение» Жульен Рошеди. По его словам, «западная пропаганда, в частности американская, показывает Россию как врага... Россия считает, что она отправляет миру послание, но на самом деле это послание не доходит до европейской общественности. Например, во Франции считают, что в Крыму на самом деле война, что тут ужасная ситуация, что люди убивают друг друга на улицах. Они совсем не знают, что такое Крым и что тут происходит. Россия должна больше рассказывать о том, что здесь происходит, потому что мы не получаем реальной информации». Кстати, по словам Ж. Рошеди, отношение к России в массовом сознании французской молодежи также постепенно улучшается. И Россия очень многими воспринимается как союзник: «Французская молодежь не понимает, каким может быть врагом Россия, потому что они считают, что больший враг — это терроризм. Для Европы Россия кажется союзником, даже другом. Что позволило изменить отношение к России в умах французской молодежи? А врагом стал, как ни парадоксально, Дональд Трамп. Во Франции и Западной Европе очень любили Барака Обаму и Америку в целом, а Дональд Трамп создал себе очень неприятный имидж во французских СМИ. Поэтому французы сейчас не очень хорошо воспринимают политику Трампа в отношении России». При этом французский политик, говоря об экономических отношениях двух стран в свете санкций, отметил, что «мы всегда находим способы обходить санкции. Эти способы находят как российские, так и французские компании. Французские компании опять приходят в Крым, и французские власти знают об этом, но закрывают на это глаза. Ситуация смешная, очень много лицемерия вокруг этих санкций. Все понимают, что Крым — российский и компании должны продолжать работу, поэтому все находят лазейки» [3].

В свою очередь, делегат из США, юрист Джулиан Лоуэнфельд также коснулся темы «информационной изоляции Крыма» в американских СМИ. По его мнению, властям Крыма нужно активнее демонстрировать всему миру реальную жизнь на полуострове: «Неявка в суд влечет за собой поражение. Есть суд общественного мнения в моей стране, на Западе. Вас там нет. Кроме как военная оккупация Крыма, кроме этого, не говорят ничего (на Западе. - Ред.), потому что вы не показываете этого. Нужно приглашать людей сюда» [3].

По мнению ряда экспертов, начиная с 2014 года республика показывает рост — сначала осторожный, а в прошлом году — очень оптимистичный, на уровне 10%. Это говорит не только о потенциале Крыма, но и об эффективности предпринятых правительством мер. Введение антироссийских санкций подтолкнуло правительство РФ к давно ожидаемому шагу — курсу на импортозамещение. Среди других регионов именно для Крыма подход оказался самым приемлемым — и тоже в силу вынужденных причин: для представителей подавляющего большинства

иностранных государств полуостров стал запретной территорией, а ведение бизнеса – незаконным. Правда, пока иностранный бизнес подсчитывает убытки от антироссийских мер, иностранцы осваивают нашу *terraincognita* самостоятельно. «Крым становится популярнее за пределами России. Конечно, это в первую очередь страны бывшего союза, но не так давно к нам в санаторий «Дюльбер» приезжали «народные дипломаты» из США, Великобритании, Швеции, а санаторий «Ай-Петри» можно по праву назвать международным: уже в этом году его посетили граждане Азербайджана, Казахстана, Китая, Беларуси, Таджикистана, Туркменистана, Украины и Эстонии», – говорит представителя сети «Курорты Крыма» Антон Вертунцов. Представитель сети признается: «Санкции скорее сыграли нам на руку». И с ним согласны те, кто пришел работать в Крым на свободные ниши либо сохранился в единственном экземпляре. В 2014-м казалось, что вслед за отказом гигантов IT-индустрии работать с крымскими пользователями, последуют и вполне материальные ограничения – по электронике, автомобилям и т.д. Но все опасения локализовались в отдельные примеры. Ни один высокотехнологичный бренд, включая Apple и Samsung, не говоря уже о китайских «монстрах», не блокировал работу своей техники в Крыму. На авторынке ситуация не столь однозначна, но примеры категоричного ухода – на перечет. Из очевидных – пропал автосалон RangeRover: компания LandRover попросту отключила крымчан от своего программного обеспечения [4].

По словам вице-премьера – министра финансов Крыма Ирины Кивико, санкции действительно оказали стимулирующее влияние на экономику республики, что подтверждается цифрами. «Можно без преувеличения сказать, что за пять лет Крым сделал значительные успехи в экономическом развитии. Объем валового регионального продукта (ВРП) вырос в 1,3 раза в сопоставимых ценах, причем лучшие показатели мы фиксировали в прошлом году – прирост более, чем на 10%. Это даёт нам основание ожидать в перспективе экономический рост на уровне не менее 4-5% ежегодно, – рассказала Кивико. – У республики сейчас есть для этого все предпосылки, я имею в виду обеспечение транспортной доступности региона с вводом в эксплуатацию нового аэропорта и моста через Керченский пролив. решение проблем энергодефицита благодаря строительству энергомоста и новых генерирующих ТЭС в Симферополе и Севастополе. Кроме того, крымские производители адаптировались к новым условиям, наладили деловые контакты, нашли перспективные направления для развития. Промышленные предприятия смогли заняться модернизацией и техническим перевооружением. Это позволило обновить материальную базу и существенно улучшить конкурентные позиции крымских товаропроизводителей. В результате за пять лет объём промышленного производства вырос в 1,9 раза». «Привлечению инвесторов в Крым способствует свободная экономическая зона, дающая преференции ведения бизнеса, в частности – применение пониженных тарифов страховых взносов, налоговые льготы, беспошлинный ввоз импортного оборудования для реализации инвестпроектов. На сегодня в СЭЗ зарегистрировано 1 286 участников, планирующих вложить в экономику Крыма более 126,9 млрд рублей инвестиций и создать около 37,5 тысяч новых рабочих мест. В их числе есть и с иностранным капиталом. Мы сознательно

не озвучиваем все их, чтобы не помешать реализации проектов», – говорит Ирина Кивико. Бизнес ищет и находит пути выхода из сложных условий, несмотря на санкции. «Это подтверждается увеличением количества стран, с которыми у республики налажены деловые отношения. Крымские субъекты проводят внешнеэкономические операции с партнерами из 60 стран мира. Причем по мере снижения активности в торговле с ЕС, она выросла со странами ЕАЭС. Крымские товары поставляются в 26 государств, в том числе на Украину, в Индию, Китай, Египет, Белоруссию. Импортные товары в Крым ввозят из 52 стран, среди которых лидируют Белоруссия, Китай, Италия, Украина и Испания», – перечисляет вице-премьер [4].

Среди экономических организаций Республики Крым, деятельность которых направлена на развитие международных связей, прежде всего стоит выделить Торгово-промышленную палату Крыма (далее – ТПП Крыма), которая объединяет юридические лица, физические лица-предпринимателей, а также их объединения, которые осуществляют предпринимательскую деятельность на территории Республики Крым. Основной функцией Торгово-промышленной палаты Крыма является защита прав предпринимателей в том числе и за рубежом. Одной из основных задач ТПП Крыма заявлено содействие развитию внешнеэкономических связей, экспорта российских товаров и услуг, предоставление практической помощи крымским предпринимателям в проведении торгово-экономических операций на внешних рынках, освоении новых форм сотрудничества. Исходя из функций и задач, ТПП Крыма активно содействует развитию внешнеэкономических связей путём организации деловых встреч, конференций и переговоров, проведения экспертизы внешнеторговых контрактов, предоставления услуг таможенного брокера, определения кода по российскому классификатору внешнеэкономической деятельности, а также путём организации и проведения выставок, ярмарок в Крыму, на территории Российской Федерации и за рубежом. Прилагаются целенаправленные усилия по недопущению международной изоляции Крыма. На полуостров активно приезжают делегации политиков, научных и религиозных деятелей из Франции, Германии, Сербии, Турции, Китая, Индии и ряда других государств.

Деятельность политических организаций (политических партий, объединений и профсоюзов) действующих на территории Республики Крым на современном этапе слабо направлена на развитие международных связей. Основной причиной данного факта служат политические ограничения, а именно – непризнание легитимности выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, в Государственный Совет Республики Крым, а также непризнание полномочий членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, назначенных от Республики Крым.

Общественные организации Республики Крым проводят более активную деятельность, направленную на развитие международных связей. Учитывая все сложности положения Республики Крым предпринимаются активные шаги по доведении до международной общественности информации о реальном положении дел путем культурного взаимодействия используя механизмы народной

(общественной) дипломатии. В настоящее время, народная дипломатия является, по сути, единственным резервом для преодоления информационной блокады. Со стороны правительства предпринимаются целенаправленные шаги для выработки на республиканском уровне единой стратегии с использованием механизмов народной (общественной) дипломатии. К данному процессу активно привлекаются общественные организации, такие как «Региональная немецкая национально-культурная автономия РК», которые уже имеют опыт в реализации названных механизмов. Территорию Республики Крым при участии НКА посетили делегации из Германии и Австрии. Кроме того, немецким обществом реализуются проекты «Народная дипломатия «Взаимопонимание между народами. Укрепление образа Крыма как территории мира и согласия», а также проект «Народная дипломатия «Гражданам Европы – истина о Крыме. Реальность против мифов», которые реализовываются при государственной поддержке. Межрегиональная общественная организация «Всекрымский еврейский конгресс» (ВЕК) принимала участие в презентации инвестиционного культурного и туристического потенциала РК в Тель-Авиве. ВЕК при участии армянских и греческих НКА проводили встречу с сербской делегацией, в лице Демократической партии Сербии, в рамках подготовки к Международной конференции «Многонациональный Крым в современном международном контексте». Все это лишь малая часть примеров активного развития и установления международных культурных связей, описательная часть которых не входит в цель данного исследования, однако, наглядно демонстрирует интенсивность развития данного направления.

В Республике Крым функционирует Крымское республиканское учреждение «Дом дружбы», в котором функционирует несколько НКА. НКА принимают активное участие в ежегодных общероссийских, всекрымских мероприятиях.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно отметить, что в условиях политических и экономических ограничений, а также непризнания Республики Крым в качестве субъекта Российской Федерации со стороны большинства стран-членов ООН, представляются перспективными внешние связи Республики Крым, направленные в первую очередь на признание факта воссоединения Крыма с Россией, которое произошло демократичным путём в полном соответствии с международным законодательством. А именно:

1. Использование потенциала свободной экономической зоны, созданной на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь, для привлечения прямых иностранных инвестиций в обход экономических ограничений, а также для привлечения иностранных компаний для реализации проектов на территории Республики Крым.

2. Восстановление партнёрских отношений (заключённых до марта 2014 года) муниципальных образований Республики Крым с муниципальными образованиями иностранных государств. А также содействие дальнейшему развитию партнёрства городов Республики Крым с городами иностранных государств.

3. Презентация экономического, инвестиционного и туристического потенциалов Республики Крым на международных выставках как части экспозиции Российской Федерации.

4. Установление партнёрских отношений научных, образовательных и культурных учреждений Республики Крым с соответствующими учреждениями и/или организациями иностранных государств. Содействие со стороны федеральных органов государственной исполнительной власти Российской Федерации признанию дипломов высших учебных заведений, расположенных на территории Республики Крым, в государствах, граждане которых обучаются на территории Республики Крым.

5. Распространение в иностранных СМИ информации о реальном положении дел в Республике Крым как части Российской Федерации.

6. Работа с соотечественниками, проживающими за рубежом.

7. Содействие деятельности национально-культурных автономий народов Крыма, подвергающихся дискриминации по причине нелегитимной политики санкций со стороны стран ЕС, в части установления ими тесных культурных связей со странами их исторического происхождения в рамках народной дипломатии.

Список литературы:

1. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Ред. Сеньюшкина Т. А., Степанов В. В., Старченко Р.А. – Москва-Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 63 с.
2. Итоги V Ялтинского международного экономического форума. URL: <http://forumyalta.com/news/261/> (Дата обращения: 18.11.2019).
3. Итоги ЯМЭФ-2019: основные решения и главные заявления. URL: <https://www.pravda.ru/economics/1413747jalta/https://www.pravda.ru/economics/1413747-jalta/> (Дата обращения: 20.11.2019).
4. Антироссийские санкции и Крым: кто кого? URL: <http://www.c-inform.info/comments/id/414>. (Дата обращения: 20.11.2019).

Grosfeld E.V., Khodosov T.N. Forms of Realization and Prospects of Development of External Relations of the Republic of Crimea in Modern Conditions // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 104–114.

The article is devoted to the study of forms of realization and prospects of development of external relations of the Republic of Crimea in modern conditions. The article assesses the economic effects of the Russian government's political steps to promote Crimea into the economic and legal space of the Russian Federation. From the authors' point of view, this integration has become an important event in world politics, significantly changing the field of international relations and the "rules of the game". It is shown how the Crimean events changed the vector of development of Russian policy in the context of domestic life and within the international community. It is shown that the integration of Crimea becomes an important figure in the Russian political discourse, linking the foreign and domestic policy of modern Russia. As a result of regular monitoring, certain problems and contradictions were found. In particular, one of the most important factors

influencing the intraregional situation is the external environment. Foreign policy players from the so-called "big seven" countries are trying to keep the definition of Crimea as an object of "territorial dispute" on the world agenda, which is accompanied by a tough sanctions regime. At the same time, the Crimean regional community is experiencing some difficulties due to the actions taken by the highest political leadership of Ukraine in order to blockade Crimea.

Keywords: forms of implementation, external relations, Republic of Crimea.

References

1. Mezhetnicheskie otnosheniya i religioznaya situatsiya v Krymu. Ekspertnyi doklad za pervoe polugodie 2018 goda [Interethnic Relations and Religious Situation in Crimea. Expert Report for the First Half of 2018] Edited by Senyushkina T. A., Stepanov V. V., Starchenko R.A. Moscow-Simferopol', PH ARIAL, 2018, 63 p.
2. Itogi V Yaltinskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma [Results of the V Yalta International Economic Forum]. URL: <http://forumyalta.com/news/261/> (Accessed: 18.11.2019)
3. Itogi YaMEF-2019: osnovnye resheniya i glavnye zayavleniya [Results of Yalta International Economic Forum: Major Decisions and Major Statements]. URL: <https://www.pravda.ru/economics/1413747jalta/> <https://www.pravda.ru/economics/1413747-jalta/> (Accessed: 20.11.2019)
4. Antirossiiskie sanktsii i Krym: kto kogo? [Anti-russian Sanctions and Crimea: who will win]. URL: <http://www.c-inform.info/comments/id/414>. (Accessed: 20.11.2019)

УДК: 327.8

КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА «ПОЯС И ПУТЬ» И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Динь Ле Хонг Занг

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: qiangdinh@yandex.ru

В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин представил миру инициативу «Пояс и Путь» (далее – ПП), которая объединяет почти 70 стран Запада и Востока, с целью развития инфраструктуры и экономического сотрудничества. Мега-проект ПП – доказательство, что Пекин начинает проводить более активный внешнеполитический курс для реализации, так называемой «китайской мечты». Несмотря на большие возможности, предлагаемые китайской инициативой, часть внешнего мира рассматривает её с определённой долей подозрения. Данная статья посвящена мега-проекту возвышающегося Китая и его влиянию в процессе формирования новой системы международных отношений. Исходя из этого, в статье делается вывод, что китайская инициатива «Пояс и Путь», включая формирование трансконтинентального экономического коридора, сможет привести к изменению настоящего глобального контекста международных отношений. Инициатива – часть большой стратегии КНР в достижении паритета с США, с помощью, которой она может защитить свои национальные интересы и выйти в мировые лидеры.

Ключевые слова: КНР, США, Евразия, великие державы, мировой порядок, система международных отношений, Пояс и Путь, мега-проект.

Введение

«Китай – спящий лев. Пусть он спит, потому что, когда он проснется, он потрясёт мир» – сказал в своё время Наполеон Бонапарт. Столетия спустя, этот «спящий лев», не только просыпается, но и ревет. Сегодня Китай является экономической державой с динамичным ростом валового внутреннего продукта. Повышение роли и влияния КНР в контексте ослабления доминирования западной цивилизации в системе международных отношений вызывает дискуссии, например: собирается ли Китай переформатировать мировой порядок? В современной истории изменение баланса сил дважды толкало человечество к мировым войнам. Что произойдёт, например, если Соединённые Штаты, единственная супердержава в настоящее время, откажутся делить лидерство с Китаем как растущей великой державой?

События последних лет показывают, что конкуренция между США и КНР становится более жестокой во всех областях: от экономики до геополитики, безопасности и технологий. Особенно это заметно, после 2013 г. когда председатель Си Цзиньпин, пытаясь осуществить «китайскую мечту», запустил мега-проект «Один пояс, один путь», который объединяет 70 государств мира, с целью развивать инфраструктуру и транспорт, укреплять экономические и торговые связи между

ними. Выступление Китая с такой инициативой показывает его стремление оказывать большое влияние на нынешнюю мировую систему. ПП сразу стала важной темой в дискуссиях в экспертном сообществе.

Несмотря на то, что китайская инициатива предлагает огромный выбор возможностей для сотрудничества и развития, большая часть мира смотрит на неё со значительным скептицизмом [19]. Международное сообщество, включая как развивающиеся страны, так и устоявшиеся крупные державы, в настоящее время рассматривают ПП через геополитическую призму как игру с «нулевой суммой» [12]. ПП видят как всеобъемлющую стратегию национального развития с большим потенциалом увеличения влияния КНР на сферу глобального развития [13]. Её можно сравнить с планом Маршалла середины XX в., китайская инициатива является угрозой для западной гегемонии в Евразии [1]. Мега-проект «Пояс и Путь» повышает мощь Китая и, таким образом, дает ему возможность конкурировать со стратегией США «поворота в Азию», реализуя намерение стать региональным лидером и установить новый мировой порядок [10]. ПП представляется главным вызовом для Евросоюза, поскольку Пекин угрожает доли рынка Брюсселя [11]. Видя расширение сфер влияния «нелиберального» Китая, США и их партнёры ищут способы конкурировать с китайской инициативой. Это, например, формирование Индо-Тихоокеанского партнёрства, в котором США-Япония-Австралия-Индия выступают как противники КНР [9]. Конфронтация с США приведёт Китай к сближению с Россией, которая тоже имеет сложные отношения с Америкой. Западные СМИ часто изображают картину, в которой «Россия + Китай» на одной стороне, а «США и их союзники» – на другой [5].

В статье предпринимается попытка дать ответ на ряд вопросов. Каким образом Китай как растущая держава действует в современной системе международных отношений, в которой доминирует США? Содержание и место ПП во внешней политике Си Цзиньпина? Видение мировых держав «инициативы Пояс и Путь»: возможность для сотрудничества или угроза их мировому доминированию?

Мы предлагаем следующую гипотезу: ПП – часть большой стратегии КНР, построенной с целью адаптации внешней политики КНР к новым международным условиям. Инициатива поможет Китаю как укрепить свою позицию экономической супердержавы, так и усилить геополитическое влияние в пространстве Евразии. С помощью этого мега-проекта Китай может продвинуть свои интересы в отношениях с другими великими державами.

Подъём Китая в современном мировом порядке

Сегодня мир находится в состоянии перехода от одной системы международных отношений к другой. США пока ещё остаются самым сильным их актором, но американская позиция «мирового лидера» слабеет шаг за шагом и всё больше подвергается оспариванию. Терракты 11 сентября 2001 г. показали, что США, в некоторых местах, весьма уязвимы. Финансово-экономический кризис 2008-2009 гг., начавшийся в Америке, а затем потрясший весь мир, показал, что Вашингтонский консенсус уже не может использоваться в качестве оптимальной модели развития человечества. Попытки США «демократизировать» мир не всегда

дают позитивные результаты, их ошибки в этом процессе часто делают ситуацию межгосударственных отношений более сложной, яркий пример этому – Ближний Восток. Вмешательство Вашингтона в этот регион усилило процессы децентрализации и дезинтеграции государств и потребуется много времени, чтобы снова восстановить баланс сил и безопасность в ближневосточном регионе.

Тем временем, азиатские центры силы, такие как Россия, Китай и Индия увеличивают свою активность на международной арене. Пока никто из них не может претендовать на место супердержавы, но они уже скоро смогут стать полноценными конкурентами в экономической и военной сферах, особенно Китай, которого видят в качестве «самой важной поднимающейся державы в мире» [18]. Эксперты прогнозируют, что, поскольку разрыв в экономиках сокращается, Китай обойдёт США к середине XXI века [16]. Китай тоже является членом клуба ядерных держав, он не только может защитить себя, он в состоянии нанести врагу серьёзный ущерб в случае полномасштабного конфликта. Политика такой мощной силы как Китая станет геополитическим фактором, определяющим структуру мироустройства.

Китай сегодня приобретает статус великой державы, страна вошла в новую эру подъёма национальной силы, уверенности и расширения глобального влияния [17]. Поднебесная может требовать для себя более подходящей позиции на мировой арене. Так Иван Тимофеев, директор Российского совета по международным делам, прогнозирует, что будущее международных отношений будет связано с конкуренцией проектов построения мирового порядка. Пекину придется предложить миру свой проект мироустройства и взять на себя роль лидера [24]. На самом деле Китай со времён Ху Цзиньтао уже предложил свой вариант модели развития человечества под названием «гармоничный мир», который «допускает разнообразие ценностей, культуры, политических и экономических систем, независимости, сосуществования, взаимных выгод и совместного процветания» [22]. Однако Ху Цзиньтао не предложил большой стратегии для реализации своей идеи.

К власти в 2013 г., пришёл председатель Си Цзиньпин. Он начал проводить более активную внешнюю политику с целью реализации «китайской мечты» – исторической миссии национального возрождения. Он, запустив мега-проект «Пояс и Путь», определяет его как ключевой для возрождения нации и стремится к гармоничному миру с помощью построения «сообщества единой судьбы человечества». С мощной совокупной силой, Китай при Си Цзиньпине больше не «держит себя в тени» как во времена Дэн Сяопина, а собирается активно участвовать в формировании международной системы, а не просто реагировать на происходящие в ней процессы. «Возрождая Китай», китайское руководство похоже хочет дать себе и китайскому народу ощущение, что Китай вернётся на своё естественное место в мировом порядке, как «Срединное царство». Китай рассматривает себя не как «возвышающуюся» державу, а как «возвращающуюся» [18], т.е. он стремится восстановить китаецентричную модель международных отношений в регионе.

ПП: Китай действует глобально

ПП – это краеугольный камень внешней политики влиятельного председателя Си Цзиньпина. Утверждение ПП как экономического центра Китая сопровождается планом действий, объявленном в марте 2015 г., который был озаглавлен «Концепция и действия по содействию строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». Согласно плану, инициатива ПП направлена на развитие региональных и трансконтинентальных связей Китая с Евразийским континентом. Она состоит из пяти основных компонентов: координация политики, строительство инфраструктуры, бесперебойная торговля, финансовая интеграция, связь между людьми. ПП включает в себя два проекта: Экономический Пояс Шёлкового Пути (ЭПП) и Морской Шёлковый Путь XXI века (МПП-21) [15].

ЭПП был представлен, во время визита Си Цзиньпина в Казахстан в сентябре 2013 г., цель ЭПП – развивать инфраструктуру, экономические и торговые связи и логистику, связать западную часть КНР с Центральной Азией и Европой. МПП-21 был представлен председателем КНР во время выступления в парламенте Индонезии в конце 2013 г. Цель проекта – совместное развитие портов и логистики, усиление морских связей и взаимодействия между Китаем и странами Юго-Восточной Азии, Индийского океана, Персидского залива и Средиземного моря.

ПП включает в себя рынок размером 4.4 млрд. чел. (60 % населения мира), ВВП – 2,1 трлн. (29% ВВП мира). ПП фокусируется на новые рынки в Азии, Африки, а также увеличивает китайское присутствие в Европе. Чтобы финансировать проекты ПП, китайское правительство открыло Фонд Шёлкового пути, вкладывает миллиардные суммы в новые финансовые институты, такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Новый банк развития БРИКС, Банк развития ШОС. Если сравнить ПП с Планом Маршалла, который США реализовали для восстановления Европы после Второй мировой войны, то масштабы ПП намного больше.

ПП напоминает об историческом «Шёлковом Пути» – главном торговом пути между Китаем и странами Запада с III в. до н. э. по XV в. н. э., когда Китай являлся крупнейшей империей на Дальнем Востоке. Таким образом, Китай намеревается установить новую форму регионального экономического сообщества с «чувством общей судьбы», в котором он играет роль крупнейшего игрока.

ПП – возможность сотрудничества или угроза для мира?

Китайское руководство в документах КПК в марте 2015 г. подтверждает, что мы – лидеры КНР – «стремимся к поиску новых моделей международного сотрудничества и глобального управления и принесём новую мощную энергию в мир и развитие во всём мире» [15]. Пекин ищет более позитивную интернациональную среду для саморазвития и также усиления взаимодействия с другими странами.

ПП – значительный стимул для мировой торговли и обмена. Спустя 5 лет, с того момента, когда инициатива «Пояс и Путь» была впервые выдвинута, Китай на основе равных консультаций подписал 101-но соглашение о сотрудничестве с 86-ю

странами и международными организациями, наладил регулярное сотрудничество в области потенциала с более чем 30-ю странами, построил 75 экономических и торговых зон с 24-мя странами вдоль маршрутов, и вложил 50 млрд. долл. США в вовлечённые страны, создав около 200 тыс. рабочих мест [7]. ПП способствует глобальному развитию и благосостоянию, особенно в сфере улучшения инфраструктуры, транспорта и логистики стран «бедного Юга». С помощью этого развивающиеся страны могут глубоко интегрироваться в мировую экономику.

Китайский проект как грузовой маршрут, соединяющий восточное побережье Китая с Лондоном, сокращает время доставки товаров из Восточной Азии в Европу. Отправка груза из Китая в Центральную Европу занимает в основном 30 дней по морю, однако новый маршрут предлагает сократить время для транспортировки в три раза. Улучшение железнодорожной сети и другой транспортной инфраструктуры приведёт к дальнейшему развитию торговли, инвестиций и экономическому росту всех вовлечённых в проект стран.

Китай встречает много вызовов и угроз в процессе реализации своего мега-проекта. Во-первых, это политические угрозы дестабилизации потенциальных партнёров-стран Центральной Азии и Ближнего Востока. Во-вторых, развивающимся странам вдоль пути свойственна большая нестабильность, из-за неопределённости в их правовых, политических и коммерческих системах. В-третьих, увеличение китайского присутствия в соседних странах вызывает опасения по поводу истинных намерений Китая [6]. За пределами Поднебесной эта инициатива изображается как попытка Пекина создать ловушку для развивающихся стран, чтобы усилить их зависимость от Китая.

Хотя китайские руководители часто повторяют, что ПП – это не геополитический инструмент, но международные наблюдатели это не признают, заявляя, что экономическое сотрудничество может включать в себя и политическое влияние. Цель Китая – усилить своё присутствие и влияние в пространстве Евразии, напоминает теорию Хартленда Маккиндера. Развитие инфраструктуры и системы логистики Евразии будет представлять для Китая прекрасную возможность – могущественная континентальная нация сможет расширить свой политический контроль над евразийской территорией. Известные русские китаеведы С. Лузянин и А. Афонасьева считают, что прокладка транспортных артерий не является главной целью китайских инвестиций. Китай вкладывает основные средства в энергетику, сырьевые отрасли, сферу услуг и т.д., совмещая это с геополитическим расчётом превращения Китая в глобальную державу [23].

Китай постепенно привлекает к себе интерес европейских союзников США, усиливая разногласия между ними. В декабре 2014 г. Китай и страны формата «16+1» договорились совместно построить новый евразийский транспортный коридор (включая новую Белград-Будапештскую железную дорогу и греческий морской порт Пирей). Хотя существует скептицизм по поводу китайского проекта в рамках ПП, большинство стран Центральной и Восточной Европы нуждается в китайских инвестициях, и они поддерживают китайскую позицию в международных и региональных делах [4]. Экономический триумф – важный для Китая инструмент конкуренции с США за влияние в разных регионах.

Несмотря на поворот и противоположную реакцию Соединённых Штатов, все основные страны поддержали и активно участвовали в прокитайски финансовой организации АБИИ, из-за ряда преимуществ, предлагаемых самим Банком. Число членов-учредителей АБИИ составило 57, в том числе такие крупные игроки Европейского континента, как Германия, Франция, Великобритания и Италия. Китай принял конкретные и своевременные меры, чтобы доказать Соединённым Штатам, что у Китая достаточно сил и возможностей для создания нового международного финансового института. Инициатива ПП помогает Китаю не только конкурировать за влияние с США, но и повысить свою активность в формировании новых правил в региональной и глобальной торговле [20].

Китайский руководитель часто подтверждает, что Китай будет идти по пути «мирного развития» и никогда не будет стремиться к гегемонии [14]. В реальности Китай проводит военную модернизацию, следует более «агрессивной» внешней политике, чтобы защищать свои национальные интересы в Тайваньской проблеме, территориальных спорах в Южно-Китайском море со странами АСЕАН и Восточно-Китайском море с Японией. Согласно Стратегии национальной безопасности США в 2018 г., Китай хочет сформировать мир в соответствии со своей авторитарной моделью, использует военную модернизацию и «хищническую» экономику для оказания давления на соседние страны, чтобы изменить порядок в Индо-Тихоокеанском регионе в своих интересах [2].

Таким образом, Вашингтон сейчас рассматривает Пекин как самую большую угрозу для своего глобального доминирования. Администрация Белого Дома не только критикует китайский мега-проект, но и стремится найти способ сопротивляться ему. В прошлом году Соединенные Штаты запускали инфраструктурный проект с общей суммой 60 млрд. долл. США в рамках закона об «Улучшении использования инвестиций в развитии», цель которого – стимулировать развивающиеся страны Азии и Африки к сотрудничеству с ними вместо КНР [8]. Они подписали соглашение о создании зоны свободной торговли с Южной Кореей, а с Индией и Японией ведутся переговоры о совместном проекте развития Индийского океана, т.е. Вашингтон стремится углубить стратегические отношения с региональными державами и изолировать Пекин.

Ситуация между США и КНР напоминает нам о так называемой «ловушке Фукидида». Важно отметить, что хотя двусторонние связи потеряли глубокое стратегическое доверие, но уровень взаимозависимости между этими странами очень высокий, гораздо больше уровня, чем между США и СССР во время Холодной войны. Это беспрецедентный феномен в истории международных отношений. Пекин и Вашингтон являются крупнейшими торговыми партнерами друг друга, внесли значительный вклад в развитие каждого государства, очевидно они не могут полностью прекратить связи друг с другом. Кроме того, Китай пока всё ещё далек от равновесия сил с США, поэтому он не собирается вступать в открытую конкуренцию с ними за мировое лидерство [3]. Поскольку прямое столкновение – безумно дорогая цена для мира, военный конфликт должен быть предотвращён любой ценой. Китай предложил построить «новый тип отношений великих держав» с США, который подразумевает не конфронтацию, а

конкуренцию. Как оценивает известный китайский международник Янь Сюэту, это тип отношений даже ниже, чем обычные отношения с точки зрения степени дружбы. Он только немного лучше, чем отношения соперничества. Такой тип отношений основан на осуществлении контроля во избежание военного конфликта, хотя не будет никакого контроля над экономическим, культурным и идеологическим конфликтом [21]. Китайское руководство тогда следует урокам Сунь Цзы: «победа без боя является оптимальной стратегией».

Заключение

Благодаря экономической мощи Китай сегодня более активно участвует в процессах международных отношений. ПП – часть большой стратегии Китая для реализации проекта возвращения национального величия китайского народа, стремления китайского руководства предложить народам мира построение «сообщества единой судьбы человечества» в «гармоничном мире».

С мега-проектом «Пояс и Путь» Китай может увеличить своё присутствие на трёх континентах планеты – Азии, Европы и Африки, т.е. он может выйти в мировые лидеры. Китайская инициатива предлагает значительные возможности для совместного строительства и развития инфраструктуры и транспортной системы, стимулирует экономические и торговые связи между странами вдоль нового Шёлкового пути. Однако, развивающимся государствам нужно быть осторожным в сотрудничестве с КНР, чтобы избежать «ловушки долгов» и снижения своего суверенитета.

В последние годы, мы видим попытки Китая интернационализировать свои стандарты и ценности. Поведение возвышающегося Китая сильно влияет на глобальный контекст, что вызывает беспокойство США и их союзников. Конкуренция между Пекином и Вашингтоном – самый важный геополитический фактор, он определяет процесс формирования новой структуры международных отношений в будущем.

После украинских событий 2014 г., китайское направление стало приоритетным направлением внешней политики Российской Федерации под названием «поворот на Восток». Для России важно разработать политику сопряжения своих проектов с китайскими, снизить возможные угрозы и использовать большие возможности, предлагаемые инициативой для реализации интересов собственного развития.

Список литературы

1. Curran E. China's Marshall Plan. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-08-07/china-s-marshall-plan> (Дата обращения: 21.01.2019)
2. Department of Defense of the United States Summary of the 2018 National Defense Strategy. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2018/01/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (Дата обращения: 18.02.2019)
3. European Council on Foreign Relations. Explaining China's foreign policy reset // China analysis (special issue). April 2015. URL: [http://www.ecfr.eu/page/-/ChinaAnalysisEng_Special_issue_1503_Final_v3_\(2\).pdf](http://www.ecfr.eu/page/-/ChinaAnalysisEng_Special_issue_1503_Final_v3_(2).pdf) (Дата обращения: 20.01.2019)

4. Fallon T. The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia // American Foreign Policy Interests: The Journal of the National Committee on American Foreign Policy. – 2015. – V. 37. – No. 3. – P. 140-147.
5. Feng A. China-Russia Cooperation Presents a Fresh Threat to the United States. New Centre for a American Security. URL: <https://www.cnas.org/publications/commentary/china-russia-cooperation-presents-a-fresh-threat-to-the-united-states> (Дата обращения: 12.02.2019)
6. Ferdinand P. Westward ho – the China dream and 'one belt, one road': Chinese foreign policy under Xi Jinping // International Affairs. – No. 92 (4). – P. 941-957.
7. Five years on, the Belt and Road Initiative's contribution to Asian integration. URL: https://news.cgtn.com/news/356b444d306b7a6333566d54/share_p.html (Дата обращения: 22.02.2019).
8. From growth opportunity to threat: how the world has changed its mind on China's belt and road. URL: <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/hong-kong/article/2176536/growth-opportunity-threat-how-world-has-changed> (Дата обращения: 22.02.2019).
9. Grace A., Hill M. How the US Should Respond to China's Belt and Road. URL: <https://thediplomat.com/2018/12/how-the-us-should-respond-to-chinas-belt-and-road/> (Дата обращения: 15.02.2019).
10. Hoàng H. A. Một vành đai, một con đường - Nấc thang mới trong cạnh tranh chiến lược Trung-Mỹ [Один пояс, один путь - новый этап в стратегической конкуренции между США и КНР]. URL: <http://vnics.org.vn/Default.aspx?ctl=Article&aID=597> (Дата обращения: 12.02.2019).
11. Holslag J. How China's New Silk Road Threatens European Trade // The International Spectator. – 2017. – Vol. 52. – No. 1. – P. 46–60.
12. Liu W. The Belt and Road Initiative: A Bellwether of China's Role in Global Governance. URL: <https://carnegietsinghua.org/2018/09/10/belt-and-road-initiative-bellwether-of-china-s-role-in-global-governance-pub-77204> (Дата обращения: 10.02.2019).
13. Margi P. and others. China's Belt and Road: A Game Changer? URL: https://www.ispionline.it/it/EBook/Rapporto_Cina_2017/China_Belt_Road_Game_Changer.pdf (Дата обращения: 10.02.2019).
14. National Committee on the United States-China Relations. Chinese President Xi Jinping Addresses the American Public. URL: <https://www.ncuscr.org/content/full-text-president-xi-jinpings-speech> (Дата обращения: 19.02.2019).
15. National Development and Reform Commission. Visions and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. URL: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (Дата обращения: 22.02.2019).
16. PwC. The World in 2050: How will the global economic order change? URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-world-in-2050-slide-pack-feb-2017.pdf> (Дата обращения: 20.02.2019).
17. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf (Дата обращения: 21.02.2019).
18. Shambaugh D. China Goes Global: The Partial Power. Oxford University Press. – Oxford. – 2013. – 409 p.
19. Timofeev I., Lissivolik Y., Fillipova L. Russia's Vision of the Belt and Road Initiative: From the Rivalry of the Great Powers to Forging a New Cooperation Model in Eurasia // China & World Economy. – Vol. 25. – No. 5. – P. 62-77.
20. Trần V. T. “Vành đai, con đường”: Hướng tới “Giấc mộng Trung Hoa” [Один пояс, один путь – стремление к «китайской мечте»]. URL: <http://www.tapchicongsan.org.vn/Home/The-gioi-van-de-su-kien/2017/46202/Vanh-dai-con-duong-Huong-toi-Giac-mong-Trung-Hoa.aspx> (Дата обращения: 21.02.2019).
21. Yan X. “Conflict control” is Key to U.S. – China Relations in a Bipolar World. URL: <https://carnegietsinghua.org/2014/05/14/conflict-control-is-key-to-u.s.-china-relations-in-bipolar-world-pub-55600> (Дата обращения: 23.02.2019).
22. Zheng B. China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997-2005. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctt127xn6> (Дата обращения: 01.02.2019)

23. Лузянин С. Г., Афонасьева А. В. Один пояс, один путь – политические и экономические измерения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2017. - № 40. – С. 5-14.
24. Тимофеев И. Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений: рабочая тетрадь №18/2014. – М.: Спец. книга, 2014. – 48 с.

Dinh Le Hong Giang. China's 'Belt and Road' Initiative and its influence on the formation of a new system of international relations // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 115–124

In 2013, the president of the People's Republic of China Xi Jinping presented to the world the Belt and Road Initiative, which brings together almost 70 countries of the West and the East, with the goal of developing infrastructure and economic cooperation. The initiative is proof that Beijing today pursues a more active foreign policy course for realizing the so-called "Chinese dream". Despite the great opportunities offered by the Chinese initiative, part of the world views it with a certain degree of suspicion. This article is devoted to the mega-project of the rising China and its influence on the formation of a new system of international relations. The author concludes that the China's Belt and Road Initiative with the formation of a transcontinental economic corridor can lead to a change in the current global context of international relations. The mega project is part of China's grand strategy in achieving parity with the United States that will help China to protect its national interests and become a world leader.

Key words: China, USA, Eurasia, great powers, world order, system of international relations, Belt and Road Initiative, mega project.

References

1. Curran E. China's Marshall Plan. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-08-07/china-s-marshall-plan> (Accessed: 21 January 2019).
2. Department of Defense of the United States. Summary of the 2018 National Defense Strategy. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2018/01/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (Accessed: 18 February 2019).
3. European Council on Foreign Relations. Explaining China's foreign policy reset. China analysis (special issue). April 2015. URL: [http://www.ecfr.eu/page/-/ChinaAnalysisEng_Special_issue_1503_Final_v3_\(2\).pdf](http://www.ecfr.eu/page/-/ChinaAnalysisEng_Special_issue_1503_Final_v3_(2).pdf) (Accessed: 20 January 2019).
4. Fallon T. The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia. American Foreign Policy Interests: The Journal of the National Committee on American Foreign Policy, 2015, V. 37, No. 3, P. 140-147.
5. Feng A. China-Russia Cooperation Presents a Fresh Threat to the United States. New Centre for an American Security. URL: <https://www.cnas.org/publications/commentary/china-russia-cooperation-presents-a-fresh-threat-to-the-united-states> (Accessed: 12 February 2019).
6. Ferdinand P. Westward ho – the China dream and 'one belt, one road': Chinese foreign policy under Xi Jinping. International Affairs, 2016, V. 92, No. 92 (4), P. 941-957.
7. Five years on, the Belt and Road Initiative's contribution to Asian integration. URL: https://news.cgtn.com/news/356b444d306b7a6333566d54/share_p.html (Accessed: 22 February 2019).
8. From growth opportunity to threat: how the world has changed its mind on China's belt and road. URL: <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/hong-kong/article/2176536/growth-opportunity-threat-how-world-has-changed> (Accessed: 22 February 2019).
9. Grace A., Hill M. How the US Should Respond to China's Belt and Road. URL: <https://thediplomat.com/2018/12/how-the-us-should-respond-to-chinas-belt-and-road/> (Accessed: 15 February 2019).
10. Hoàng H. A. Một vành đai, một con đường - Nấc thang mới trong cạnh tranh chiến lược Trung-Mỹ. URL: <http://vnics.org.vn/Default.aspx?ctl=Article&aID=597> (Accessed: 12 February 2019).
11. Holslag J. How China's New Silk Road Threatens European Trade. The International Spectator, 2017, Vol. 52, No. 1, P. 46–60.

12. Liu W. The Belt and Road Initiative: A Bellwether of China's Role in Global Governance. URL: <https://carnegietsinghua.org/2018/09/10/belt-and-road-initiative-bellwether-of-china-s-role-in-global-governance-pub-77204> (Accessed: 10 February 2019).
13. Margi P. and others. China's Belt and Road: A Game Changer? URL: https://www.ispionline.it/it/EBook/Rapporto_Cina_2017/China_Belt_Road_Game_Changer.pdf (Accessed: 10 February 2019).
14. National Committee on the United States-China Relations. Chinese President Xi Jinping Addresses the American Public. URL: <https://www.ncuscr.org/content/full-text-president-xi-jinpings-speech> (Accessed: 19 February 2019).
15. National Development and Reform Commission. Visions and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. URL: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (Accessed: 22 February 2019).
16. PwC. The World in 2050: How will the global economic order change? URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-world-in-2050-slide-pack-feb-2017.pdf> (Accessed: 20 February 2019).
17. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf (Accessed: 21 February 2019).
18. Shambaugh D. China Goes Global: the Partial Power. Oxford University Press, Oxford, 2013, 409 p.
19. Timofeev I., Lissivolik Y., Fillipova L. Russia's Vision of the Belt and Road Initiative: From the Rivalry of the Great Powers to Forging a New Cooperation Model in Eurasia. China & World Economy, 2017, Vol. 25, No. 5, Pp. 62-77.
20. Trần V. T. “Vành đai, con đường”: Hướng tới “Giấc mộng Trung Hoa”. URL: <http://www.tapchiconsan.org.vn/Home/The-gioi-van-de-su-kien/2017/46202/Vanh-dai-con-duong-Huong-toi-Giac-mong-Trung-Hoa.aspx> (Accessed: 21 February 2019).
21. Yan X. “Conflict control” is Key to U.S. – China Relations in a Bipolar World. URL: <https://carnegietsinghua.org/2014/05/14/conflict-control-is-key-to-u.s.-china-relations-in-bipolar-world-pub-55600> (Accessed: 23 February 2019).
22. Zheng B. China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997-2005. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctt127xn6> (Accessed: 01 February 2019).
23. Luzyanin S. G., Afonas'yeva A. V. Odin poyas, odin put' – politicheskkiye i ekonomicheskkiye izmereniya [One Belt, One Road – the Political and Economic Dimensions]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Economica, 2017, No. 40, Pp. 5-14.
24. Timofeev I. N. Mirovoy poryadok ili morovaya anarkhiya? Vzgl'yad na sovremennuyu sistemu mezhdunarodnykh otnosheniy: rabochaya tetrad №18/2014 [The World Order or World Anarchy? A Look at the Modern System of International Relations: Workbook №18/2014]. Moscow, Spec. Kniga Publ., 2014, 48 p.

УДК 32.019. 5

ОТНОШЕНИЕ КРЫМСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ОСНОВНЫМ ИНСТИТУТАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ УКРАИНЫ (1991–2014гг.)

Хриенко Т.В.

***Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская
Федерация***

E-mail: t.v.khrienko@mail.ru

В статье излагаются результаты изучения государственно-политических приоритетов молодежи Крыма за период с 1991 по 2014 годы. Актуальность работы определяется процессами идентификации крымской молодежи в современных условиях, а также тем, что среди значительной части зарубежной общественности постоянно акцентируется внимание на вопросах якобы «аннексии Крыма» Россией, «нарушении прав человека в Крыму» и т.п. В то же время реальная ситуация, в том числе с политическими приоритетами крымской молодежи, фактически не отражена. Отношение молодежи Крыма к резидентам, парламенту, правительству и вооруженным силам Украины рассматриваются на основе данных, полученных в ходе длительного социологического мониторинга. Доказывается положение, что активное участие крымской молодежи в воссоединении Крыма с Россией явилось не случайностью, а проявлением устойчивых мировоззренческих позиций и соответствующих политических принципов.

Ключевые слова: молодежь, политика, мониторинг, референдум, выборы, политический процесс, регион, мировоззрение.

Среди российских специалистов возрос интерес к проблеме политической ориентации молодежи. Это объясняется, вероятно, тем, что многолетний опыт постсоветского развития способствовал зачастую не решению, а обострению имеющихся юнологических проблем. В связи с этим предпринимаются интенсивные попытки политологов, социологов и представителей других наук более детально изучать такие проблемы [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

Начиная с 1991 года, нами проводился многолетний длительный социологический мониторинг по вопросам экономической, политической и гуманитарной идентификации молодежи Крыма. Ежегодно по репрезентативной выборке опрашивалось не менее 1,5 тысяч респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, проживающих во всех городах и районах региона. Основные результаты исследований опубликованы в 3-х монографиях, в ряде научных статей, в масс-медиа.

В представляемой работе в наиболее общем виде отражено состояние общественного мнения молодежи Крыма по вопросам ее отношения к основным институтам власти Украины. Данные представлены в динамике, что позволяет определить вектор политических приоритетов крымской молодежи за рассматриваемый период.

Приступая к изучению вопросов, связанных с общественно-политической идентификацией молодежи, был выделен ряд критериев, в совокупности определяющих вектор ее политических ориентиров. К ним, прежде всего, отнесены: генезис и уровень проявления интереса к политике, степень активности участия в политических процессах, выборах и референдумах, степень доверия к основным институтам государственной власти. В соответствии с этим осуществлялось определение мировоззренческих ориентиров крымской молодежи в процессах современной социально-политической идентификации.

Прежде всего выявлялась степень проявления интереса молодежи к политике. Установлено, что на протяжении всего исследования молодые крымчане интерес к политике проявляли. Он в наибольшей степени наблюдался в 1991–1993, в 1994–1996 и в 2012–2014 годах. Это обуславливалось, вероятно, интенсивными переменами в жизни общества, проходившими в указанные периоды времени. В другое время определялась тенденция к уменьшению таких показателей.

Повышенный интерес к политике крымская молодежь стала проявлять со второй половины 2013 года, с началом очередного политического кризиса на Украине и попытками его разрешения методами так называемого «майдана». Критическое отношение к такому процессу выражалось в разных формах. Так, агитаторы и активисты из Киева не смогли среди крымского студенчества в 2013 году сформировать группы поддержки «майдана». Наоборот, во всех городах и районах Крыма были созданы крымские организации «антимайдана», где до 80,0% участников составляла именно местная молодежь. Проводимые в то время социологические исследования показывали, что 85,5% молодежи Крыма категорически не поддерживали «евромайданы» в Киеве и других регионах Украины [9, С. 101–103].

Следует специально отметить и то, что подавляющее большинство крымской молодежи в 2004 году не поддержало «оранжевую революцию». Не было поддержки также решениям украинских властей, направленных на принижение роли и значения русского языка и культуры. Пророссийский вектор в общественном сознании молодежи Крыма устойчиво сохранялся на протяжении всего периода, проводимого мониторинга.

Важным показателем уровня политизации крымской молодежи является ее участие в голосованиях на выборах и референдумах. Нами проведен анализ участия молодежи Крыма в 14-ти избирательных кампаниях, проведенных в Крыму в украинский период его современной истории. Во всех избирательных кампаниях принимало участие непосредственно в выборах не менее 50% молодых крымчан. Такой же показатель имел место и при проведении референдумов.

16 марта 2014 года в Крыму состоялся судьбоносный референдум о статусе Автономии и воссоединении с Российской Федерацией. В нем приняло участие по АРК 83,10% избирателей, из числа молодежи до 30 лет – 81,5%. По городу Севастополю приняло участие 89,5% избирателей, из числа молодежи до 30 лет – 90,0% [10].

Для объективного отражения особенностей государственно-политической ориентации молодежи предпринимались попытки проанализировать ее отношение и к наиболее актуальным проблемам общественно-политической жизни.

Известно, что развал Советского Союза в Крыму почти всем населением был воспринят очень болезненно. Это существенным образом отразилось и в общественном сознании молодежи. Когда в анкетах был поставлен вопрос: «Как Вы относитесь к итогам Беловежских соглашений в части ликвидации СССР как субъекта международного права?» (опрос проводился весной 1992 года), то основные результаты распределились следующим образом: 19,0% поддержали соглашение; 51,0% не поддержали; 30,0% затруднились с ответом. Крымская молодежь в большинстве своем стояла на позиции точки зрения, которую спустя двадцать лет отразил первый Президент Украины Л. Кравчук, назвав Беловежские соглашения «государственным переворотом».

В постсоветский период своей истории многонациональный Крым вынужден был развиваться в рамках новой, украинской гражданской идентификации. Юридически здесь особых проблем не существовало. Крымская автономия находилась в правовом поле независимого государства Украины. И, естественно, крымские жители, по крайней мере, большинство из них, вынуждены были быть гражданами этого государства.

Однако процессы украинской гражданской идентификации проходили в Крыму с трудом. По данным Генерального консульства России в Симферополе, в АРК постоянно проживало более 50 тысяч граждан РФ из числа местных жителей (2000–2013 гг.), большинство из которых сознательно отказывались принимать украинское гражданство. Особенностью являлось и то, что тысячи крымских татар в то время также не спешили принимать гражданство Украины, оставаясь гражданами преимущественно Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и других регионов, из которых они переехали в Крым. Многие из местных жителей, получивших украинские паспорта, продолжали считать своей родиной Россию.

Социологические опросы показывали, что практически за все годы независимого развития государства Украина в одном из ее регионов, Крыму, только пятая часть молодых людей, вступавших в самостоятельную жизнь, при возможности выбора хотели бы остаться гражданами своей страны. При этом различий в ответах респондентов украинской, русской и других национальностей фактически не наблюдалось. Фактом являлся и рост миграционных настроений среди крымской молодежи, многие из которой стремились переехать в Россию и другие страны СНГ.

Отражение общественно-политических особенностей мировоззрения крымской молодежи наиболее ярко проявлялось в степени доверия молодых крымчан Президентам Украины, правительству страны, Верховной Раде Украины и вооруженным силам. В течение всего периода нашего исследования специально изучалась динамика доверия крымской молодежи к указанным властным структурам, а также к другим важнейшим институтам государственной власти. Ниже в таблицах 1–4 представлены результаты таких исследований.

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что степень доверия к президентам Украины в целом не являлась высокой и существенно менялась в разные периоды времени.

Таблица 1

Степень доверия президентам Украины (1991–2013гг.)

(Данные приводятся в процентах к общему количеству опрошенных, в среднем, за периоды времени пребывания в должности каждого из президентов)

Степень доверия	Проявление степени доверия, в %			
	1991–1994 (каденция президента Л. Кравчука)	1994–2005 (каденция президента Л. Кучмы)	2005–2010 (каденция президента В. Ющенко)	2010–2013 (первые три года каденции президента В. Януковича)
Полностью доверяли	5,0	7,5	3,5	11,5
В большей степени доверяли, чем не доверяли	7,0	9,5	5,5	19,5
В большей степени не доверяли, чем доверяли	31,0	34,0	28,5	20,0
Совсем не доверяли	30,5	29,0	43,0	26,0
Затруднялись с ответом	26,5	20,0	19,5	23,0
Итого	100	100	100	100

Относительно более высокий уровень доверия, в частности, к президенту Л. Кучме был обусловлен, вероятно, его обещаниями проводить политику, направленную на экономический союз с Россией и предоставить русскому языку статус государственного, а также провести ряд других модернизаций, которые поддерживал молодежный электорат региона. В АРК за Л. Кучму в 1996 году проголосовало больше, чем в десяти западноукраинских областях. В то время он выиграл президентские выборы только в 4-х областях страны – в Донецкой,

Луганской, Черниговской и в Крыму [11, С. 5–7]. И этого было достаточно, чтобы победить по Украине в целом. Снижение полного доверия к Л. Кучме в последующем было обусловлено невыполнением им предвыборных обещаний, а также углублением кризиса во всех сферах жизни страны.

«Антирейтинг» доверия крымской молодежи в изученный период времени принадлежит президенту В.Ющенко: «полностью доверяли» ему только 3,5%, а «в большей степени доверяли, чем не доверяли» – 5,5%. Вероятно, это объясняется тем, что В. Ющенко в наибольшей степени, по сравнению с другими Президентами Украины, пытался проводить политику, основанную на принципах украинского национализма, что в многонациональном Крыму не могло быть поддержано априори.

Лидером «доверия» молодежи Крыма среди Президентов Украины являлся В. Янукович с относительно скромными показателями. Так, «полностью доверяли» ему 11,5%, а «в большей степени доверяли, чем не доверяли» – 19,5%. Общественное мнение молодежи Крыма, очевидно, отразило тот факт, что сам президент и «Партия регионов», которую он возглавлял, значительно «либерализовала» региональную политику, в том числе, в АРК и г. Севастополе.

Отношение молодых крымчан к другим президентам Украины было детерминировано направленностью проведения ими государственной внешней и внутренней политики. При этом российский вектор политики оставался важнейшим критерием оценки деятельности не только президентов, но и фактически всех других институтов власти.

В отношении степени доверия украинскому правительству респонденты проявляли преимущественно устойчивое «полное недоверие» (от 28,5% до 49,5%) и «затруднялись с ответом» (от 21,0% до 28,0%) на протяжении всего периода мониторинга (табл. 2). На отсутствие положительных оценок деятельности правительства, вероятно, повлияли обстоятельства частой смены его руководства. Так, только в период президентства Л. Кучмы сменилось 9 премьер-министров. Некоторые члены Правительства Украины объявлялись подозреваемыми в совершении преступлений, связанных с незаконным присвоением крупных сумм денег и различными коррупционными скандалами.

Таблица 2

Степень доверия Правительству Украины (1991–2013гг.)

(Данные приводятся в процентах к общему количеству опрошенных, в среднем, за указанные периоды времени работы Правительства Украины)

Степень доверия	Проявление степени доверия, в %			
	1991–1994	1994–2005	2005–2010	2010–2013
Полностью доверяли	7,5	9,0	4,0	11,0

В большей степени доверяли, чем не доверяли	10,0	12,5	6,0	14,5
В большей степени не доверяли, чем доверяли	15,0	19,5	19,5	19,0
Совсем не доверяли	41,5	31,0	49,5	28,5
Затруднялись с ответом	26,0	28,0	21,0	27,0
Итого	100	100	100	100

Следует отметить, что законодательная власть на Украине наделена гораздо большими полномочиями, чем в России и других странах СНГ. Она оказывала огромное влияние на процессы, происходящие в государстве. Фактически все приоритетные вопросы внутренней и внешней политики рассматривались и принимались именно Верховной Радой.

В среднем за весь период нашего мониторинга антирекорд по позиции «полного доверия» принадлежал именно Верховной Раде Украины, и составлял в 2006–2007 гг. – 1,5% (табл. 3). В связи с этим обращает на себя внимание и тот факт, что через год после выборов в Верховную Раду Украины, в частности, в 1998 году, только 25,0% студентов Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Крымского аграрного университета и Крымского института бизнеса смогли назвать фамилию депутата, за которого они голосовали на прошедших выборах.

Таблица 3

Степень доверия Верховной Раде Украины (1991–2013гг.)

(Данные приводятся в процентах к общему количеству опрошенных, в среднем за периоды работы ВР Украины, по каждому из семи созывов)

Степень доверия	Проявление степени доверия, в %						
	1990–1994	1994–1998	1998–2002	2002–2006	2006–2007	2007–2012	2012–2013
Полностью доверяли	3,5	5,0	5,5	4,5	1,5	4,5	2,0
В большей степени доверяли, чем не доверяли	5,0	7,5	8,0	6,5	4,0	5,0	3,5

Отношение крымской молодежи к основным институтам государственной власти Украины (1991-2014 гг.)

В большей степени не доверяли, чем доверяли	29,0	30,0	31,5	27,5	25,0	24,5	32,5
Совсем не доверяли	47,5	46,0	45,5	49,0	50,0	49,0	51,0
Затруднялись с ответом	15,0	11,5	9,5	12,5	19,5	17,0	11,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100

Данные о степени доверия к Вооруженным Силам Украины свидетельствуют, что этот институт государственной власти также не являлся для крымской молодежи авторитетным: в 2013 году «полностью доверяли» ему только 4,5% (табл. 4).

Таблица 4

Степень доверия Вооруженным Силам Украины(1991–2013гг.)

(Данные приводятся в процентах к общему количеству опрошенных, в среднем за периоды, указанные в таблице)

Степень доверия	Проявление степени доверия, в %						
	1994– 1996	1997– 1999	2000– 2002	2003– 2005	2006– 2008	2009– 2011	2012– 2013
Полностью доверяли	15,6	8,9	7,5	5,3	5,5	5,0	4,5
В некоторой степени доверяли	16,4	12,6	10,6	6,5	7,0	6,5	5,5
Не очень доверяли	12,4	13,3	11,7	9,5	9,0	8,5	7,5
Совсем не доверяли	18,8	28,7	29,5	34,5	33,5	32,5	37,5
Затруднялись с ответом	36,8	36,5	40,7	44,2	45,0	47,5	45,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100

После развала Советского Союза Украине как независимому государству досталось передовое вооружение, содержать которое в полном объеме она была не в состоянии. Более того, с точки зрения нравственных критериев, создание собственных вооруженных сил со своими стратегическими и тактическими задачами, иногда радикально отличающимися от тех, которые решала армия ранее, привело к потере авторитета воинской службы. Дискомфорт вызывало и то, что в воинских подразделениях, передаваемых в подчинение Украины, необходимо было принимать новую присягу, переходить на службе в соответствии с новыми уставами, использовать новую символику и т.д. В Крыму, где столетиями дислоцировались многие российские или советские военные формирования, включая подразделения Черноморского Флота, ПВО, 32-го армейского корпуса и другие структуры, отношение населения, включая молодежь, к такому процессу было весьма неоднозначным.

В молодежной среде принятие офицерами украинской присяги первоначально в большинстве своем расценивалось как предательство. Соответственно, военнослужащие украинской армии и, прежде всего офицеры, вынуждены были оказаться в таком малоприятном для них нравственном взаимоотношении с обществом. Однако, начиная с 1997 года, данные проблемы постепенно стали уходить на второй план. Но точка зрения о непрестижности службы в Вооруженных Силах Украины усиливалась, что было связано с экономическими факторами и особенностями прохождения воинской службы. В армии реально существовали продовольственные проблемы, контингент военнослужащих формировался из наименее образованной части юношей и преимущественно из сельской местности. Так, по Украине из 50 тысяч призывников осени 1999 года только 2,0% имели высшее образование, 62,0% – среднее, 33,0% – неполное среднее, 3,5% – менее 8 классов[12]. Среди призывников 2001 года в Крыму 5,0% почти не умели ни писать, ни читать.

Все это вместе взятое, а также многие другие факторы, повлияли на то, что Вооруженным Силам Украины полностью доверяли» или «в некоторой степени доверяли» только около пятой часть респондентов. Близки к этим и показатели по Украине в целом. Население Украины «совсем не доверяло» своей армии: в 1994 году – 11,8%; в 1995 – 10,9%; в 1996 – 15,4%; в 1997 – 16,4% [13, С. 70]. В последующем, по нашим наблюдениям, ситуация по данному вопросу в общественном мнении молодых крымчан существенно не менялась.

Таким образом, результаты длительного социологического мониторинга за процессами изменения отношений крымской молодежи к основным институтам государственной власти на Украине дают основания для следующих выводов:

- крымская молодежь традиционно проявляла большой интерес к политике и политикам, что особенно выражалось в активном ее участии в выборах, референдумах, других политических акциях;
- политическая социализация молодежи в регионе осуществлялась в большинстве случаев противоположно тому, что инициировалось правящими элитами Украины и Крыма. На всем протяжении проводимого мониторинга в

процессах политической идентификации молодых крымчан существенно преобладал пророссийский вектор;

– результаты исследований показали низкий уровень доверия крымской молодежи фактически ко всем институтам государственной власти Украины, включая президента, правительство, парламент и вооруженные силы.

Приведенные выше данные исследований позволяют сделать общий вывод, что активное участие крымской молодежи в 2014 году в процессах, направленных на воссоединение Крыма с Россией, явилось не случайностью, а проявлением устойчивых мировоззренческих позиций и соответствующих политических принципов.

Список литературы

1. Викулов А.К. Социально-политические ориентации российской молодежи: особенности формирования и развития в обществе потребления / А.К. Викулов. – М.: Русайнс, 2016. – 124 с.
2. Трофимова И.Н. Политические ориентации современной российской молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / – М.: Новый Хронограф, 2017. – 568 с.
3. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. / И.М. Ильинский. – М.: Голос, 2013. – 584 с.
4. Ильинский И.М. Молодежь как глобальная проблема человечества. Молодежная политика как императив 21 века / И.М. Ильинский. – М.: Голос, 2014. – 168 с.
5. Меркулов П.А. Молодежь как основной ресурс «цветных революций» и борьба за нее // Власть. – 2015. – № 6. – С. 63-66.
6. Торгашев Р.Е. Система органов власти в сфере молодежной политики: зарубежный опыт // Публичное и частное право. – 2015. – № 1. – С. 32-43.
7. Хриенко Т.В. Молодежь о политике и политиках (опыт социологических исследований): монография / Хриенко Т.В. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. – 206 с.
8. Хриенко Т.В. Мировоззренческие ценности молодежи Крыма (1991-2017 гг.): монография / Т.В. Хриенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 356 с.
9. Москва в новейшей истории Крыма (1991-2014). – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – 163 с.
10. Общекрымский референдум 16 марта 2014 года и выборы в Республике Крым 2014-2018 годов. – Симферополь: Центризбирком, 2018. – 326 с.
11. Кудряшов С. Конституционный референдум: єдність чи розкол України? Експертна оцінка / С. Кудряшов. – К.: Фонд «Українська перспектива», 1996. – 10 с.
12. Воинский долг служба государственная. Крымские известия. 1999. 12–13 ноября.
13. Головаха Є.І., Паніна Н.В. Тенденції розвитку українського суспільства (1994-1997). Соціологічні показники (таблиці, ілюстрації, коментар) / Є.І.Головаха, Н.В. Паніна. – К., 1998. – 131 с.

Khrienko T. V. Crimean Youth on the Main Institutions of State Power of Ukraine (1991–2014) // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 125–134.

The article presents some results of the study of state and political priorities of the Crimean youth between 1991 and 2014. The relevance of the work is determined by the processes of the Crimean youth identification in contemporary conditions and by the fact that modern Ukrainian ruling elite and a considerable part of the foreign public constantly focuses their attention on the issues of the alleged "annexation of Crimea" by Russia, "violation of human rights in the Crimea", etc. At the same time, the real situation, including the political priorities of the Crimean youth, is not actually considered.

The work contains the data received in the course of a long-standing sociological monitoring. They allow determining the vector of social and political priorities of Crimean youth over the period of Crimea inclusion in independent Ukraine in fact. Two basic findings are argued. Crimean youth treat the work of the main state bodies of Ukraine, the President, the Government, the Verkhovna Rada, the Army, traditionally in negative way. It was caused by a number of reasons and first of all it is probable by the fact that Ukrainian authorities mainly ignore the interests of Crimean population and youth as well conducting regional policy. Received data also proved the postulate that active participation of Crimean youth in the process of Crimea reunification with Russia is not occasional but the manifestation of stable world outlook positions and respective political principles. The results of the study show that the initiatives directed to reunite with Russia were supported by the Crimean youth everywhere.

Key words: youth, politics, monitoring, referendum, elections, political process, region, worldview.

References

1. Vikulov A.K. Sotsial'no-politicheskie orientatsii rossiiskoi molodezhi: osobennosti formirovaniya i razvitiya v obshchestve potrebleniya [Socio-political Orientations of Russian Youth: Features of Formation and Development in a Consumer Society]. Moscow, Rusains Publ., 2016, 124 p.
2. Trofimova I.N. Politicheskie orientatsii sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Political Orientations of Modern Russian Youth]. Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik: vyp.15 [Reforming Russia: Yearbook: Issue 15]. Moscow, Novyi Khronograf, 2017, 568 p.
3. Il'inskii I.M. Molodezh' i molodezhnaya politika. Filosofiya. Istoriya. Teoriya [Youth and Youth Policy. Philosophy. History. Theory]. Moscow, Golos, 2013, 584 p.
4. Il'inskii I.M. Molodezh' kak global'naya problema chelovechestva. Molodezhnaya politika kak imperativ 21 veka [Youth as a Global Problem of Mankind. Youth Policy as an Imperative of the 21st Century]. Moscow, Golos, 2014, 168 p.
5. Merkulov P.A. Molodezh' kak osnovnoi resurs «tsvetnykh revolyutsii» i bor'ba za nee [Youth as the Main Resource of “Colour Revolutions” and the Struggle for It]. Vlast' [Power]. 2015, № 6, pp. 63-66.
6. Torgashev R.E. Sistema organov vlasti v sfere molodezhnoi politiki: zarubezhnyi opyt [The System of Government in the Field of Youth Policy: Foreign Experience]. Publichnoe i chastnoe pravo [Public and Private Law]. 2015, № 1, pp. 32-43.
7. Khrienko T.V. Molodezh' o politike i politikakh (opyt sotsiologicheskikh issledovaniy) [Youth on Politics and Politicians (Experience of Sociological Research)]. Simferopol, ARIAL, 2013, 206 s.
8. Khrienko T.V. Mirovozzrencheskie tsennosti molodezhi Kryma (1991-2017 gg.) [Worldview Values of the Youth of Crimea (1991-2017)]. Simferopol', ARIAL, 2018, 356 p.
9. Moskva v noveishei istorii Kryma (1991-2014) [Moscow in the Recent History of Crimea (1991-2014)]. Simferopol', ARIAL, 2016, 163 p.
10. Obshchekrymskii referendum 16 marta 2014 goda i vybory v Respublike Krym 2014-2018 godov [Crimean Referendum March 16, 2014 and Elections in the Republic of Crimea 2014-2018]. Simferopol', Tsentrizbirkom, 2018, 326 p.
11. Kudryashov S. Konstitutsiinii referendum: ednist' chi rozkol Ukraïni? Ekspertna otsinka [Constitutional Referendum: Unity or Split of Ukraine? Expert Evaluation]. Kyiv, Fond «Ukraïns'ka perspektiva», 1996, 10 p.
12. Voinskii dolg sluzhba gosudarstvennaya. Krymskie izvestiya [Military Duty Public Service. Crimean News]. 1999, November 12–13
13. Golovakha E.I., Panina N.V. Tendentsii rozvitku ukraïns'kogo suspil'stva (1994-1997). Sotsiologichni pokazniki (tablitsi, ilyustratsii, komentar) [Trends in the Development of Ukrainian Society (1994-1997). Sociological Indicators (Tables, Illustrations, Commentary)]. Kyiv, 1998, 131 p.

УДК 32:316.6

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КРЫМСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ДИНАМИКЕ¹³

Черный Е. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская
Федерация*

E-mail: chernev56@mail.ru

В статье представлены основные итоги исследования особенностей политической социализации студенческой и работающей молодежи Крыма (18-30 лет) в динамике, в результате сопоставления результатов, полученных в 2007 и в 2019 гг. Исследование проводилось с помощью специально разработанного автором для этой цели опросника политической социализации (ОПС-2). Удалось выяснить, что средний индекс политической социализации снизился в 2019 году по сравнению с 2007 у студентов и работающих специалистов. В частности, в зависимости от этнической принадлежности и характера профессиональной деятельности или специальности обучения изменялись показатели восприятия власти и ее отдельных характеристик (иерархичности, тотальности, инклюзивности, ограниченности, возможностей влияния), отношение к политике и политикам, к институтам власти. В целом, кроме студентов-политологов и профессионалов в этой сфере деятельности за двенадцать лет, прошедших после аналогичного исследования, существенных отличий между особенностями политической социализации разных поколений молодых крымчан обнаружить не удалось. Однако, кроме политологов, у всех групп респондентов прослеживается устойчивая тенденция к снижению уровня интереса и знаний относительно политической реальности, а также стремления к активному участию в политической жизни. Анализ научной литературы подтверждает, что эти тренды почти повсеместны, а, следовательно, неслучайны.

Ключевые слова: политическая социализация, институты власти, восприятие власти, отношение к политике и политикам, когнитивный блок политического сознания, мотивационный блок политического сознания.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы. Среди множества определений политики с идеей данной статьи более всего соотносится понимание К. Шмиттом универсальной сущности политики как «организационной и регулятивно-контрольной сферы общества, основной в системе других сфер: экономической, идеологической, правовой, культурной, религиозной» [1]. Действительно, людьми, включенными в работу различных ветвей власти, вырабатываются основы внешней и внутренней политики государства: стратегия и тактика развития всех сфер жизни. Фактически,

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31507

программа на близкое и далекое будущее. Поэтому так актуальна проблема политической социализации молодежи, то есть процесса, приводящего к формированию отношения молодых людей к «организационной и регулятивно–контрольной сфере», к возможностям своего участия в практической реализации этой программы. В российском обществе на 1 января 2019 году доля молодежи (от 14 до 30 лет) составляет 19,2% (28281495 человек) от общего числа населения России на эту дату (146780720 человек). В Крыму и Севастополе на 1 января 2019 года проживали 2355030 человек, из них в возрасте 14–30 лет 423655 человек или 18% [2] Очевидно, что сегодняшняя молодежь – это завтрашнее благополучие страны. Или неблагополучие...

Анализ последних исследований и публикаций позволяет утверждать, что проблематика политической социализации отражена в социологических, политологических и психологических исследованиях, то есть имеет междисциплинарный характер. В научной литературе существует немало подробных описаний разнообразных типов политической социализации, сущностные и формальные характеристики которых определяются историческими, социально-политическими, экономическими, культурными, идеологическими, геополитическими и другими факторами, в том числе, психологическими: культурными кодами, ментальностью. Значимость тех или иных факторов в разные периоды существования того или иного государства различно, так же как их влияние на своеобразие институтов и агентов политической социализации, на формирование типа доминирующей политической культуры и соответствующего типа политической социализации: гармонического, плюралистического, гегемонистского, конфликтного, конъюнктурного [3-9].

Множество публикаций посвящены проблематике политической социализации молодежи в условиях трансформации российского общества. Американский политолог Г. Алмонд, сравнивая институты политической социализации в позднем СССР с периодом конца 90-х, отмечал значительные изменения не только в формах политической социализации, но и в ее содержательных аспектах [10].

Разумеется, российские ученые более глубоко исследовали эти изменения [11-14]. Относительно этого периода и зарубежные, и отечественные исследователи отмечают не только вариативность процесса политической социализации (институты, формы, способы, агенты), но и идеологический плюрализм. И то, и другое выглядело достаточно хаотично, а с точки зрения некоторых авторов – рискованно [15]. Сейчас основными институтами политической социализации молодежи становится интернет-контент и, в частности, социальные сети, а не семья, образовательные учреждения и общественно-политические организации. В условиях политического и идеологического плюрализма какое-либо целенаправленное влияние на этот процесс оказать сложно. Тем не менее, различные политические силы пытаются это делать [16-19].

В настоящее время противодействие столь хаотичному воздействию на процесс политической социализации пытается оказать государство посредством традиционных институтов: школы, вузов, армии, молодежных общественных

организаций. В содержательном плане стержнем такого воздействия становится идея патриотизма [20, 21].

Однако в целом отмечается тенденция к резкому сокращению традиционных форм политического участия молодежи, и этот факт связывается с мощным влиянием на процесс политической социализации медиапространства. Неконвенциональные, медиазависимые формы политического участия замещают и без того невысокую электоральную активность молодежи, в то же время создавая у нее иллюзию участия посредством пребывания в информационном поле социальных сетей. Именно протестные формы политического участия нередко инспирируются с их помощью [22-25].

В России проведено немало исследований региональных особенностей политической социализации, а также сравнительные исследования политической социализации молодежи из разных регионов и стран [26-32].

Так в 2010 году в Чебоксарах (Чувашия) было опрошено 224 респондента, представляющих студенческую и рабочую молодежь. Выяснилось, что у молодых людей нет ясных представлений о том, какое общество и государство строится в России. Им оказалось свойственно непонимание сущности демократии, низкий уровень гражданской идентичности, слабая информированность относительно политических событий, дистанцирование от политики, в том числе, от электорального процесса. «В Чувашии около 40 % молодежи (по разным опросам) вообще не интересуется политикой, не обсуждает политических событий с друзьями, знакомыми, а 45,5% следит за политическими событиями от случая к случаю» - пишет по этому поводу А.М. Ерусланова [33, с.45].

В целом, в регионах отмечаются значительные различия в характере и степени влияния факторов, влияющих на психологическое состояние и «социальное самочувствие» молодежи. Возможности качественного образования, перспективного трудоустройства, социальной и политической мобильности, самореализации в условиях депрессивных в плане социально-экономического развития регионов, в удаленных от больших городов населенных пунктах, в сельской местности несравнимо меньше, чем в мегаполисах или активно развивающихся регионах. Вся совокупность обстоятельств обуславливает либо активную позицию в общественно-политической жизни, либо позицию созерцательную, а то и индифферентную по отношению к ней [34].

Цель статьи – представить основные итоги сравнительного исследования особенностей политической социализации крымской молодежи в динамике, сопоставив результаты, полученные в 2007 и в 2019 гг.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Особенности политической социализации молодежи в Крыму исследовались нами с помощью специально разработанного для этой цели опросника политической социализации (ОПС) еще в украинский период (2007 г.) [35]. Уже в российском Крыму, в 2015 году, опросник был опубликован в доработанном виде как ОПС-2, но масштабное исследование не было проведено [36]. Опросник состоит

из шести шкал, по восемь утверждений в каждом, причем по четыре утверждения сформулированы в прямой и по четыре – в инвертированной форме. Поскольку опросник был опубликован, название шкал и интерпретация показателей приведены далее. В ноябре 2019 года было проведено исследование, аналогичное проведенному в 2007 году. Объем и характеристики выборки, в целом, сопоставимы (Таблица 1).

В октябре-ноябре 2019 г исследование проводилось в Таврической академии и в Гуманитарно-педагогической академии КФУ имени В.И. Вернадского, а также в Крымском инженерно-педагогическом университете. Однако студенты представляли разные районы Крыма. Средний возраст студентов – 21 год, средний возраст работающих специалистов – 26 лет.

Таблица 1

Характеристики выборок 2007 и 2019 гг.

ВОЗРАСТ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ РЕСПОНДЕНТОВ															
2007 (n=212)								2019(n=280)							
Студенты 19–22 года				Специалисты 25–34 лет				Студенты 18–23 года				Специалисты 24–30 лет			
Русские	Украинцы	Крымские татары	Другие*	Русские	Украинцы	Крымские татары	Другие*	Русские	Украинцы	Крымские татары	Другие*	Русские	Украинцы	Крымские татары	Другие*
42	24	26	32	24	20	17	27	82	38	38	26	38	26	25	7
124				88				184				96			
*Всего 59 человек: белорусы –5, корейцы –5, евреи –5, армяне–4, татары –2, осетины –2, поляк –1, болгарка –1 + 34 человека были также отнесены к этой категории, т.к. не назвали свою этническую принадлежность или назвали себя крымчанами, славянами и проч.								*Всего 33 человека: белорусы –2, евреи –2, армяне–4, греки–2; буряты –2, болгары –3, узбеки –1, таджик –1 + 18 человек были также отнесены к этой категории, т.к. не назвали свою этническую принадлежность или назвали себя крымчанами, славянами и проч.							

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Средний индекс политической социализации в процентах подсчитывался так: 48 баллов, т.е., максимально возможный результат по совокупности всех шести шкал опросника (max 8 баллов по каждой шкале) принимался за 100%. В таблицу 2 результаты внесены в процентах, а в остальных таблицах результаты представлены в баллах.

Анализ данных, помещенных в таблицу 2, позволяют утверждать, что средний индекс политической социализации значительно снизился в 2019 году по сравнению с 2007 у студентов и работающих всех специальностей.

Таблица 2

Средний индекс политической социализации в 2007 и 2019 гг. (в%)

Специальности	2007	2019
---------------	------	------

	Студенты	Работающие специалисты	Студенты	Работающие специалисты
Политологи	70	70	60	58
Инженеры	52	34	42	30
Экономисты	52	34	42	30
Педагоги	48	60	40	40
Психологи	48	52	40	30

Таблица 3

Средние значения показателей политической социализации в 2007 и 2019 гг.

Шкалы	Среднее значение по шкалам в целом по выборке	
	2007 г.	2019 г.
Восприятие власти и отдельных её характеристик	4,53	4,30
Отношение к политике	4,30	3,49
Отношение к политикам	3,91	3,28
Отношение к институтам власти	2,91	3,26
Мотивационный блок политического сознания	5,10	4,68
Когнитивный блок политического сознания	5,11	3,80

Таблица 4

Сравнение результатов исследования политической социализации молодых крымчан в 2007 и 2019 гг. (по этносам)

Шкалы	Среднее значение по шкалам в 2007 г.			Среднее значение по шкалам в 2019 г.		
	Русские	Украинцы	Крымские татары	Русские	Украинцы	Крымские татары
Восприятие власти и отдельных её характеристик	4,20	4,85	4,20	4,37	3,86	3,65
Отношение к политике	4,00	4,50	4,40	3,59	2,67	3,43
Отношение к политикам	3,50	4,30	3,85	3,41	3,29	2,45
Отношение к институтам власти	3,00	3,30	2,60	3,65	3,83	2,42
Мотивационный блок политического сознания	5,65	5,45	4,00	6,25	2,60	3,43
Когнитивный блок политического сознания	5,15	5,50	4,75	4,55	2,29	3,00

Шкала 1 «Восприятие власти и отдельных её характеристик» включала следующие показатели: а) иерархичность власти; б) тотальность власти, её инклюзивность; в) ограниченность власти; г) возможности власти, её влияние; д)

возможности влияния на принятие политических решений, вообще на политику, систему.

Таблица 5

**Сравнение результатов исследования политической социализации молодых крымчан в 2007 и 2019 гг.
(по специальностям)**

Шкалы	2007								2019							
	Студенты				работающие специалисты				студенты				работающие специалисты			
	политологи	психологи	педагоги	инженеры, экономисты	политологи	психологи	педагоги	инженеры	политологи	психологи	педагоги	инженеры, экономисты	политологи	психологи	педагоги	инженеры
1. Восприятие власти и отдельных её характеристик	4,5	5,0	3,8	3,8	4	5	5,3	4,8	4,3	4,6	3,8	4,5	4,6	4,2	4,3	3,5
2. Отношение к политике	6,0	3,6	3,8	3,5	5,0	4,5	4,5	3,5	4,8	3,0	3,1	3,6	5,0	3,2	3,2	2,7
3. Отношение к политикам	5,0	3,5	3,8	3,5	5,0	3,5	3,5	3,5	4,4	3,0	2,6	3,5	4,7	3,0	3,0	2,0
4. Отношение к институтам власти	2,5	2,8	3,0	2,5	3,5	3,5	3,0	2,5	4,2	3,1	2,2	5,0	3,6	2,5	2,5	2,2
5. Мотивационный блок политического сознания	7,3	4,5	4,5	4,2	6,0	5,4	5,4	3,5	7,0	3,8	2,8	3,0	6,8	4,6	5,0	3,0
6. Когнитивный блок политического сознания	7,0	3,0	4,0	4,0	7,5	5,2	5,4	4,8	5,2	3,1	3,9	3,5	6,8	3,0	3,2	2,8

Высокие баллы по этой шкале (по всем шкалам – max 8) характеризовались так: власть воспринимается и принимается как необходимый атрибут общественной жизни, определяющий существование социума, обеспечивающий безопасность и конструктивные возможности личности. Низкие баллы, то есть, менее 4-х баллов (по всем шкалам) – власть воспринимается как необходимое зло, результат несовершенства общества и индивидов. Сама власть представляется также далёкой от совершенства, поскольку состоит из людей, стремящихся ею воспользоваться для достижения корыстных целей.

Здесь средние показатели в 2007 году были выше у студентов-психологов – 5 баллов, хотя это не высокие баллы, но у политологов – 4,5, а у педагогов и

инженеров – 3,8. У работающих специалистов: педагоги – 5,3, психологи – 5, инженеры – 4,8, политологи – 4 балла. В 2019 году студенты-психологи сохраняют первенство, несмотря на то, что они потеряли в среднем значении баллов по шкале (4,6). Снижение показателя у студентов-политологов незначительно – 4,3. Для педагогов показатель остался прежним – 3,8. Среди специалистов только у политологов наблюдается незначительный рост этого показателя – они чуть более позитивно воспринимают власть, чем их сверстники и коллеги 12 лет назад.

По второй шкале – «Отношение к политике» – высокие баллы интерпретировались так: отношение позитивное и заинтересованное, т.е., политика выглядит как центральное и организующее начало общественной жизни, жизненно необходимый для нормального существования общества и человека компонент реальности. Низкие баллы: негативное или индифферентное отношение к политике как к сфере жизни и деятельности, непременно связанной с грязью, ложью, манипулированием общественным и индивидуальным сознанием.

В 2007 году наблюдалось резкое отчуждение от этой сферы жизни. Здесь у политологов – 6 баллов, т.е. они наиболее лояльно относятся к политике, у психологов, педагогов и инженеров – менее 4 баллов. У специалистов-политологов – 5 баллов, у психологов и педагогов – 4,5, у инженеров – 3,5 балла. В 2019 году мы фиксируем снижение среднего показателя по шкале во всех студенческих группах. Наиболее значительным оно стало для студентов-политологов до 4,75 баллов, у психологов и педагогов он составил немногим более 3 баллов. Та же тенденция у работающих специалистов и только у политологов отношение к политике не изменилось – те же 5 баллов, т.е. уровень – чуть выше среднего.

Третья шкала: «Отношение к политикам». Высокие баллы: понимание и принятие значимости роли политиков в общественной жизни. Превалирование позитивного отношения к политической деятельности, признание стремления или вероятности активной включённости в политическую деятельность. Низкие баллы: неприятие самого факта признания профессиональной политической деятельности как полезной и необходимой. Резко негативная стереотипизация восприятия их деятельности.

В 2007 году у студентов-политологов – в среднем 5 баллов, причём только у одного респондента встретились единица по этой шкале, тогда как у психологов, педагогов и инженеров от 3,5 до 3,8 баллов. Причём, достаточно часто встречались бланки с единицами и двойками по этой шкале. Среди специалистов примерно та же картина. В 2019 году по данной шкале также наблюдаем снижение средних баллов по группам студентов. У студентов-политологов до 4,4 баллов, для психологов и педагогов до 2,96 и 2,61 соответственно. Все работающие специалисты сохранили скептическое отношение к политикам.

Четвёртая шкала: «Отношение к институтам власти». Высокие баллы: институты власти воспринимаются как необходимый и единственно возможный механизм реализации законов, норм общественной жизни, отражающий и защищающий основные ценности социума. Низкие баллы: негативное восприятие институтов власти из-за их неэффективности, отчужденности от народа, коррумпированности и криминальной ориентированности.

Здесь, как ни странно, в 2007 году студенты-политологи полностью «совпали» со студентами инженерно-технических специальностей – всего по 2,5 балла. Психологи и педагоги – чуть лояльней – 2,8 и 3 соответственно. Среди специалистов всё иначе – политологи и психологи: по 3,5 балла, педагоги – 3 балла, инженеры – 2,5. В 2019 году студенты-политологи более чем в 1,5 раза увеличили значение по шкале – 4,2 баллов. Очевидно, что доверие к институтам власти у них стало выше.

Немного возросло доверие к институтам власти у психологов, хотя по-прежнему уровень – ниже среднего – 3,11. У педагогов уровень доверия снизился до критических 2,25 баллов. Все работающие специалисты, кроме политологов, стали еще менее комплиментарно относиться к институтам власти.

Пятая шкала: «Мотивационный блок политического сознания». Высокие баллы: сложившаяся мотивационная система относительно политики, власти, политической деятельности. Осмысленное стремление к тому или иному типу политического участия, политического поведения. Низкие баллы: размытость, противоречивость или неразвитость мотивации по отношению к сфере политической жизни. Неопределённость стремлений относительно типов политического поведения.

В 2007 году студенты-политологи, естественно, обошли всех: – 7,3 балла. Их желание активно участвовать в политической жизни, видимо, результат и показатель осмысленного выбора профессии и, наверное, их профессиональной втянутости в профессиональную проблематику. Психологи, педагоги и инженеры – едва дотягивают до 4,5 баллов, причём разброс по выборке очень значителен – есть бланки, где наблюдаются нули по этой шкале. Среди специалистов: политологи – 6 баллов, педагоги и психологи – 5,4 и 5,2, соответственно, инженеры – 3,5. В 2019 году студенты-политологи также демонстрируют высокий показатель – 7 баллов, однако этот показатель ниже предыдущего. Снижение значений наблюдаются как у психологов, так и у педагогов до 3,78 и 2,83 баллов соответственно. У работающих специалистов – та же тенденция – мотивация к участию в политических процессах снизилась (за исключением профессионалов-политологов – у них эта мотивация незначительно повысилась).

И последняя, шестая шкала: «Когнитивный блок политического сознания». Высокие баллы: зрелость, структурированность, определённая, устойчивость системы идеологических предпочтений и политических ориентаций. Низкие баллы: неразвитость, диффузность, противоречивость, неустойчивость системы идеологических представлений, политических взглядов и ориентаций.

В 2007 году у студентов-политологов – 7, в студенческих группах педагогов и инженеров – чуть больше 4, у студентов-психологов – 3 балла. Кстати, здесь могут быть значительные искажения в результатах из-за вынужденного перекоса в составе выборки: среди психологов преобладали девушки, а среди студентов-инженеров – юноши. В группах специалистов: политологи – 7,5 балла, педагоги – 5,4, психологи – 5,2, инженеры – 4,8. В 2019 году мы наблюдаем небольшой рост среднего значения баллов у студентов-психологов – 3,12, сохранение прежних значений для педагогов – 3,94. Для студентов-политологов снижение среднего

значения баллов до 5,21. Работающие специалисты демонстрируют явное снижение по всем показателям шкалы, то есть, они весьма невысокого мнения о собственной компетентности в сфере политики. В меньшей мере этот вывод касается политологов, хотя тенденция та же.

ВЫВОДЫ

1. Не только анализ современной научной литературы, посвященной проблематике политической социализации молодежи, но и повседневное наблюдение за жизнью молодых людей позволяют утверждать, что существуют тенденции снижения мотивации к традиционным формам политического участия. Причем, судя по всему, это общемировой тренд. Медиапространство – и это отнюдь не телевидение или, тем более, не печатные СМИ, давно не пользующиеся вниманием молодежи, а именно интернет-пространство, дает людям чувство причастности к тем или иным событиям и ситуациям. В том числе, в сфере политики. Но только в тех случаях, когда интерес намеренно и умело инспирируется теми же представителями медиапространства, либо с их помощью. Как правило, речь идет о протестных акциях. При этом от реального участия, например, в электоральном процессе, молодежь все больше дистанцируется.

2. Даже такоенеожиданное и существенное событиекак воссоединение Крыма с Россиейлишь ненадолго приостановило проявившееся уже несколько десятилетий назадстремление молодежи к аполитичности. Разумеется, это не означает, что не существует политически активных молодых людей и молодежных групп. Но статистика не дает оснований считать, что таковых большинство.

3. Сложность и неоднозначность процесса политической социализации определяется рядом факторов:

- объективная политическая реальность сама по себе весьма сложное, нередко противоречивое явление и одновременно перманентно протекающий процесс;

- способность к познанию политической реальности формируется, как правило, к подростковому возрасту, поскольку когнитивным основанием для этого является определенный уровень развития абстрактно-логического мышления;

- мотивация к познанию политической реальности не происходит автоматически, как например, мотивация к познанию и совершенствованию взаимодействия с другими людьми, поскольку не только выживание, но и достаточно успешная жизнь вполне возможна вне поля политики, а вот вне поля взаимоотношений – нет;

- особенности интереса и мотивации к познанию объективной политической реальности, а, тем более, к тем или иным формам и способам политического участия определяется следующими факторами. Во-первых, характеристиками самой политической реальности - наличием социально-политической напряженности, конфликтов, кризисов и т.д. Во-вторых, политическими традициями и, в целом,

особенностями политической культуры и политической ментальности конкретного общества. В-третьих, особенностями институтов и агентов политической социализации и, в-четвертых, особенностями информационно-технологической системы.

4. Очевидна важность исследования политической социализации молодежи, поскольку подростки и молодые люди, которым сейчас 18-30 лет через несколько десятилетий будут определять развитие отдельных стран и всего мира в целом. В связи с этим возникает ряд проблем и вопросов. Например, как должна выглядеть некая идеальная модель политической социализации, к которой нужно стремиться? Понятно, что такие модели время от времени выстраиваются теоретиками, но, во-первых, далеко не всегда теоретические модели воплощались в жизнь, во-вторых, когда они так или иначе воплощались, это не всегда и, во всяком случае, не повсеместно, приводило к конструктивным результатам, в-третьих, многое меняется в современном мире и нужны иные модели. И наконец, даже если сконструировать адекватные времени и политическому пространству модели политической социализации, то, как их реализовать?

Таким образом, выводы, к которым приводят результаты исследования, открывают перспективы дальнейшей работы, суть которой видится в мониторинге особенностей политической социализации крымской молодежи, с помощью неоднократно апробированной методики.

Список литературы

1. Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 35–67.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (Дата обращения: 07.12.2019).
3. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации / Н. А. Головин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – 288 с.
4. Головин Н.А. О проблеме общей теории политической социализации / Н. А. Головин // Проблемы теоретической социологии / Под ред. А. О. Бороноева. Вып. 5. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. – С. 47–69.
5. Зверев А. Л. Теория политической социализации в условиях трансформации политических систем / А. Л. Зверев, О. А. Молчанова // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопал. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство "Аспект Пресс", 2018. – 448 с. – С. 259–268.
6. Преснякова Л.А. Теория политической социализации / Л. А. Преснякова // Политическая наука. Динамика политического сознания и поведения. – 2002. – № 2. – С. 24–36.
7. Merelman R.M. Revitalizing Political Socialization / R.M. Merelman // Political Psychology / Hermann M. (ed.). – San-Francisco, 1986. – P. 279–319.
8. Sigel R.S. New Directions for Political Socialization Research; Thought and Suggestions / R.S. Sigel // Perspective on Political Science. – 1995. – Vol. 21. – No 1. – P. 17–22.
9. Wasburn Ph. A life Course Model of Political Socialization / Ph. Wasburn // Politics and Individual. – 1994. – Vol. 4. – № 2. – P. 1–26.
10. Сравнительная политология сегодня = Comparative Politics Today: мировой обзор: учеб. пособие / Г. Алмонд [и др.]; сокр. пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; науч. ред. перевода М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
11. Бучкова А. И. Политическая социализация молодежи в условиях модернизации политической системы России (факторы и агенты) / А. И. Бучкова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2012. – № 2. – С. 182–199.

12. Газизова Л. И. Особенности процесса политической социализации личности в условиях модернизации Российского общества: Автореф. дис. канд. полит. наук / Л. И. Газизова. – Уфа, 2004. – 22 с.
13. Образ российской молодежи в современном мире: ее самосознание и социокультурные ориентиры: доклады и материалы Всерос. науч. конференции. Москва, 6-7 декабря 2010 г. [Текст] / отв. ред. Вал. А. Луков. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. – 2007. – 316 с.
14. Шестопал Е. Б. Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Е. Б. Шестопал. – М.: Новый хронограф, 2008. – 552 с.
15. Чупров В. И. Молодежь в обществе риска / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. Уильямс. – М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 230 с.
16. Зубок Ю. А. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления / Ю. А. Зубок // Социс. – 2008. – № 5. – С. 37–47.
17. Ихилев О. Быть или не быть: политическая социализация в изменяющемся мире / О. Ихилев // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е. Б. Шестопал. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 448 с. – С. 13–23.
18. Конода И. Политическая социализация в современном российском обществе / И. Конода // Власть. – 2007. – № 4. – С. 32–34.
19. Торни-Пурта Дж. Политическая социализация подростков в изменяющемся контексте: международное исследование в духе Невитта-Стенфорда / Дж. Торни-Пурта // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е. Б. Шестопал. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 433 с. – С. 245–258.
20. Терязян А. С. Организация патриотического воспитания в школе / А. С. Терязян. URL: <https://infourok.ru/statya-patrioticheskoe-vospitanie-lichnosti-v-shkole-916348.html> (Дата обращения: 07.12.2019).
21. Милорава А. Р. Процесс политической социализации молодежи в современном российском обществе / А. Р. Милорава // Молодой ученый. – 2017. – № 13. – С. 505–507. URL: <https://moluch.ru/archive/147/41275/> (Дата обращения: 07.12.2019).
22. Кукушкинов Е. Ю. Медиатизация молодежи как фактор сокращения политического участия в современных демократиях / Е. Ю. Кукушкинов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2013. – № 6. – С. 31–38 URL: <https://rucont.ru/efd/463746> (Дата обращения: 07.12.2019).
23. Рудаева Н. А. Семья и СМИ в политической социализации молодежи / Н. А. Рудаева // Вестник Мордовского университета. – 2011. – № 3. – С. 241–244.
24. Сайганова Е. В. Политическая социализация молодежи: основные агенты и каналы формирования / Е. В. Сайганова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. – 2013. – Т. 13, Вып. 4. – С. 34–37.
25. Couldry N. Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling / N. Couldry // New media & society. – 2008. – No 10 (3). – P. 373–391.
26. Айтжанова Д. Н. Специфика политической социализации молодежи России и Казахстана в контексте евразийской интеграции / Д. Н. Айтжанова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2016. – № 4. – С. 124–132.
27. Алексеев С. А. Политическая активность и политическая идентичность молодежи в современных условиях / С. А. Алексеев, Э. Б. Гаязова, Ф. Ф. Ильясова // Казанский педагогический журнал. – 2017. – № 5. – С. 181–184.
28. Зайцева И. Политическая социализация студенческой молодежи в условиях малого города / И. Зайцева // Вестник высшей школы. – 2003. – № 5. – С. 40–43.
29. Рахимова Л. С. Политическая социализация молодежи: механизмы и модели. Автореф. дис. канд. полит. наук / Л. С. Рахимова. – Уфа, 2006. – 22 с.
30. Сабирзянова Ф. Р. Политическая социализация студенческой молодежи Республики Башкортостан на современном этапе. Автореф. дис. канд. полит. наук / Ф. Р. Сабирзянова. – Уфа, 2003. – 22 с.
31. Савинова Е. Н. Политическая социализация личности: региональный опыт России: Монография / Е. Н. Савинова. – Орел: Изд-во ОРАГС, 2009. – 212 с.

32. Самсонова Т. Н. Политическая социализация российской молодежи в условиях трансформации / Т. Н. Самсонова // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты. Материалы Пятого Тюменского международного социологического форума (5-6 октября 2017 г.). – Тюмень: ТюмГУ, 2017. – С.286–291.
33. Ерусланова А.М. Политическая социализация молодежи и ее факторы / А. М. Ерусланова // Вестник ЧПГУ им. И. Я. Яковлева. –2010. –Т. 1, № 3(67).– С.40–46.
34. Самсонова Т. Н. О становлении политической субъектности российской молодежи в процессе политической социализации / Т.Н. Самсонова // Общество: социология, психология, педагогика.– 2018.– №7. –С.18–24.
35. Черный Е. В. Применение психоаналитически ориентированной методики в рефлексивном моделировании политической социализации молодежи / Е. В. Черный //Проблеми політичної психології та її роль у становленні громадянина Української держави: Зб. наук. праць / За заг. ред. М.М.Слюсаревського; упоряд. В. О. Васютинський. – К.: Міленіум, 2007. – Вип. 5-6.–С.79–90.
36. Черный Е.В. Методика исследования политической социализации молодежи / Е. В. Черный // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2015. – №2. – С.174–183.

Chernyi Y. V. Political Socialization of Crimean Youth in the Dynamics // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 135–148

The article presents the main results of the study of Crimean working youth and student's (18-30 years) features of political socialization in the dynamics, as the result of comparing the data obtained in 2007 and in 2019. The Study was conducted through a questionnaire of political socialization (QPS-2) specially developed by the author for this purpose. It was found that the average index of political socialization decreased in 2019 compared to 2007 for students and workers of all specialties. In particular, depending on ethnicity and the nature of professional activity or specialty of training, the indicators of perception of power and its individual characteristics (hierarchy, totality, inclusiveness, limitations, opportunities for influence), attitude to politics, politicians, and to the institutions of power has changed.

In General, besides the political science students and professionals in this field, for twelve years after a similar study, the significant differences between the features of political socialization of different generations of young Crimeans could not be found. However, besides the political scientists, all groups of respondents have a steady tendency to decrease the level of interest and knowledge about political reality, as well as the desire for active participation in political life. Analysis of the scientific literature confirms that these trends are almost universal, and therefore not accidental.

Keywords: political socialization, institutions of power, perception of power, attitude to politics and politicians, cognitive block of political consciousness, motivational block of political consciousness

References

1. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo [The Concept of political]. Voprosy sociologii [Questions of sociology]. 1992, №1, p.35-67.
2. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Official Website of the Federal State Statistics Service] URL:http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (Accessed: 7.12.2019).
3. Golovin N. A. Teoretiko–metodologicheskie osnovy issledovaniya politicheskoy socializacii [Theoretical and Methodological Foundations of the Study of Political Socialization]. SPb, 2004, 288 p.
4. Golovin N. A. O probleme obshchej teorii politicheskoy socializacii. [On the Problem of the General Theory of Political Socialization]. Problemy teoreticheskoy sociologii [Problems of Theoretical Sociology]. 2005, Vol. 5, pp. 47–69.

5. Zverev A. L. Teoriya politicheskoy socializatsii v usloviyakh transformatsii politicheskikh system [Theory of Political Socialization in the Conditions of Transformation of Political systems]. Politicheskaya psikhologiya: Hrestomatiya [Political Psychology: Anthology]. Moscow, Aspect Press, 2011, 433 p.
6. Presnyakova L. A. Teoriya politicheskoy socializatsii [Theory of Political Socialization]. Politicheskaya nauka. Dinamika politicheskogo soznaniya i povedeniya [Political Science. Dynamics of Political Consciousness and Behavior]. 2002, №2, p. 24-36.
7. Merelman R.M., Revitalizing Political Socialization, Political Psychology, ed.by M. Hermann.San-Francisco,1986, p. 279–319.
8. Sigel R.S., New Directions for Political Socialization Research. Thought and Suggestions, Perspective on Political Science,1995, Vol. 21, №1, p.17-22.
9. Wasburn Ph., A life Course Model of Political Socialization, Politics and Individual,1994, Vol.4, №2, p.1-26.
10. Almond G. Sravnitel'naya politologiya segodnya: mirovoj obzor [Comparative Politics Today: World Review: studies]. Moscow, Aspect Press, 2002, 537 p.
11. Buchkova A. I. Politicheskaya socializatsiya molodezhi v usloviyakh modernizatsii politicheskoy sistemy Rossii (faktory i agenty) [Political Socialization of Youth in the Conditions of Modernization of the Political System of Russia (Factors and Agents)]. Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Ser. 18. Sociology and Political Science]. 2012, №2, p.182-199.
12. Gazizova L. I. Osobennosti processa politicheskoy socializatsii lichnosti v usloviyakh modernizatsii Rossijskogo obshchestva [Features of Process of Political Socialization of the Person in the Conditions of Modernization of the Russian Society]. Extended abstract of candidate's thesis,Ufa, 2004, 22 p.
13. Obraz rossijskoj molodezhi v sovremennom mire: ee samosoznanie i sociokul'turnye orientiry: doklady i materialy Vseros. nauch. konferencii [The Image of Russian Youth in the Modern World: its Self-Consciousness and Socio-cultural Guidelines: Reports and Materials Vseros. Science Conferences]. Moscow, 6-7 December 2010, 316 p.
14. Shestopal E. B. Politicheskaya socializatsiya rossijskikh grazhdan v period transformatsii [Political Socialization of Russian Citizens in the Period of Transformation]. Moscow, 2008, 552 p.
15. Chuprov V.I., Zubok Y.A., Williams K. Molodezh' v obshchestveriska [Young People in Risk Society], Moscow, 2015, 230 p.
16. Zubok Y.A., Molodezhnyj ekstremizm. Sushchnost' i osobennosti proyavleniya [Youth Extremism. Essence and Features of Manifestation], Socis [Socis]. 2008, №5, p.37-47.
17. Ihilov O. Byt' ili ne byt': politicheskaya socializatsiya v izmenyayushchemsya mire [To be or not to be: Political Socialization in a Changing World]. Moscow, Aspect Press, 2018, 448 p.
18. Konoda I. Politicheskaya socializatsiya v sovremennom rossijskom obshchestve [Political Socialisation in contemporary Russian society]. Vlast' [The Power]. 2007, № 4, p.32 -34.
19. Torney-Purta J. Politicheskaya socializatsiya podrostkov v izmenyayushchemsya kontekste: mezhdunarodnoe issledovanie v duhe Nevitta Stenforda [Adolescents' Political Socialization in Changing Contexts: An International Study in the Spirit of Nevitt Sanford]. Politicheskayapsihologiya: Hrestomatiya / Sost. E. B. Shestopal. – 3-e izd.,ispr. idop. [Political psychology: anthology] / ed. by E.B. Shestopal, 3rd ed., Moscow, Aspect Press, 2011, 433 p., P. 245–258.
20. Teryazyan A.S., Organizatsiya patrioticheskogo vospitaniya v shkole [Organization of Patriotic Education in School]. URL: <https://infourok.ru/statya-patrioticheskoe-vospitanie-lichnosti-v-shkole-916348.html> (Accessed: 7.12.2019).
21. Milorava A.R. Process politicheskoy socializatsii molodezhi v sovremennom rossijskom obshchestve [The Process of Political Socialization of Youth in Modern Russian Society]. Molodoj uchenyj [Young Scientist]. 2017, №13, p.505–507. URL: <https://moluch.ru/archive/147/41275/> (Accessed: 7.12.2019).
22. Kukshinov E.Yu. Mediatizatsiya molodezhi kak factor sokrashcheniya politicheskogo uchastiya v sovremennykh demokratiyakh [Mediatization of Youth as a Factor of Reduction of Political Participation in Modern Democracies]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. [Bulletin of Moscow University. Series 12. Political science]. 2013, № 6, p.31-38. URL: <https://rucont.ru/efd/463746> (Accessed: 7.12.2019).

23. Rudaeva N. A. Sem'ya i SMI v politicheskoy socializacii molodezhi [The Family and the Media in the Political Socialization of Young People]. Vestnik Mordovskogo universiteta [Bulletin of the Mordovia University]. 2011, № 3, p. 241–244.
24. Sajganova E.V. Politicheskaya socializaciya molodezhi: osnovnye agenty i kanaly formirovaniya [Political Socialization of Youth: Key Agents and Channels of Formation]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Sociologiya. Politologiya [News of Saratov University. New series. Sociology. Political Science]. 2013, Issue 13, Vol. 4, p. 34–37.
25. Couldry N. Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling. New media & society, 2008, №10 (3), p.373–391.
26. Ajtzhanova D. N. Specifika politicheskoy socializacii molodezhi Rossii i Kazakhstana v kontekste evrazijskoj integracii [The Specificity of the Political Socialization of Youth in Russia and Kazakhstan in the Context of Eurasian Integration]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheski enauki. [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science]. 2016, № 4, pp. 124–132.
27. Alekseev S. A., Gayazova E. B, Il'yasova F. F. Politicheskaya aktivnost' i politicheskaya identichnost' molodezhi v sovremennykh usloviyakh [Political Activity and Political Identity of Youth in Modern Conditions] Kazanskij pedagogicheskij zhurnal [Kazan pedagogical journal]. 2017, № 5, p. 181–184.
28. Zajceva I. Politicheskaya socializaciya studencheskoj molodezhi v usloviyakh malogo goroda [Political Socialization of Student Youth in a Small Town]. Vestnik vysshej shkoly [Bulletin of the Higher School]. 2003, № 5, p. 40–43.
29. Rahimova L. S. Politicheskaya socializaciya molodezhi: mekhanizmy i modeli [Political Socialization of Youth: Mechanisms and Models]. Extended Abstract of Candidate's Thesis, Ufa, 2006, 22 p.
30. Sabirzyanova F. R. Politicheskaya socializaciya studencheskoj molodezhi Respubliki Bashkortostan na sovremennom etape [Political Socialization of Student Youth of the Republic of Bashkortostan at the Present Stage]. Extended abstract of candidate's thesis, Ufa, 2003, 22 p.
31. Savinova E.N., Politicheskaya socializaciya lichnosti: regional'nyj opyt Rossii: Monografiya [Political Socialization of Personality: Regional Experience of Russia: Monograph]. Oryol, 2009, 212 p.
32. Samsonova T.N. Politicheskaya socializaciya rossijskoj molodezhi v usloviyakh transformacii. Dinamika social'noj transformacii rossijskogo obshchestva: regional'nye aspekty [Political Socialization of Russian Youth in the Conditions of Transformation. Dynamics of Social Transformation of Russian Society: Regional Aspects]. Tyumen State University, Tyumen, 2017, p. 286–291.
33. Eruslanova A.M., Politicheskaya socializaciya molodezhi i ee faktory [The Political Socialization of Youth and its Factors]. Vestnik CHGPU im. I. YA. YAKovleva [Bulletin ChSPU name I.Ya. Yakovleva], 2010, Vol.1, №3 (67), p.40–46.
34. Samsonova T.N. O stanovlenii politicheskoy sub'ektnosti rossijskoj molodezhi v processe politicheskoy socializacii [On the Formation of Political Subjectivity of Russian Youth in the Process of Political Socialization]. Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy]. 2018, № 7, p.18–24.
35. Chernyi Y. V. Primenenie psihoanaliticheski orientirovannoj metodiki v reflektivnom modelirovanii politicheskoy socializacii molodyozhi [The Use of Psychoanalytically Oriented Methods in the Reflexive Modeling of Political Socialization of Youth]. Problemi politichnoï psihologii ta üïrol' u stanovlenni gromadyanina Ukraïns'koï derzhavi [Problems of Political Psychology: the Role of the Emerging Ukrainian Power Hromadyanina]. Kyev, 2007, Vol. 5-6, p.79–90.
36. Chernyi Y. V. Metodika issledovaniya politicheskoy socializacii molodyozhi [Methodology of Research of Political Socialization of Youth]. Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta [Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University]. 2015, №2, p. 174–183.

УДК 327

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ВЬЕТНАМА

Шафинская Н.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, г.
Москва, Российская Федерация*

E-mail: shafinskaya06@gmail.com

Постоянно возрастающая роль регионов мира заставляет обратить внимание на новые «центры силы», возникающие в Азии. Одной из таких точек притяжения выступают страны ЮВА, где особенный интерес представляет традиционный и стратегический партнер России – Социалистическая Республика Вьетнам. Использование инструментов «мягкой силы» в этой стране побуждает рассмотреть этот феномен как инструмент гуманитарной политики, в активизации которой нуждается Россия. При этом, отечественная внешнеполитическая стратегия гуманитарного сотрудничества должна отталкиваться не от общих взглядов о Вьетнаме, а создаваться на основе всестороннего анализа обстоятельств взаимодействия, максимально принимать во внимание условия, оказывающие влияние на протекающие политические процессы в этой стране, иметь системный подход и давать прогноз возможным переменам в развитии двусторонних отношений. В этом контексте необходим консолидированный и системный подход со стороны государственных и общественных российских организаций при взаимодействии с вьетнамской стороной.

Ключевые слова: «мягкая сила», гуманитарная политика, Вьетнам, Россия.

В XXI веке в условиях формирования многополярного мира и возрастающей конкуренции внешней политики великих держав важным фактором их воздействия на международных акторов становится использование не военных методов, а использование гуманитарной и культурной привлекательности государства. В этом контексте представляется важным рассмотреть понятие «гуманитарной политики» и роль «мягкой силы» как ее основного инструмента при реализации международного курса Российской Федерации в отношении такой важной страны Юго-Восточной Азии, как Социалистическая Республика Вьетнам.

Согласно Концепции внешней политики России, утвержденной Президентом России 30 ноября 2016 года, одним из приоритетных направлений внешней политики России, в том числе ее гуманитарного аспекта, являются страны Юго-Восточной Азии [1].

Социалистическая Республика Вьетнам на современном историческом этапе занимает особое положение в указанном регионе. Состояние экономики, потенциал развития и политическое устройство страны оказывают существенное влияние на

политический климат всей Юго-Восточной Азии. Дипломатические отношения между СССР и Демократической Республикой Вьетнам (ныне – Социалистическая Республика Вьетнам) были установлены в 1950 году, проверены временем и продолжали развиваться после разрушения Советского Союза и образования Российской Федерации. Эти отношения вышли на новый качественный уровень в 2012 году – уровень всеобъемлющего стратегического партнерства [2]. Также важно подчеркнуть, что в официальных документах МИД России закреплена необходимость использования во внешней политике компонентов российской «мягкой силы», при этом особое внимание уделяется активизации культурных связей именно с СРВ [3].

В связи с этим важно рассмотреть вопросы гуманитарной политики России в этой стране, то есть вопросы взаимодействия в области науки, здравоохранения, образования, туризма, работы с молодежью и выпускниками советских и российских университетов, взаимодействия со СМИ. Таким образом, исследование гуманитарной политики России и использования «мягкой силы» в отношении СРВ приобретает особую актуальность и имеет выраженную теоретическую и практическую составляющую.

Объектом исследования выступает внешняя политика России, а предметом – «мягкая сила» как инструмент ее гуманитарной политики и проблемы ее реализации в отношении Вьетнама.

Следует отметить, что проблематика «мягкой силы», особенности ее применения, а также вопросы публичной и культурной дипломатии подробно рассматривались в работах российских ученых Ю.В. Баранчика, К.П. Боришполец, Н.В. Бурлиновой, П.Б. Паршина, Г.Ю. Филимонова и др. [4, 5].

При этом исследователями уделяется внимание определению понятия «мягкая сила», виду ее реализации – «публичной дипломатии», приводятся политико-правовые основы использования гуманитарной политики, конкретизируется различия между западным и российским подходами к понятию «гуманитарное сотрудничество».

Важными представляются исследования А.А. Великой, М.А. Казакова, Е.С. Мелкумян, А. Полевого, Р.В. Орешкина, позволяющие шире взглянуть на термин «гуманитарный», подчеркивающие его многозначность, емкость (гуманитарный суверенитет, гуманитарная безопасность, гуманитарный лидер, гуманитарная помощь, гуманитарная интервенция, гуманитарные интересы) и возможность его использования в разных контекстах, в том числе при описании внутривнутриполитических процессов [6, 7].

В настоящей работе предпринимается попытка уточнения интерпретаций понятия «мягкая сила» как основной составляющей гуманитарной политики России и выявления особенностей ее реализации в отношении СРВ. Благодаря проведенному исследованию станет возможной адресная выработка предложений (в виде соответствующих гуманитарных продуктов) для Социалистической Республики Вьетнам, которые бы соответствовали ее потребностям и способствовали повышению эффективности этого направления российской внешней политики.

Для достижения поставленной цели необходимо решить две основные задачи: рассмотреть существующие теоретические подходы к определениям понятия «гуманитарный» и его производных: гуманитарной политики и гуманитарного сотрудничества, акцентировав внимание на понятии «мягкая сила» как на ключевой составляющей гуманитарной политики, и определить перспективные направления «мягкой силы» России во Вьетнаме. Решение этих задач обеспечивается за счет исследования широкого круга российских и вьетнамских источников, включая информацию из социальных сетей, достижений отечественной и зарубежной историографии, с применением общетеоретических методов, исторического, структурно-функционального и сравнительного методов.

Гуманитарная политика, выступая неотъемлемой частью внешней политики государства, «реализуется через систему связей и отношений общественных организаций и граждан, взаимодействующих между собой в целях создания и сохранения единого гуманитарного пространства в рамках международной системы» [8]. В диссертационной работе Ю.Ю. Комляковой гуманитарная политика определяется как «все невоенные действия, совершенные одним государством на территории другого».

При этом понятие «гуманитарный», как правило, привязывается к его прямому переводу с лат. «humanitas», фран. «humanitaire», англ. «humane» в значении «направленный на человека, его права и свободы, потребности и интересы», поэтому неудивительно, что с понятием «гуманитарный» традиционно связывают обширный круг политических и юридических понятий. Так, например, в середине XX века сформировалось понятие «гуманитарное право», которое трактуется как защита прав и свобод лиц, пострадавших в ходе военных конфликтов или стихийных бедствий [9, С. 24].

Развитие этого понятия привело к возникновению дефиниций «гуманитарная интервенция», под которой понимается возможность проведения, в том числе и силовых действий в отношении суверенных государств в целях «защиты прав и свобод, недопущения гуманитарных катастроф и т.п.». Так, например, Т.В. Зонова, соглашаясь с подходом к определению «гуманитарный» в варианте стран Евросоюза, в контексте противодействия нарушениям прав человека и насилию, высказывает мысль, что в России это понятие трактуется гораздо шире и охватывает область культурных связей, межкультурного диалога и диалога гражданских обществ, а также отношения с соотечественниками за рубежом [10].

«Мягкая сила» выступает основным инструментом гуманитарной политики. Это понятие ввел в оборот американский политолог Дж. Най-мл. в 1990 году, а в 2011 году он дал одно из самых полных определений «мягкой силы», как способности влиять на других при помощи приобщающих инструментов, определяющих международную повестку дня, а также при помощи убеждения и позитивной привлекательности, с целью достижения желаемых результатов. Также Дж. Най-мл. считал важным подчеркнуть, что «мягкую силу» нельзя воспринимать как инструмент манипуляции другими международными акторами. Открытая или скрытая манипуляция приводит лишь к ухудшению партнерских отношений и не дает желаемых результатов в процессе международного взаимодействия [11, С. 5, С.

209]. Как полагает автор концепции «мягкой силы», власть – это способность воздействовать на других с целью получения желаемых результатов, что возможно с помощью трех главных методов: посредством принуждения, оплатой либо привлечением.

При этом продвижение «мягкой силы» должно осуществляться на основе трех элементов: культуры (в основании лежат ценности, привлекательные для стран), политических ценностей и эталонов (при соответствии их осуществления как дома, так и за границей) и внешнеполитической деятельности (в ее проявлениях и определенных действиях), создающей законный и нравственный авторитет при комплексном применении ряда инструментов.

В качестве этих инструментов выступает, в первую очередь, «публичная дипломатия», то есть широкое привлечение во внешней политике общественных организаций «от Голливуда и Гарварда до Фонда Билла и Мелинды Гейтс» [12]. При этом деятельность государственных учреждений ограничивается планированием, координацией, финансированием и анализом итогов проведенных мероприятий. Концепция обширной презентации работы неправительственных организаций и сокрытия непосредственной роли государственных структур в использовании «мягкой силы» проходит «красной нитью» во многих работах Дж. Ная. Это поясняется американской традицией к рассредоточению власти и рвением отдалять власть от ответственности в случае возможных внешнеполитических провалов.

Во-вторых, в использовании «мягкой силы» особая значимость отводится формированию в государстве организаций, занимающихся гуманитарной работой: библиотек, различных информационных центров, образовательных учреждений, из числа которых особенный интерес уделяется учреждениям, которые занимаются преподаванием и пропагандой английского языка, как ресурса, обеспечивающего коммуникации, и продвижения ценностей американской культуры за рубежом.

В-третьих, это реклама современных «высоких» технологий для формирования образа сильной в финансовом и технологическом плане современной державы для последующего его продвижения на новые пространства.

В последующем концепция «мягкой силы» претерпела некоторую трансформацию, формализовавшись в концепции «smart power» («умной силы»), которая объединяет жесткие и мягкие ресурсы [13].

В отечественной политической науке нет единого универсального подхода к понятию «мягкая сила». Так, например, П.Б. Паршин дает два определения «мягкой силы»: в широком понимании, где это способность достигать некоторые цели самому или через чье-то посредничество, выбирая из инструментов те, которые будут наносить относительно меньший ущерб в сравнении с другими для достижения той же цели, тогда как «мягкая сила» в более узком терминологическом смысле понимается как притягательная сила различных ценностей, устойчиво ассоциируемых с некоторой страной [14]. Отталкиваясь от теории Ф. Котлера о страновом маркетинге, П.Б. Паршин также делает вывод, что данная концепция обнаруживает значительное сходство с идеей «мягкой силы», где различие между ними заключается лишь в том, что в первом случае страны предлагают себя как

потенциально привлекательные, а во втором – целью государств выступает достижение неких внешнеполитических задач.

Вместе с тем, согласно точке зрения О.Г. Леоновой, «мягкая сила» есть внешнеполитический ресурс и специфический инструмент латентного управления международными процессами в эпоху глобализации [15].

Таким образом, очевидно, что «мягкая сила» не теряет своей привлекательности и остается актуальным инструментом влияния, управления и осмысления, выступает эффективным и весьма действенным способом для достижения внешнеполитических целей. Основными инструментами «мягкой силы» выступают система образования, национальный язык, глобальный маркетинг, публичная и культурная дипломатия, работа с соотечественниками, СМИ и создаваемые ими информационные потоки.

Рассматривая один из основных элементов «мягкой силы», Г.Ю. Филимонов утверждает, что публичная дипломатия выступает ее фундаментальной основой, при этом понимая под ней воздействие не только на сердца и души людей, но и эффективный способ воздействия на внутренние дела суверенных государств. Важно подчеркнуть, что «мягкую силу» следует понимать, как систему взглядов стратегического характера, направленную на формирование позитивного имиджа страны за рубежом посредством реализации многоуровневой информационно-пропагандистской политики [16]. С наступлением информационного века возрастает роль еще одного подвида «мягкой силы» – культурной дипломатии, поскольку продукты культуры стали легче проникать в международную сферу.

Применение «мягкой силы» ставит вопрос и об определении параметров ее эффективности. Наиболее универсальными из существующих инструментов возможного измерения «мягкой силы» считаются индекс национальных брендов, разработанный С. Анхолтом в 2005 г., и индексы страновых брендов, публикуемые международной консалтинговой компанией «FutureBrand» и порталом «Soft Power 30» [17]. В них существует конкретный перечень вопросов, предназначенный для определения места некоего государства в таком рейтинге. Однако, зачастую такие «опросники» не являются объективным отражением реальных результатов, по причине субъективности задаваемых вопросов. Также необходимо учитывать, что применение инструментов «мягкой силы» не приносит моментальных результатов, это механизм «отсроченного» действия.

Таким образом, многообразие подходов к определению «мягкой силы» в гуманитарной политике, а также различные тактики по определению ее результативности побуждают разработать индивидуальные критерии и оценки эффективности «мягкой силы» России для особо значимых для нашей страны регионов мира, учитывая при этом их специфику и менталитет населения. Разработка же отдельной стратегии по реализации контента «мягкой силы» России в таких регионах даст возможность прогнозировать ожидаемые результаты использования этого важного инструмента и позволит повысить эффективность российской внешней политики.

Одним из таких регионов выступают страны Юго-Восточной Азии, а в нем СРВ, как оплот традиционных дружественных отношений с СССР и Россией. При

этом следует учитывать, что «вакуум отношений», появившийся в 1990-е годы между Вьетнамом и Россией был стремительно заполнен иными странами, прежде всего США, КНР, Южной Кореей и Японией, что ставит дополнительные задачи перед российской внешней политикой.

Внешнеполитические приоритеты России и способы их реализации, в принципе, находят понимание во вьетнамском обществе и общественно-политической элите страны. Между двумя государствами осуществляется непрерывный диалог, в том числе на высоком и высшем уровне. Начиная с 2000 года по настоящее время Президент Российской Федерации В.В. Путин посетил Социалистическую Республику Вьетнам четыре раза, Д.А. Медведев в качестве главы государства осуществил визит в 2010 году. Между двумя странами поддерживается непрерывная связь на уровне правительств и высших законодательных органов государственной власти.

Россия имеет значительный опыт и потенциал в продвижении своих гуманитарных ценностей во Вьетнаме и ряд существенных преимуществ. Исторически Россия не осуществляла в регионе колониальной политики, а, наоборот, оказывала поддержку национально-освободительному движению, что выражалось не только в оказании дипломатической или военной помощи, но и в широкой совместной гуманитарной работе: содействии в развитии национальных систем науки и образования, культуры, развитии отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Основными направлениями реализации «мягкой силы» российской внешней политики во Вьетнаме являются: взаимодействие в рамках международных организаций; сотрудничество в сфере науки и образования; осуществление различных культурных обменов; популяризация русского языка и российского образования; работа с молодежью и выпускниками советских и российских вузов; создание положительного образа России в национальных СМИ [18].

При этом основными проводниками и исполнителями российской «мягкой силы» во Вьетнаме являются: Федеральное агентство Россотрудничество (представительство Федерального агентства во Вьетнаме, известное как РЦНК в г. Ханое); российские вузы и научные учреждения (в том числе их филиалы во Вьетнаме: филиалы Дальневосточного федерального университета и Казанского национально-исследовательского технологического института (КНИТУ), Тропический центр); российские школы (всего – 3): средняя школа при Посольстве России во Вьетнаме и (г. Ханой), начальная школа при Генеральном консульстве России (г. Хошимин), средняя школа при совместном предприятии по добыче нефти «Вьетсовпетро» (г. Вунгтау); вузы и школы Вьетнама, в которых осуществляется преподавание русского языка (вузов – 19, школ – 12, также в стране функционирует единственный сохранившийся в мире после распада СССР Ханойский филиал Института русского языка им. А.С. Пушкина (ХФИРЯП), вьетнамская организация, призванная содействовать распространению и популяризации русского языка); общественные организации и фонды России и Вьетнама (центры и кабинеты Фонда «Русский мир» (в гг. Ханой, Дананг, Хошимин), Общество вьетнамско-российской дружбы, многочисленные объединения выпускников советских и российских вузов

«Сердце Советской России», «Ностальгия по СССР» и др., Общество любителей русской музыки, Ассоциация ВИАКОРВУЗ); российские СМИ и русскоязычные СМИ Вьетнама (первые представлены ТАСС и Sputnik; вторые – русскими редакциями – на телеканале VTV4 и радио «Голос Вьетнама», партийной газетой «Нянзан», иллюстрированным журналом «Вьетнам», журналом «Березка» и сайтом Общества вьетнамско-российской дружбы); а также субъекты Российской Федерации (в рамках отношений между городами-побратимами и установления взаимодействия в торгово-экономической сфере).

При этом, очевидно, что важнейшим инструментом «мягкой силы» выступает русский язык, вокруг которого выстраивается деятельность отечественных государственных и общественных учреждений. Из числа российских ведомств, продвигающих русский язык за границы, наиболее обширными возможностями обладает Россотрудничество, структура которого представлена 98 представительствами в 81 стране мира (в 62 странах работают 74 российских центра науки и культуры и в 22 странах – 24 представителя в составе Посольств РФ). Среди беспрерывно осуществляемых представительством данного ведомства проектов по продвижению русского языка во Вьетнаме следует отметить научные конференции и семинары; преподавание русского языка на курсах на базе РЦНК; поддержку преподавателей русского языка; организацию бесплатных поездок в Россию наиболее активных групп населения (программа «Новое поколение»); поставки учебной и методической литературы в страны (по линии Федерально-целевой программы «Русский язык») и многое другое. Тем не менее, невзирая на реализуемые проекты, усилия России пока что продолжают в большей степени направляться на то, чтобы сберечь ранее имеющиеся позиции, поддержать то, что есть, а не обеспечить количественный, а главное качественный прирост людей, проявляющих интерес к русскому языку и культуре.

В связи с этим особенное значение обретает консолидация усилий российских учреждений по продвижению русского языка за рубежом на основе использования комплексного подхода. Так, в последнее время в процесс борьбы за контингент активно «включились» российские университеты, которые проводят обучение иностранцев в России в рамках государственной квоты, ежегодно выделяемой для Вьетнама на образовательные цели. Так, на 2019/2020 учебный год российская правительственная квота составила 965 мест [19]. В этом направлении Россия – лидер среди других стран по предоставлению СРВ бюджетных стипендий. Общее количество вьетнамских студентов, обучающихся в России, по состоянию на 2019 год составляет около 6 тысяч человек [20].

В качестве эффективного инструмента набора кандидатов на обучение в России представительством Россотрудничества во Вьетнаме (Российским центром науки и культуры в г. Ханое) используется организация олимпиадного движения и привлечения к организации отборочных мероприятий до 30 российских вузов. При этом проявляется интерес российских вузов к сотрудничеству с вьетнамскими университетами и самостоятельному продвижению программ академической мобильности. Российские вузы в сотрудничестве с РЦНК проводят конференции по русскому языку, куда приглашается вьетнамское профессиональное сообщество; а

русские преподаватели русского языка, как иностранного, командированы с целью работы в школы и университеты Вьетнама.

Вьетнамская сторона также демонстрирует свою заинтересованность в сотрудничестве и подготовке российских вьетнамцев. Так, согласно действующему Соглашению между Минобрнауки Российской Федерации и Министерством образования и подготовки кадров Социалистической Республики Вьетнам в области образования от 24 июня 2005 года, вьетнамская сторона предоставляет российским студентам вузов, где преподается вьетнамский язык, 30 стипендий сроком на 10 месяцев на обучение и языковые стажировки по вьетнамскому языку в университетах СРВ [21].

Существующие во Вьетнаме российские школы пользуются значительным авторитетом на рынке образовательных услуг, свидетельством чему является закономерно высокий спрос на обучение в них со стороны вьетнамских граждан. Под особым «давлением» общественности находится посольская школа: ограниченность площади учебных классов просто не позволяет принять на обучение всех желающих. При этом в течение учебного года школы выступают активными участниками всевозможных межшкольных обменов, концертов, благотворительных вечеров, организуемых вьетнамской стороной и другими иностранными школами, в том числе посредством подготовки танцевальных и песенных номеров.

Руководство и преподавательский состав школ и вузов Вьетнама, изучающих русский язык, проводит многочисленные концерты, тематические уроки, акции, направленные на популяризацию русского языка и культуры, продвижение имиджа России среди населения. Необходимо, однако, отметить, что их многогранный потенциал не используется в полную силу, а усилий одного РЦНК в качестве постоянно присутствующей российской государственной организации явно недостаточно. Однако в этом направлении наметились положительные сдвиги: в последние два года заметную активность проявляют российские вузы, предлагающие учителям русского языка, а также школьникам и студентам принять участие в Летних школах в России, продолжить обучение в РФ или стать участником тематических конкурсов и фестивалей.

Примером успешного сотрудничества России и Вьетнама в области научно-технического сотрудничества является Совместный технологический научно-исследовательский Тропический центр (Тропцентр) и его отделения на юге страны, учредителями которого выступают с российской стороны Министерство науки и высшего образования, а с вьетнамской – Министерство национальной обороны. Среди основных направлений его работы: выявление последствий заражения почвы и акватории химическим оружием, применявшимся США в ходе военных действий, исследования в области экологии, биологии, изучения аквакультуры и др. Символично, что при Тропцентре функционируют курсы русского языка, где одновременно обучается около 100 человек.

Основным инструментом российской «мягкой силы» в СРВ являются многочисленные выпускники советских и российских вузов (по некоторым данным их количество составляет около 500 тысяч человек). В настоящее время вьетнамские выпускники по собственной инициативе объединились в

многочисленные общества. Количество участников самых многочисленных из них – «Вьетнамцы в России», «Улыбка СССР», «СССР – время, стоящее воспоминаний», «Сердце советской России» – 132 тыс., 49 тыс., 36 тыс. и 9 тыс., соответственно. Потенциал этого инструмента огромен не только по причине многочисленности их участников, но и в связи с тем, что большинство из них являются представителями политической и культурной элиты Вьетнама.

Вплоть до 1991 года советские СМИ были широко представлены на территории Вьетнама: газеты «Правда», «Комсомольская правда», «Труд», «Известия»; работа ТАСС и Гостелерадио СССР. Но в 1990-е годы все, кроме ТАСС, вынуждены были закрыть свои представительства или отозвать представителей, в первую очередь, по причине финансовых сложностей. В настоящее время во Вьетнаме официально работает только представитель ТАСС, удаленно на постоянной основе публикует информацию Sputnik.

Вместе с тем имидж России нуждается в постоянном продвижении и защите в информационном пространстве Вьетнама. Основным нападкам он подвергается со стороны прозападных и проамериканских СМИ. Борьба с этим в условиях отсутствия официальных представителей российских СМИ в стране пребывания частично получается благодаря активной деятельности Посольства и РЦНК в информационном пространстве, как при работе со СМИ, так и в социальных сетях.

Представляется, что с учетом наглядности данных, представленных в табл. 1, российским учреждениям, функционирующим во Вьетнаме, требуется существенная поддержка их усилий со стороны государственных и общественных организаций по работе в информационном поле при условии, что на современном этапе основная «идеологическая борьба» разворачивается именно в популярной во Вьетнаме сети Facebook.

Таблица 1

Количество подписчиков на страницы дипмиссий и культурных центров в соцсети Facebook (по состоянию на июнь 2019 г.)

Дипломатические миссии		Культурные центры			
Посольство РФ	Посольство США	РЦНК в г. Ханое	Американский клуб в г. Ханое	Американский образовательный центр	
7.988 чел.	221.309 чел.	4.048 чел.	9.870 чел.	6.156 чел.	

Другим инструментом, способным вызвать заинтересованность к России в СРВ, является потенциал субъектов Российской Федерации, при помощи которых во Вьетнаме проводятся адресные мероприятия для бизнесменов, к примеру, сотрудников сферы туризма, с целью обоюдного привлечения инвестиций, где, безусловно, имеются перспективы для деятельности и применения сразу двух инструментов «мягкой силы»: русского языка и достаточно молодого направления – «содействия международному развитию».

Учитывая изложенное, представляется, что российская «мягкая сила» во Вьетнаме должна консолидировать усилия всех ведомств и организаций, участвующих во внешнеполитической деятельности.

Таким образом, определяя «мягкую силу» как основу гуманитарной политики в целом, следует отметить, что это, безусловно, эффективный инструмент воздействия. При этом главным преимуществом ее применения является добровольный переход объекта своего воздействия на сторону субъекта, разделяя при этом ценности и убеждения последнего.

В условиях жесткой конкурентной борьбы среди стран за влияние во Вьетнаме, России следует четко определиться со стратегией, инструментами и институтами-исполнителями «мягкой силы», с учетом того, что одним из слабых мест при реализации российской «мягкой силы» во Вьетнаме является существенная разница в присутствии российских структур и институтов, представляющих интересы других государств на территории СРВ, занимающихся гуманитарной политикой.

При этом отечественная внешнеполитическая стратегия гуманитарного сотрудничества должна отталкиваться не от общих взглядов о Вьетнаме, а создаваться на основе всестороннего анализа обстоятельств взаимодействия, максимально принимать во внимание условия, оказывающие влияние на протекающие политические процессы в этой стране, иметь системный подход и давать прогноз возможным переменам в развитии двусторонних отношений. Другими словами, по причине отсутствия концептуального подхода при обращении к высокоэффективному инструменту гуманитарной политики – «мягкой силе» упор делается на получение моментального, быстрого результата или предпринимается попытка единоличной реализации какого-либо российского проекта без учета возможных рекомендаций официально представленных российских организаций во Вьетнаме. В этом контексте необходим консолидированный и системный подход со стороны государственных и общественных российских организаций при взаимодействии с вьетнамской стороной.

Вместе с тем, принимая во внимание многочисленность прослойки населения Вьетнама, традиционно испытывающей симпатию к РФ, а также другие перспективные ресурсы «мягкой силы», находящиеся в распоряжении у России, наша страна располагает внушительным потенциалом для эффективной реализации гуманитарных проектов с учетом представительств как государственных, так и общественных структур. Хорошим подспорьем для переосмысления ситуации мог бы выступить объявленный в 2019–2020 гг. перекрестный год, призванный дать новый импульс развитию отношениям дружбы, многостороннего сотрудничества и всеобъемлющего стратегического партнерства между Россией и Вьетнамом [22].

Список литературы

1. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 года. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045?index=1&rangeSize=1> (Дата обращения: 12.06.2019).

2. Россия хочет развивать отношения всеобъемлющего стратегического партнерства с Вьетнамом. URL: <https://www.nhandan.com.vn/thegioi/tin-tuc/item/40498802-nga-mong-muon-phat-trien-quan-he-doi-tac-chien-luoc-toan-dien-voi-viet-nam.html> (Дата обращения: 5.06.2019)
3. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества от 18 декабря 2010 года. URL: <https://legalacts.ru/doc/osnovnye-napravleniya-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-sfere/> (Дата обращения: 13.06.2019).
4. Боришполец К.П. Публичная дипломатия: прагматичный взгляд на разнообразие реального опыта / К.П. Боришполец // Международная аналитика. – 2018. – № 1 (23). – С. 22–31. URL: https://imi.elpub.ru/jour/article/view/83?locale=ru_RU (Дата обращения: 12.06.2019).
5. Бурлинова Н. Концепция внешней политики РФ (2016) и проблема «мягкой силы» России / Н. Бурлинова. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/1526> (Дата обращения: 13.06.2019).
6. Великая А.А. Политические аспекты взаимодействия в гуманитарной сфере государств – участников СНГ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.04 / Великая Анна Алексеевна. – Москва. – 2014. – 30 с.
7. Казаков М.А. Гуманитарная безопасность как основание внутренней политики современной России / М.А. Казаков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социология и социальная работа. Серия Социальные науки. – 2013. – № 1 (29). – С. 22–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gumanitarnaya-bezopasnost-kak-osnovanie-vnutrenney-politiki-sovremennoy-rossii> (Дата обращения: 13.06.2019).
8. Кошель А.С. Гуманитарная политика Российской Федерации в контексте интеграции на Евразийском пространстве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.04 / Кошель Алексей Сергеевич. – Москва, 2015. – 26 с. – URL: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01008035163.pdf> (Дата обращения: 14.06.2019).
9. Хенкерцс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право: пер. с англ. / Международ. ком. Крас. Креста. – М.: Международ. ком. Крас. Креста, 2006. – Т.1 : Нормы, 2006 – 818 с.
10. Зонова Т.Е. Гуманитарное сотрудничество России и Европейского союза как инструмент «мягкой силы» / Т.Е. Зонова. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-evropeyskogo-soyuza-ka/> (Дата обращения: 16.06.2019)
11. Nye Jr. J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. – 192 p.
12. Nye J.S. A Smarter Superpower. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/10/13/a-smarter-superpower/> (Дата обращения: 17.06.2019).
13. Nye J.S. The War on Soft Power. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/04/12/the-war-on-soft-power/> (Дата обращения: 17.06.2019).
14. Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России / П. Паршин. – М. : МГИМО-Университет, 2013. – 37 с.
15. Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства / О.Г. Леонова // Обозреватель Observer. – № 4. – 2013. – С. 27–40. - URL: http://observer.materik.ru/observer/N4_2013/027_040.pdf (Дата обращения: 18.06.2019).
16. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации / Филимонов Г.Ю. // Закон и право. – 2013. – № 9. – С. 24–36.
17. Рейтинг «Soft Power 30». URL: <https://softpower30.com/what-is-soft-power/> (Дата обращения: 18.06.2019).
18. Hồ Quang Lợi «Nước Nga: hành trình tới tương lai», Nhà xuất bản Hà Nội, 2017, trang 63–66.
19. Несколько причин для получения высшего образования в России. URL: <http://duhocfpt.edu.vn/nhung-ly-do-nen-di-du-hoc-nga/> (Дата обращения: 1.09.2019)
20. Постановление Правительства Российской Федерации от 2013 года № 891. URL: <http://government.ru/docs/7126/> (Дата обращения: 18.06.2019).
21. Официальный сайт Главэкспертцентра – Федеральная служба по надзору в сфере образования. URL: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/collaboration/agreem_coop_Vietnam_2005 (Дата обращения: 19.06.2019).

22. Перекрестный год призван стимулировать отношения всеобъемлющего стратегического партнерства с Россией. URL: <http://dangcongsan.vn/kinh-te/thuc-day-quan-he-doi-tac-chien-luoc-toan-dien-viet-nam--lien-bang-nga-534153.html> (Дата обращения: 5.09.2019)

Shafinskaya N.V. "Soft Power" as an Instrument of Humanitarian Policy of Russia and Problems its Implementation toward to Vietnam // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 149–161.

The ever-increasing role of the regions of the world makes us pay attention to new "centers of power" emerging in Asia. One of these points of attraction are the countries of Southeast Asia, where special interest is the traditional and strategic partner of Russia - Socialist Republic of Vietnam. Using the tools of "soft power" in the country leads to consider this phenomenon as a humanitarian policy, which Russia needs to activate. At the same time, the domestic foreign policy strategy for humanitarian cooperation should not be based on general views on Vietnam, but should be created on the basis of a comprehensive analysis of the circumstances of the interaction, take into account the conditions that influence the ongoing political processes in this country, have a systematic approach and forecast possible changes in the development of bilateral relations. In this context, a consolidated and systematic approach is needed on the part of state and public Russian organizations in cooperation with the Vietnamese side.

Key words: "soft power", humanitarian policy, Vietnam, Russia.

References

1. Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii ot 30 noyabrya 2016 goda [The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation of November 30, 2016] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045?index=1&rangeSize=1> (Accessed: 12.06.2019).
2. Rossiya khochet razvivat' otnosheniya vseob'yemlyushchego strategicheskogo partnerstva s V'yetnamom [Russia Wants to Develop a Comprehensive Strategic Partnership with Vietnam] URL: <https://www.nhandan.com.vn/thegioi/tin-tuc/item/40498802-nga-mong-muon-phat-trien-quan-he-doi-tac-chien-luoc-toan-dien-voi-viet-nam.html> (Accessed: 5.06.2019)
3. Osnovnyye napravleniya politiki Rossiyskoy Federatsii v sfere mezhdunarodnogo kul'turno-gumanitarnogo sotrudnichestva ot 18 dekabrya 2010 goda [The Main Directions of the Policy of the Russian Federation in the Field of International Cultural and Humanitarian Cooperation of December 18, 2010]. URL: <https://legalacts.ru/doc/osnovnyye-napravleniya-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-sfere/> (Accessed: 13.06.2019).
4. Borishpolets K.P. Publichnaya diplomatiya: pragmatichnyy vzglyad na raznoobraziye real'nogo opyta [Public Diplomacy: A Pragmatic Look at the Variety of Real Experience]. Mezhdunarodnaya analitika [International Analytics]. 2018, № 1 (23), p. 22–31. URL: https://imi.elpub.ru/jour/article/view/83?locale=ru_RU (Accessed: 12.06.2019).
5. Burlinova N. Kontseptsiya vneshney politiki RF (2016) i problema «myagkoy sily» [The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation (2016) and the Problem of "Soft Power" of Russia]. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/1526> (Accessed: 13.06.2019).
6. Velikaya A.A. Politicheskiye aspekty vzaimodeystviya v gumanitarnoy sfere gosudarstv – uchastnikov SNG [Political Aspects of Interaction in the Humanitarian Sphere of the CIS Member States]. Extended abstract of candidate's thesis, Moscow, 2014, 30 p.
7. Kazakov M.A. Gumanitarnaya bezopasnost' kak osnovaniye vnutrenney politiki sovremennoy Rossii [Humanitarian Security as the Basis of the Domestic Policy of Modern Russia]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Sotsiologiya i sotsial'naya rabota. Seriya Sotsial'nyye nauki [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Sociology and social work. Social Science Series]. 2013, № 1 (29), p. 22–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gumanitarnaya-bezopasnost-kak-osnovanie-vnutrenney-politiki-sovremennoy-rossii> (Accessed: 13.06.2019).

8. Koshel' A.S. Gumanitarnaya politika Rossiyskoy Federatsii v kontekste integratsii na Yevraziyskom prostranstve [The Humanitarian Policy of the Russian Federation in the Context of Integration in the Eurasian Space]. Extended abstract of candidate's thesis, Moscow, 2015, 26 p. URL: https://newdisser.ru/_avtoreferats/01008035163.pdf (Accessed: 14.06.2019).
9. Khenkerts ZH.-M., Dosval'd-Bek L. Obychnoye mezhdunarodnoye gumanitarnoye parvo [Customary International Humanitarian Law]. Moscow, Mezhdunarod. kom. Kras. Kresta, 2006, Vol. 1, 2006, 818 p.
10. Zonova T.Ye. Gumanitarnoye sotrudnichestvo Rossii i Yevropeyskogo soyuza kak instrument «myagkoy sily» [Humanitarian Cooperation between Russia and the European Union as an Instrument of "Soft Power"]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-evropeyskogo-soyuza-ka/> (Accessed: 16.06.2019)
11. Nye Jr. J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, Public Affairs, 2004, 192 p.
12. Nye J.S. A Smarter Superpower. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/10/13/a-smarter-superpower/> (Accessed: 17.06.2019).
13. Nye J.S. The War on Soft Power. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/04/12/the-war-on-soft-power/> (Accessed: 17.06.2019).
14. Parshin P. Problematika «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossii [The Issue of "Soft Power" in the Foreign Policy of Russia]. Moscow, MSIIR-Universitet, 2013, 37 p.
15. Leonova O.G. Myagkaya sila – resurs vneshney politiki gosudarstva [Soft Power is a Resource of State Foreign Policy]. Obozrevatel' [Observer]. 2013, №4, p. 27–40. – URL: http://observer.materik.ru/observer/N4_2013/027_040.pdf (Accessed: 18.06.2019).
16. Filimonov G.YU. Aktual'nyye voprosy formirovaniya strategii «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossiyskoy Federatsii [Actual Issues of the Formation of the Strategy of "Soft Power" in the Foreign Policy of the Russian Federation]. Zakon i pravo [Law and Right]. 2013, № 9, P. 24–36.
17. Reyting «Soft Power 30» [Rating "Soft Power 30"]. URL: <https://softpower30.com/what-is-soft-power/> (Accessed: 18.06.2019).
18. Hồ Quang Lợi «Nước Nga: hành trình tới tương lai», Nhà xuất bản Hà Nội, 2017, trang 63–66.
19. Neskol'ko prichin dlya polucheniya vysshego obrazovaniya v Rossii [Several Reasons for Higher Education in Russia] URL: <http://duhocpt.edu.vn/nhung-ly-do-nen-di-du-hoc-nga/> (Accessed: 1.09.2019)
20. Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 2013 goda № 891 [Decree of the Government of the Russian Federation of 2013 No. 891]. URL: <http://government.ru/docs/7126/> (Accessed: 18.06.2019).
21. Ofitsial'nyy sayt Glavexpertsentra – Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere obrazovaniya [The Official Website of the GlavExpertcentre - Federal Service for Supervision of Education]. URL: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/collaboration/agreem_coop_Vietnam_2005 (Accessed: 19.06.2019).
22. Perekrestnyy god prizvan stimulirovat' otnosheniya vseob'yemlyushchego strategicheskogo partnerstva s Rossiyey [Cross Year is Designed to Stimulate a Comprehensive Strategic Partnership with Russia]. URL: <http://dangcongsan.vn/kinh-te/thuc-day-quan-he-doi-tac-chien-luoc-toan-dien-viet-nam--lien-bang-nga-534153.html> (Accessed: 5.09.2019)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 5 (71). 2019. №4 С. 162–168

УДК 008:331.

**РЕЦЕНЗИЯ КУЛЬТУРОЛОГА НА КОЛЛЕКТИВНУЮ
МОНОГРАФИЮ «МНОГОГРАННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА:
КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ». – М.: СОГЛАСИЕ, 2019. –
296 С. ISBN 978-5-907038-26-4**

Берестовская Д. С.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская
Федерация*

E-mail: verynya.58@gmail.com

Государственная политика Российской Федерации направлена на развитие экономики, социальной жизни, образования, науки, экологии. Все эти сферы так или иначе связаны с феноменом человеческого капитала, который стал активно изучаться с 90-х годов прошлого века. Внимание исследователей изначально было направлено на экономические основания феномена, сейчас же происходит смена тенденции, вперёд выдвигают культурные и социальные основания человеческого капитала. В рецензируемой монографии формулируется новый подход, отвечающий модернизационному вектору государственной политики и современным глобальным вызовам. В ходе обсуждения многогранности феномена человеческого капитала особое место отводится роли творческого потенциала личности. Анализируемая монография может выступить в качестве учебного материала во многих курсах магистратуры и аспирантуры, направленных на обучение управлению в социокультурной сфере, управлению персоналом, культурному менеджменту.

Ключевые слова: человеческий капитал, творчество, творческий капитал, проектная деятельность, модернизация.

Заслуживающим внимание ответом на проблемы развития российской культуры XXI столетия стало обращение к парадигме «целостного человека», предполагающее развитие личности, общества и культуры с опорой не только на разум, но и на другие сущностные способности человека. Данная парадигма стала отправной точкой исследования для авторов коллективной монографии «Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания» [1], раскрывших «человеческий капитал» как значимое интегративное явление и один из структурных элементов национального богатства. В это интегративное целое закономерно включён и культурный капитал, сочетающийся с нравственным, гуманистическим содержанием.

Необходимо отметить междисциплинарный характер исследования, позволивший раскрыть феномен человеческого капитала в его теоретическом, историческом и прикладном аспектах. Международный авторский коллектив составляют восемь докторов философских наук, три доктора культурологии, два доктора наук в области управления, доктор социологии, несколько кандидатов наук и ведущий специалист в области развития человеческого капитала. Учёные представляют несколько главных научных центров Российской Федерации – Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Научно-образовательный центр «Гражданское общество и социальные коммуникации», Арктический государственный институт культуры и искусств, – а также Международную Ассоциацию Университетских Профессоров и Доцентов (IAUPL).

Усилия авторов направлены на создание исчерпывающей культурологической трактовки человеческого капитала, а также обоснованию культуры, одного из элементов феномена, в качестве смылосозидающей силы, способной направить цивилизационный процесс в гуманистическое русло. Многоуровневость человеческого капиталараскрыта с трёх позиций: историко-теоретической (главы 1, 2, 3), научно-прикладной (глава 4) и практико-управленческой (глава 5).Общее редактирование выполнили профессора О. Н. Астафьева и О. В. Шлыкова, чей огромный опыт в сфере управления и авторитет среди специалистов позволил наилучшим образом отобрать и систематизировать актуальные материалы.

Основное смысловое ядро понимания «человеческого капитала» сложилось в трудах отечественных и зарубежных учёных, убедительно доказавших, что благосостояние людей прежде всего зависит от накопленных знаний, навыков и успешных практик, передаваемых не только институтами и не являемых исключительно экономикой [2].

В анализируемой монографии особенное внимание уделено культурно-исторической специфике феномена, освещены цивилизационные тренды и их актуальные проявления, в том числе связанные с экономическими преобразованиями [1, С. 13]. Эти проблемырассмотренычерез призму соотношения традиций и новаторства.

Следует обратить внимание на роль «гуманитарного поворота» в контексте инновационного управления.В первом разделе монографии подчёркивается значение творческого подхода к проблеме формирования роли «творческого капитала», к гуманитарным ценностям и идеалам. Всё это обуславливает актуальность привнесения в творения культуры новых смыслов, роль которых – решение проблем человека в информационном обществе.

В условиях антропологического кризиса современности, в контексте стратегий государственной культурной политики как творческого ядра «человеческих инвестиций», что подчёркивает значение данных «инвестиций» в интеллектуальную культуру общества, выделим ещё раз: в коллективной монографии обосновывается творческая, духовная и интеллектуальная сущность

культуры, роль «человеческого кода» в её развитии, в контексте единства «науки и мировоззрения»[1, С. 33].

Таким образом, человеческий капитал рассматривается как формирование благоприятного социального климата, значительную роль в котором играют врождённые способности людей, их образованность, квалификация – все эти факторы характеризуют новую парадигму, обеспечивающую успехи экономического и социокультурного роста, определяющего процветание государства.

Уже в первой главе монографии поставлена проблема «человека как ценности и как проблемы», социально-гуманитарные аспекты понятия «человеческий капитал», где установлена взаимосвязь культурного капитала и природного капитала, человеческого капитала в культурологическом измерении [1, С. 21-61].

Анализ данных феноменов обосновывает необходимость социальных, культурно-нравственных достижений, позволяет сформулировать идеи включения в человеческий капитал материалов, основанных на позитивных инновациях в разных сферах индивидуальности людей; авторы подчёркивают «общественно значимые явления, раскрывающие «ценности человека», «идеи целостного человека», включающие в человеческий капитал идею «социального и культурного капитала» (культуры, науки и образования, как производящих сфер)[1, С. 14].

Исследователь В. С. Зайцев отмечает, что в системе онтологических оснований и экзистенциальных проблем человечества творчество занимает ключевое место. Его высокое назначение, роль которого (в целом и в идеале) и обществом, и властью, и наукой, и бизнесом, и другими социальными субъектами и институтами ... есть показатель качества человеческого капитала. Всё это свидетельствует о формировании новой парадигмы, основанной на процессах социокультурной модернизации, подходе к инновационному управлению, как к инструменту реализации культурной политики России, позитивных инновациях, фундаментальных на «креативной экономике знаний», инвестировании в культурное развитие наций, которое должно являться «важнейшим фактором развития человеческого капитала, для чего необходимо выработать государственную политику на основе новых экономических подходов к культуре» [1, С. 39].

Профессор О. Н. Астафьева особое внимание уделяет именно роли «человека культуры», его формированию и деятельности, освоению теории и практики, соответствующих «историческому времени и социокультурной ситуации», а также «личностному саморазвитию», способности к творческой деятельности.

Автор утверждает, что «состояние человеческого капитала проецируется» на состояние всей культуры, «аккумулируется в социальном опыте», но не только: в том числе, в здоровье, в гибкости и мобильности людей», т.е. складывается сложная картина, включенная в процессы социокультурной жизни человечества [1, С. 33]. Отмечается также, что культура является не только основой формирования личности, но и одной из сфер жизнедеятельности общества, способной «совместить

понятие культуры и экономики», из чего следует необходимость поисков новых «срезов и оснований». Исходя из этого, профессор О. Н. Астафьева формулирует обобщающий вывод, раскрывающий сущность культурных универсалий, которые являются не только основой формирования личности, но и – процветания страны [1, с. 13–18].

Во второй главе «Человеческий капитал в культурно-историческом и цивилизационном контексте России» И. В. Кондаков предлагает рассматривать «нравственный и умственный идеал», обусловленный «высшей мудростью», в качестве определения сущности различных эпох развития культуры. Но для нас особенно важна эпоха российской культуры начала XX столетия – «Серебряный век».

Опираясь на терминологию М. С. Кагана – «историческая культурология» – (обсуждение этой концепции активно идёт в культурологии), профессор И. В. Кондаков рассматривает своеобразие культуры Серебряного века в «культурно-историческом контексте», выделяя «трёхуровневую систему смыслов»: «снятого», «актуального» и «потенциального» содержания – «трёхэтажная конструкция» [см. 3].

Неопубликованные тексты мыслителей Серебряного века представляются «снятым» содержанием: это произведения, получившие возможность публикации, открытого обсуждения только в наше время. Так, ранние произведения А. Ф. Лосева (1893–1988) были опубликованы в 90-е годы XX века. Та же судьба у исследований П. А. Флоренского. Издание, рассматриваемое в статье профессора – «Высший синтез. Неизвестный Лосев» – опубликовано в 2005 году [4].

И. В. Кондаков утверждает, что метод, основанный на таком материале, как исследование этапов, сменяющих друг друга во времени в развитии культуры, видится простой линейной цепочкой «культурных парадигм»: профессор выступает против описательного изучения «этапов истории» как простой последовательности, поскольку это приводит к утрате понимания сути этих эпох, механизмов преемственности, а сами культурные парадигмы становятся неочевидными [1, С. 9–20]. Исследование архитектоники культуры должно осуществляться на иных основаниях: моделироваться одновременно по горизонтали и по вертикали.

В монографии описаны пути развития региональной системы управления, накапливающих «человеческий капитал» посредством поддержки самых разных проектов – «имиджевых, просветительских, фестивальных, этнокультурных, научных, экологических, туристских и других, запуская механизмы развития и радикальных преобразований» [1, С. 121]; «центральными становятся вопросы об укреплении человеческого капитала территории» посредством практико-ориентированных проектов и социальных лифтов, позволяющих определить «пути гармонизации традиций и новаций в контексте задач социокультурной модернизации» [1, С. 121]. Профессор О. В. Шлыкова отмечает, что социокультурный контекст определяет пути гармонизации традиций и инноваций в контексте задач культурной модернизации.

Обращаем внимание на то, что в условиях социокультурной модернизации выделяются ценностные ориентиры для воспроизводства и/или конституирования

традиционных матриц человеческого капитала, позволяющих перейти к новым управленческим технологиям, отвечающим многосубъектности современной культурной политики. Авторы утверждают, что основные концепции культурной политики («динамический консерватизм», «модернизация традиционности», «креативная традиционность» или «инновация канонического») поддерживают целостность ценностно-смыслового ядра культурной политики и др.

Авторы обращаются и к позициям Ю. М. Лотмана в ходе постановки современных задач, связанных со «стимулированием активной культуротворческой деятельности» – создания условий для творческой деятельности самореализации разных слоёв населения и поддержки конкурентной среды, введение новых управленческих технологий и др. [1, С. 125].

Обратим внимание на третью главу – «Развитие человеческого капитала: культурная политика и ресурсы культуры в социальном управлении», где указанные проблемы связываются с идеей «эффективного развития» [1, С. 95]. Тенденции современной культуры, как считают авторы, изменили облик науки, что отразилось в «интеллектуальном и кадровом обеспечении и повлияло на вопросы формирования человеческого капитала как своего рода исторической экспертизы» [1, С. 95]. Авторы указывают на отсутствие чёткого представления о дальнейшем развитии с существующих позиций философии культуры и ссылаются на работу «Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности» Ш. Бегельдейна и Р. Маселанда. Отмечается также, что «смена парадигмы развития после распада СССР», происходящие изменения в науке, приводят «к тому же и в политике, и в её интеллектуальном и кадровом обеспечении в вопросах формирования человеческого капитала» [1, С. 95].

Авторы обращают внимание на культурно-историческую специфику общества; утверждают, что в культурно-историческом контексте следует рассматривать и «разломы истории», ставят задачи «обращения к европейскому опыту, в частности, изучения отечественных исследований по данной проблеме, например, многотомного труда М. Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры», в котором мыслитель создал картину естественного многовекового культурно-исторического пути Руси-России как истории развития культуры» [1, С. 402], а также работы В. О. Ключевского, П. Сорокина [5].

Представляется очень важным сделанные в монографии акценты на феномены «культурного наследия» и «искусства», характеризующие место культуры как ядра, которое определяет качество «человеческого капитала»; оценку роли культурной и цивилизационной самоидентификации представителей «российской государственности», культуры, созданной в переломные моменты «российской истории» [6].

В научно-практической части коллективной монографии проводится анализ роли библиотек в управлении развитием культурного и человеческого капитала. По мнению авторов, библиотека выступает ключевым звеном к устойчивой модернизации человеческого капитала. Она возможна ввиду способности библиотек сохранять и накапливать культурный капитал (в материальной форме –

книги, документы на любых носителях, в нематериальной – информация и знания);распределять культурный капитал между поколениями;поддерживать жизнеспособность человеческой цивилизации (благодаря информации и знаниям);обеспечивать безопасность в использовании культурного капитала путём верификации информации и знаний с первоисточниками;участвовать в формировании человеческого капитала, обеспечивая доступность к информации и знаниям. В зарубежном библиотековедении выделяется три категории «эффектов» при полной реализации потенциала рассматриваемого культурного института: воздействие на общество, воздействие на навыки и умения населения, воздействие на экономику.Мыслители констатируют общий вывод: современное положение библиотек недооценивается.

Безусловным достоинством монографии представляется тот факт, что в ней преодолеваются сугубо «стоимостные подходы» к вопросам человеческого капитала и выдвигаются вперёд культурные и социальные основания изучаемого явления, творческие способности человека.Освещенные в работе актуальные темы представляют большой интерес с теоретической и практической точки зрения. Материалы монографии могут быть применены в научных исследованиях, образовательном процессе, «практике управления в социокультурной сфере».

Список литературы

1. Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания: коллективная монография / общ. ред. и сост. О. Н. Астафьева, О. В. Шлыкова. – М.: Согласие, 2019. – 296 с.
2. Данилов И. Я., Фирсова М. А. Эволюция содержания и сущности понятия «человеческий капитал» в России и за рубежом // *Общество*. – 2019. – № 1 (12). – С. 29–34.
3. Кондаков И. В. Архитектоника культуры как метод исторической культурологии // *Историческая культурология как научная и образовательная дисциплина*. – СПб.: Астерион, 2013. –С. 9–20.
4. Лосев А. Ф. Высший синтез. Неизвестный Лосев / А. Ф. Лосев. – М.: ЧеРо, 2005. – 262 с.
5. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М.: Политиздательство, 1993. – 198 с.
6. Мамедова Ф. Т. Человеческий капитал: возможности культурологического подхода к анализу и оценке // *Культурологический журнал*. – 2012. – № 1. – С. 1–6

Berestovskaya D.S. Review of the Culturologist on the Collective Monography “Diversity of Human Capital: Cultural and Social Bases” // *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology*. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 162–168.

The public policy of the Russian Federation is aimed at the development of the economy, social life, education, science, ecology. All these areas are connected with the phenomenon of human capital, which has been actively studied since the 90s of the last century. Researchers' attention was initially directed to the economic aspect of the phenomenon. Now there is a change in trend, the cultural and social foundations of human capital are in the spotlight. The authors of the monograph formulate a new paradigm that corresponds with the modernization vector of public policy and contemporary global challenges. In the discussion of the nature of the phenomenon of human capital, a special place is given to the role of the creative potential of the individual. The book will be useful for graduate students of various specialties. It is the reliable source of information for studying management in the sociocultural sphere, HR management, and cultural management.

Key Words: human capital, creation, creative potential, project activities, modernization

References

1. Mnogogrannost' chelovecheskogokapitala: kul'turnyeisocial'nyeosnovaniya [Versatility of the Human Capital: Cultural and Social Bases]. Moscow, Soglasie, 2019, 296 p.
2. Danilov I. YA., Firsova M. A. Evolyuciya soderzhaniya I sushchnosti ponyatiya «chelovecheskij kapital» v Rossii I za rubezhom [The Evolution of the Content and Essence of the Concept of "Human Capital" in Russia and Abroad]. Obshchestvo [Society]. 2019, № 1 (12), p. 29–34.
3. Kondakov I. V. Arhitektonika kul'tury kak metod istoricheskoy kul'turologii [Architectonics of Culture as a Method of Historical Cultural Studies]. Istoricheskaya kul'turologiya kak nauchnaya I obrazovatel'naya disciplina. [Historical Culturology as a Scientific and Educational Discipline]. Saint Petersburg, Asterion, 2013, 154 p.
4. Losev A. F. Vysshij sintez. Neizvestnyj Losev [Supreme Synthesis. Unknown Losev]. Moscow, CHeRo, 2005, 262 p.
5. Sorokin P. A. Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo [Human. Civilization. Society]. Moscow, Politizdatel'stvo, 1993, p. 198.
6. Mamedova F. T. Chelovecheskij kapital: vozmozhnosti kul'turologicheskogo podhoda k analizu I ocenke [Human Capital: the Possibilities of a Culturological Approach to Analysis and Evaluation]. Kul'turologicheski jzhurnal. [Journal of Culturology]. 2012, № 1, p. 1–6.

УДК: 008:812.512.162

ПЕРЕСОЗДАНИЕ МИРА: МОДЕРНИСТСКИЙ КОЛЛАЖ В ТВОРЧЕСТВЕ ОРХАНА ВЕЛИ

Володин А. Н., Житова Д. Е.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская
Федерация*

E-mail: stburah@gmail.com

E-mail: jitova_darina@mail.ru

Статья посвящена специфической стратегии организации знаковой системы – коллажу – в творчестве турецкого авангардного поэта Орхана Вели. Данная стратегия распространилась в начале XX века среди представителей революционных художественных направлений в связи с эффективностью коллажа как средства ресемантизации знакового универсума культуры. Уникальными достоинствами этой техники по сравнению с другими стали простота в применении, наглядность и универсальность. Коллажирование не является ведущим приемом в творчестве Орхана Вели, но значимо в контексте идей обновления поэтического языка, посредством которого автор намерен непосредственно повлиять на новую для турецкой поэзии аудиторию – массы. Описаны особенности использования техники в творчестве поэта на примере трех стихотворений и отрывка из манифеста движения Garip, приведенных в авторском переводе, даны причины поиска турецким авангардом нового поэтического языка и обращения Вели к коллажу. На основе проведенного исследования авторами сделан следующий вывод: причинами выбора Орханом Вели коллажа в качестве художественной техники стали культурные, социальные и политико-экономические изменения в Турции в первой половине XX века. Коллаж на символическом уровне конструирует и описывает новый мир, в котором все феномены действительности переданы во владение пролетариату.

Ключевые слова: техника коллажа; симультанный стих; авангардизм; модернизм; турецкий авангард; движение Garip; Орхан Вели.

С первой трети XX века во многих сферах культуры укоренились новые стратегии организации знаковых систем, среди которых важное место заняла техника коллажа: конъюнктивное соединение разнородных элементов в целостный текст. Распространение изначально маргинальной стратегии было реакцией на сложную социокультурную обстановку рубежа веков, когда большинство существующих культурных конвенций оказались недействительными. Вместе с утратой смыслов возникло ощущение обреченности культуры и человека, что выразилось в концептах «findesiècle», «закат Европы», «кризис искусств», «голод личной веры».

В ответ на истощенность традиционных культурных форм появилось множество движений, одни из которых занимались культуркритикой, призывали к бунту и постулировали угасание прежнего мира, другие конструировали новые системы ценностных ориентиров, третьи пытались объединить эти интенции. Техника коллажа оказалась популярна среди представителей всех движений, поскольку проявила себя как эффективное орудие разоблачения абсурда социокультурной жизни, десемантизации и ресемантизации знаковых систем, гибким «каркасом» для установления новых синтаксических отношений между знаками.

Ревизия знаков, их референтов и концептов производилась с целью «вернуть» языкам культуры те значения, через которые человек смог бы правдиво воспринять действительности. Коллаж и коллажное мышление играли в этом процессе значимое место (это характерно и для дадаистов, и для кубизма, и для русского авангарда 1910–1920 -х годов)[1].

Впоследствии, вместе с крушением надежд на переустройство мира, коллажная знаковая организация стала одним из основных способов мировосприятия эпохи постмодерна (наряду с ризомой, хаосмосом и пр.), проникла в различные сферы культуры и оказалась актуальным предметом научного исследования. На современном этапе развития отечественной гуманитаристики коллаж стал многозначным понятием, которое изучается в самых различных дискурсах: культурологическом [2], литературоведческом [3], урбанистическом [4], киноведческом [5], педагогическом [6], музыковедческом [7] и др. Зачастую коллаж рассматривают в отрыве от истории его генезиса в культуре в качестве статической семиотической схемы. На наш взгляд, осмысление истоков феномена способствует лучшему пониманию его динамики, функционального потенциала, специфики использования в рамках разных культур.

Коллажное мышление, обычно ассоциируемое с дадаистами, возникло и в других авангардных направлениях, в том числе и за пределами западной ойкумены. Данное исследование направлено на выявление причин обращения к коллажной технике «культового» поэта Орхана Велли, лидера турецкого авангардного движения Garip (1941–1950), а также описание некоторых специфических черт данной техники в творчестве поэта. Для реализации поставленной цели необходимо реконструировать социокультурный контекст творчества поэта; эксплицировать факторы, обусловившие употребление новой стратегии организации знаковых систем; охарактеризовать роль и предназначение коллажной техники.

Преобразование коллажа из техники изобразительного искусства в универсальный принцип построения текстов совершили представители авангардного искусства: они обнаружили способность художественного приема опрокидывать конвенциональную семантику знаков, критиковать целостность существующей системы представлений о действительности. Новый способ конструкции текстов распространился на все виды искусств, а впоследствии был провозглашен постмодернистами в качестве всеобщего «принципа организации культурного пространства» [8, с. 368].

Существует несколько точек зрения на способность техники коллажа структурировать языки искусств. Они не противоречат друг другу, поскольку

внимание исследователей направлено на различные уровни языковой структуры. А. П. Сковородников указывает на роль коллажа как *словообразовательного* принципа и указывает на типы контаминации слов: междусловное наложение, внутрисловная вставка, словообразование по аналогии, словосложение [9]. Коллаж как *текстообразующий* принцип теоретически обоснован Вальтером Бенямином и использован им в книге «Пассажи». Литературное произведение становится смонтированным из различных цитат (от газетных вырезок до поэтических строк) текстом. Из этого проистекает частое употребление родственного термина «монтаж» [10, с. 55]. И, наконец, коллаж может выступать как особый принцип мирозидения.

Рассматривая этот последний уровень, современные исследователи различают в искусстве модернистский и постмодернистский коллаж: первый позволяет художнику моделировать новый образ действительности и «передает зрителю ощущение симультанности: он как бы видит одну и ту же вещь одновременно с разных точек зрения» [11, с. 107]. Второй – является набором разнотипных фрагментов, которые остаются на полотне неизменными, не способными трансформироваться в единый художественный образ. Он воплощает собой «видение мира в качестве принципиально плюрального, хаотизированного и фрагментированного» [12, с. 369].

Поэтику модернистского коллажа мы встречаем у Орхана Вели Канька (1914–1950) – турецкого поэта, основателя (вместе с поэтами Октаем Рифатом и Мелихом Джеветом) и лидера авангардного движения *Garip* (с турецкого – «Странный»). Его представители манифестировали необходимость революционных изменений во всех сферах жизни турецкого народа, в частности создания новой национальной литературы, которая бы не только соответствовала новым социокультурным реалиям, но и обратилась бы к новой аудитории – рабочему классу. Обновление языка стало одним из этапов по переосмыслению и переозначиванию турецкой действительности. Отвергнув все традиционные поэтические средства, представители авангардного движения взяли в основу своего стиля наивизм, минимализм, иррационализм. Несмотря на культовый статус Орхана Вели в турецкой культуре середины XX века [13], его жизнь и творчество, равно как и вторая волна авангарда в Турции, остаются малоисследованными.

Движение окончательно оформилось в 1941 году вместе с публикацией одноименного манифеста. В нем Орхан Вели и его товарищи призывали других поэтов и интеллектуалов использовать простой язык, принятый в повседневной жизни, а также отказаться от силлабического стиха, аруза, сравнения (*teşbih*), рифмы (*kafiye*) и метафоры (*istiâre*). Эти требования к новому художественному языку вписаны в общий контекст языковой реформы. В 1928 году по приказу Ататюрка старый османский алфавит на основе арабского был заменен новым, на основе латиницы. С одной стороны, этот простой алфавит сделал образование доступным для широких народных масс и значительно повысил грамотность населения, читать и писать отныне умели все слои общества, а не только элита. С другой стороны, прочтение всех текстов, написанных до реформы алфавита, стало практически невозможным.

Перед поэтами встала задача создания нового поэтического языка, понятного и привлекательного для турецкого народа. Необходимость создания такого языка сам Вели объяснял усилением роли пролетариата в жизни и экономике Турецкой Республики. После экономических реформ Турция стремительно переходила от аграрного типа хозяйствования к индустриальному производству, из-за чего рабочий класс стал основной силой, поддерживающей государство и обеспечивающей его развитие. В манифесте Вели писал(здесь и далее – перевод Д. Е. Житовой): «Традиционная поэзия сегодня раба буржуазной культуры, а ранее – религии, и, до Индустриальной Революции – феодализма, всегда была обращена к высшим слоям общества... Однако эстетика новой поэзии должна соответствовать образу рабочего. Отныне рабочий класс отстаивает свое право на жизнь после решительной борьбы. Новая поэзия принадлежит ему и к нему должна быть обращена»[14, с. 22].

Поэтическое наследие Орхана Вели невелико: оно составляет менее двухсот стихотворений, но каждое свидетельствует о поиске нового художественного языка, способного к полноценному означиванию современного социокультурного мира. Одним из средств, используемых Вели для придания поэзии динамичности и выражения в ней духа времени, был коллаж. Он не является центральной поэтической техникой, его использование носит скорее бессознательный характер. В стихотворении «Sizin İçin» («Для вас») техника коллажа видна особенно ярко и выполняет сразу несколько функций.

*«Для вас, мои дорогие люди,
Все для вас,
Ночи для вас, дни для вас,
Солнца свет для вас, для вас и лунный свет,
Листья в лунном свете,
Мириады зеленого при свете дня,
Желтый для вас, и розовый.
Чувство кожи на ладони,
Ее тепло,
Ее мягкость,
Удобство лежать;
Для вас все приветствия
Корабли, отплывающие из гавани
Имена дней,
Имена месяцев,
Свежая краска на лодках для вас,
Стопы почтальона,
Руки гончара,
Пот на лбах,
Пули, разорванные на поле боя;
Могилы для вас и надгробия,
Темницы и кандалы, и смертные приговоры
Для вас.*

*Sizin için, insan kardeşlerim,
Her şey sizin için;
Gece de sizin için, gündüz de;
Gündüz gün ışığı, gece ay ışığı;
Ay ışığında yapraklar;
Yapraklarda merak;
Yapraklarda akıl;
Gün ışığında binbir yeşil;
Sarılar da sizin için, pembeler de;
Tenin avuca değişti,
Sıcaklığı,
Yumuşaklığı;
Yatıştaki rahatlık;
Merhabalar sizin için;
Sizin için limanda sallanan direkler;
Günlerin isimleri,
Ayların isimleri,
Kayıkların boyaları sizin için;
Sizin için postacının ayağı,
Testicinin eli;
Alınlardan akan ter,
Cepheelerde harcanan kurşun;
Sizin için mezarlar, mezar taşları,*

Все для вас»

*Hapishaneler, kelepçeler, idam cezaları;
Sizin için;
Her şey sizin için.*

В данном стихотворении коллаж образован путем использования разнородных, в некоторой мере противоречащих друг другу образов, их одновременном противопоставлении и объединении. Смещение возвышенного (описания светил и природы), интимного (описание телесности), бытового (повседневной жизни и труда) и безобразного (войны, смерти, заточения) придает картине яркость, реалистичность и в то же время гротескность. Сочетание возвышенного и низменного, искусственного и природного, бытового и незаурядного, отвратительного и прекрасного свойственно эстетике движения Garip, одновременно направленной на описание как действительной окружающей реальности во всей ее полноте, так и того, что находится за ее пределами. Коллаж, используемый поэтом, имеет черты потока сознания и каталога.

Коллажирование образов окружающего мира произведено поэтом с целью сдвинуть семантику, а вместе с ней и прагматику знакового универсума: Вели удваивает мир в языке, добавляя к смыслу каждого образа значение принадлежности адресату текста. Предшествовавший художественный язык имплицитно включает в себя устаревшее представление о социокультурном мире, он не удовлетворяет поэта: «Само устройство [литературы] должно быть полностью изменено. Чтобы освободиться от приземленного и удушающего влияния литературы, которая веками формировала и направляла наши волю и эстетику, мы должны отвергнуть все, чему эта литература учила нас. Мы должны избавиться от самого языка, ограничивающего нашу творческую деятельность, если это будет возможным» [15]. Стремление найти новый язык закономерно сопровождалось исключением из текстов приемов придворной и религиозной поэзии и возвращению к народной, в первую очередь, ашикской, с ее описаниями окружающей действительности. В стихотворных коллажах Орхана Вели отметим уникальные особенности данной стратегии организации знаковой системы: простота в применении (обусловленная принципиальной сочетаемостью любых материалов (знаков) на полотне), наглядность (стремление знака к визуальности, вторичная иконизация вербального языка в литературных произведениях), универсальность (способность конструировать в рамках одного произведения целостную модель мира). Эти особенности не менее ярко выражены в стихотворении «İstanbul’u Dinliyorum» (Я слушаю Стамбул):

*Я слушаю Стамбул, мои глаза закрыты
Сначала дует легкий ветерок;
Тихо-тихо колышутся
Листья на деревьях;
Далеко отсюда, очень далеко
Колокольчики водоносов непрерывно*

звонят

*İstanbul’u dinliyorum, gözlerim kapalı
Önce hafiften bir rüzgar esiyor;
Yavaş yavaş sallanıyor
Yapraklar, ağaçlarda;
Uzaklarda, çok uzaklarda,
Sucuların hiç durmayan çingirakları
İstanbul’u dinliyorum, gözlerim kapalı.*

Я слушаю Стамбул, мои глаза закрыты.
 Я слушаю Стамбул, мои глаза закрыты;
 Вдруг мимо пролетают птицы,
 Стаями, с высоты, крича и чирикая.
 Сети растянуты на рыболовных полях;
 Женщина барахтает ногами в воде;
 Я слушаю Стамбул, мои глаза закрыты.
 Я слушаю Стамбул, мои глаза закрыты;
 Спокойствие Крытого Базара
 Гомон Махмутпаша
 Площади полны голубей
 Из пристаней доносится стук
 Весенний ветер приносит запах пота
 Я слушаю Стамбул, мои глаза закрыты.
 Я слушаю Стамбул, мои глаза закрыты
 Моя голова еще кружится от похмелья
 прошлого
 Старый дом на берегу моря с закоптелым
 сараем для лодок;
 Посреди утихшего гвалта прибоя
 Я слушаю Стамбул, мои глаза закрыты.
 Я слушаю Стамбул, мои глаза закрыты;
 Красивая девушка проходит мимо по
 тротуару,
 Ругательства, песни, пристаивания
 Что-то падает из ее рук;
 Роза, должно быть,
 Я слушаю Стамбул, мои глаза закрыты.
 Я слушаю Стамбул, мои глаза закрыты;
 Птица порхает вокруг твоей юбки,
 Это пот на твоих бровях? Или нет? Я знаю.
 Твои губы влажные? Или нет? Я знаю.
 Белая луна встает над фисташками,
 Я чувствую это в биении твоего сердца
 Я слушаю Стамбул.

İstanbul'u dinliyorum, gözlerim kapalı;
 Kuşlar geçiyor, derken;
 Yükseklerden, sürü sürü, çığlık çığlık.
 Ağlar çekiliyor dalyanlarda;
 Bir kadının suya değiyor ayakları;
 İstanbul'u dinliyorum, gözlerim kapalı.
 İstanbul'u dinliyorum, gözlerim kapalı;
 Serin serin Kapalıçarşı
 Cıvılcıvıl Mahmutpaşa
 Güvercin dolu avlular
 Çekiç sesleri geliyor doklardan
 Güzelim bahar rüzgarında ter kokuları;
 İstanbul'u dinliyorum, gözlerim kapalı.
 İstanbul'u dinliyorum, gözlerim kapalı;
 Başımda eski alemlerin sarhoşluğu
 Loş kayıkhaneleriyle bir yalı;
 Dinmiş lodoların uğultusu içinde
 İstanbul'u dinliyorum, gözlerim kapalı.
 İstanbul'u dinliyorum, gözlerim kapalı;
 Bir yosma geçiyor kaldırımdan;
 Küfürler, şarkılar, türküler, laf atmalar.
 Birşey düşüyor elinden yere;
 Bir gül olmalı;
 İstanbul'u dinliyorum, gözlerim kapalı.
 İstanbul'u dinliyorum, gözlerim kapalı;
 Bir kuş çırpınıyor eteklerinde;
 Alnın sıcak mı, değil mi, biliyorum;
 Dudakların ıslak mı, değil mi, biliyorum;
 Beyaz bir ay doğuyor fisticların arkasından
 Kalbinin vuruşundan anlıyorum;
 İstanbul'u dinliyorum.

В данном стихотворении техника коллажа приобретает черты симультанного стиха – изобретения дадаистов. Сами дадаисты определяли данную технику как стих, который «учит смыслу сумбурной переключки всего на свете» [16, с. 7]. Также имеется сходство с секундным стилем (еще одной техникой, свойственной поэзии дадаистов), впервые выведенным натуралистами. В. Д. Седельник характеризует секундный стиль как «фиксацию мимолетных, постоянно меняющихся ощущений» [17, с. 31].

Технику коллажа мы можем наблюдать также в автобиографическом стихотворении поэта Ben, Orhan Veli (Я, Орхан Вели):

Я, Орхан Вели,
Автор прославленной строчки
«Жаль, что умер Сулейман-эфенди».
Я слышал, вы интересуетесь
Моей личной жизнью.
Что ж, расскажу:
В первую очередь, я человек,
То есть я точно не цирковое животное.
У меня есть нос, у меня есть уши,
При этом, они не очень пропорциональные.
Я живу в доме,
Работаю за столом.
Родился я у отца и матери.
Я не витаю в облаках
И не считаю себя святее Папы Римского.
Я не настолько скромн,
Сколько английский король,
И не такой аристократ,
Как конюх Джелял Баяра.
Очень люблю шпинат.
Пуф берег приводит меня в восторг.
Меня не интересует богатство и имущество,
Богом клянусь, не интересует.
Я хожу пешком,
Путешествую инкогнито.
Октай Рифат с Мелихом Джевдетом
Мои самые близкие друзья.
У меня есть подруга,
Очень уж благородная.
Имени ее называть не стану,
Пусть его выясняют историки литературы.
Пусть я тоже занимаюсь,
Я занимаюсь ими всегда, когда не занят
поэзией.
Кто знает,
Наверное у меня полчища тараканов в голове.
Но зачем же их перечислять?
Они такие же, как у всех.

Ben Orhan Veli
"Yazık oldu Süleyman Efendiye"
Mısra-i meşhurunun mübdii..
Duydum ki merak ediyormuşsunuz,
Hususi hayatımı,
Anlatayım:
Evvela adamım, yani
Sirk hayvanı falan değilim.
Burnum var, kulağım var,
Pek biçimli olmamakla beraber.
Bir evde otururum,
Bir işte çalışırım.
Ne başımda bulut gezdiririm,
Ne sırtımda mühür-ü nübüvvet.
Ne İngiliz kralı kadar
Mütevaziyim,
Ne de Celâl Bayar'ın
Sabık ahır usağı gibi aristokrat.
İspanağı çok severim
Puf böreğine hele
Biterim
Malda mülkte gözüm yoktur.
Vallahi yoktur.
Oktay Rifat'la Melih Cevdet'tir
En yakın arkadaşlarım.
Bir de sevgilim vardır pek muteber;
İsmi söyleyemem
Edebiyat tarihçisi bulsun.
Ehemmiyetsiz şeylerle de uğraşırım,
Meşgul olmadığım ehemmiyetsiz
Sadece üdeba arasındadır.
Ne bileyim,
Belki daha bin bir huyum vardır.
Amma ne lüzum var hepsini sıralamaya?
Onlar da bunlara benzer.

Техника коллажа в данном стихотворении характеризуется постоянной игрой с читателем: от тривиальных и незначительных вещей автор переходит к значительной личной информации, а затем — к личностям и событиям, имевшим

значение для всей Турции того времени. Отсылки к смерти Сулейман-эфенди, ко второму премьер-министру Республики Джемалю Баяру, к английскому королю выдают серьезные настроения автора, спрятанные за полушутливыми строчками.

Для поэтических коллажей Орхана Вели характерны стилизованная эклектика, динамичность повествования, разнообразие и контрастность образов. Посредством этих приемов, используемых авангардистами в общем и Орханом Вели в частности, каждая поэтическая строчка наделена высокой информативностью. Реципиенты вынуждены воспринимать и обрабатывать большое количество данных, противоречивых и контрастных образов, их взаимодействий, что подталкивает к сотворчеству: они перестают быть пассивными слушателями, поскольку оказываются втянутыми в творческий процесс и активное толкование символов. Восприятие окружающей действительности и ее метафизики в качестве единого целого подталкивает к быстрому расширению семиосферы читателя, развитию его когнитивных и аналитических способностей. Данный эффект был особенно важен для авангардистов, стремившихся освободить человека и его мышление, придать им широту и спонтанность.

Выбор автором техники коллажа объясняется мироустройством его эпохи и историческими событиями: для описания новой социокультурной действительности оказался необходим не только новый язык, но и новые стратегии его организации, в частности – коллаж. Обращение к этой технике обусловлено необходимостью ресемантизации языка, изменения его прагматики. Коллаж на символическом уровне конструирует и описывает новый мир, в котором все феномены действительности переданы во владение пролетариату, фигура поэта ничем не выделяется из читательской аудитории.

Список литературы

1. Русский авангард 1910–1920-х годов: проблема коллажа / Г. Ф. Коваленко, А. И. Демченко, А. Н. Успенский, А. Н. Иньшаков [и др.]. – М.: Наука, 2005. – 429 с.
2. Курочкина М. Н. Разочарование в иерархии. Заметки психолога о постмодернистской экзистенции // Культурология. – 2010. – № 1 (52). – С. 141–148.
3. Иванова М. Н. Особенности смыслообразования в коллаже (на материале романа Т. Толстой «Кысь») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2015. – № 1. – С. 304–308.
4. Гомес К.-Д. Принцип коллажности в пространстве современного мегаполиса: pro et contra // Культурная память и культурная идентичность. – 2016. – С. 263–267.
5. Няголова Н. Жанровый коллаж как средство киноязыка – 1980-е годы // Сборник трудов Факультета драмских искусств: Часовой Института за йозориште, филм, радио и телевизију. – 2008. – С. 219–225.
6. Рыжкина И. Б. Коллаж как средство формирования субъекта диалога культур // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 6 (12). – С. 91–98.
7. Переверзева М. В. Техника коллажа в творчестве Джона Кейджа // Временник Зубовского института. – 2018. – № 4 (23). – С. 33–34.
8. Можейко М. А. Коллаж // Постмодернизм: энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис, 2001. – С. 368–369.
9. Сковородников А. П. Контаминация словообразовательная // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 272–274.

10. Халиуллина А. Г. Структурно-повествовательное варьирование романа: поэтика коллажа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6-3. – С. 54–56.
11. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 384 с.
12. Можейко М. А. Коллаж // Постмодернизм: энциклопедия / сост и науч. ред.: А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис, 2001. – С. 368–369.
13. Сулейманова А. С. Литературный культ Орхана Вели Каныка // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филологические науки». – 2016. – Т. 2 (68). – № 3. – С. 167–177.
14. Orhan V. K. Bütün şiirleri / V. K. Orhan. – İstanbul: Yapı Kredi Yayınları. – 247 s.
15. Там же.
16. Прокофьев Д. С. Симультаный стих в русском рок-тексте или «Восточный» дадаизм в творчестве у Хоу Шэн Ши // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2000. – №3. – С. 7–10.
17. Седелник И. Д. Дадаизм и дадаисты / И. Д. Седелник. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 552 с.

Volodin A.N., Zhinova D.E. Recreating the World: a Modernist Collage in the Work of Orhan Veli // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 169–178

The article describes a specific strategy for organizing a sign system - a collage - in the work of the Turkish avant-garde poet Orhan Veli. This strategy spread at the beginning of the 20th century among representatives of revolutionary art movements because of the effectiveness of the collage as a means of resemantizing the significant universe of culture, giving new syntactic connections between images. The unique advantages of this technology compared to others are ease of use, visibility and versatility. Collage is not a leading technique in the work of Orhan Veli, but it is significant in the context of ideas for updating the poetic language, through which the author intends to directly influence the new audience for Turkish poetry – the proletariat. The features of using this technique in the poet's work are described on the example of three poems and an excerpt from the manifesto of the Garip movement, cited in the author's translation, the reasons for the Turkish avant-garde's search for a new poetic language and Veli's appeal to the collage are given. Based on the study, the authors made the following conclusion: the reasons why Orhan Veli chose the collage technique were the cultural, social and political-economic changes in Turkey in the first half of the XX century. Collage technique at the symbolic level constructs and describes a new world in which all phenomena of reality are transferred into the possession of the proletariat.

Key words: Collage technique; Simultaneous verse; Avant-garde; Modernism; Turkish avant-garde; The Garip movement; Orhan Veli.

References

1. Russkij avangard 1910–1920-h godov: problema kollazha [The Russian Avant-Garde of the 1910-1920s: the Problem of Collage]. Moscow, Nauka, 2005, 429 p.
2. Kurochkina M. N. Razocharovanie v ierarhii. Zametki psihologa o postmodernistskoj ekzistencii [Disappointment in the Hierarchy. Psychologist's Notes on Postmodern Existence]. Kul'turologiya.[Culturology]. 2010, Vol. 1 (52), p. 141–148.
3. Ivanova M. N. Osobennosti smysloobrazovaniya v kollazhe (na materiale romana T. Tolstoj «Kys'») [Features of Sense Formation in the Collage (Based on the Material of T. Tolstoy's Novel "Kys")]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. [Bulletin of Tver State University. Series: Philology]. 2015, № 1, p. 304–308.
4. Gomes K.-D. Princip kollazhnosti v prostranstve sovremennogo megapolisa: pro et contra [The Principle of Collage in the Space of a Modern Metropolis: Pro et Contra]. Kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost' [Cultural Memory and Cultural Identity]. 2016, p. 263–267.
5. Nyagolova N.Z. Hanrovij kollazh kak sredstvo kinoyazyka – 1980-e gody [Genre Collage as a Means of Cinema Language – 1980s]. Zbornik radova Fakulteta dramskikh umestnosti: Chasoviis Instituta za izorishte, film, radio i televiziju [Proceedings of the Faculty of Dramatic Arts: Journal of the Institute of Jazz Theater, Film, Radio and Television: Whose Press]. 2008, p. 219–225.

6. Ryzhkina I. B. Kollazh kak sredstvo formirovaniya sub"ekta dialoga kul'tur [Collage as Means of Forming a Subject of Dialogue of Cultures]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of science]. 2014, № 6 (12), p. 91–98.
7. Pereverzeva M. V. Tekhnika kollazha v tvorchestve Dzhona Kejdza [Collage technique in the work of John Cage]. *Vremennik Zubovskogo instituta* [Edition of the Zubovsky Institute]. 2018, № 4 (23), p. 33–34.
8. Mozheiko M. A. Kollazh [Collage]. *Postmodernizm: entsiklopediya*. Minsk, Interpresservis, 2001, p. 368–369.
9. Skovorodnikov A. P. Kontaminatsiya slovoobrazovatel'naya [Word-building Contamination]. *Kul'tura russkoi rechi: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian Speech. Encyclopedic Dictionary-Reference]. Moscow, Flinta; Nauka, 2003, p. 272–274.
10. Khaliullina A. G. Strukturno-povestvovatel'noe var'irovanie romana: poetika kollazha [Structural-narrative Variation of the Novel: Collage Poetics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2017, № 6-3, p. 54–56.
11. Il'in I. P. Postmodernizm. Slovar' terminov [Postmodernism. Glossary of Terms]. Moscow, Intrada, 1996, 384 p.
12. Mozheiko M. A. Kollazh [Collage]. *Postmodernizm: entsiklopediya* [Postmodernism: Encyclopedia]. Minsk, Interpresservis, 2001, p. 368–369.
13. Suleimanova A. S. Literaturnyi kul't Orkhana Veli Kanyka [Literary cult of Orhan Veli Kanyk]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. Philological science]. 2016, Vol. 2 (68), № 3, p. 167–177.
14. Orhan V. K. Bütün şiirleri [All his poems]. Istanbul, Yapı Kredi Yayınları, 247 p.
15. Ibidem.
16. Prokof'ev D. S. Simul'tannyj stih v russkom rok-tekste ili «Vostochnyj» dadaizm v tvorchestve u Hou Shen Shi [Simultanian verse in Russian rock text or "Eastern" Dadaism in the works of Hou Sheng Shi]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian Rock-Poetry: Text and Context]. Ekaterinburg, 2000, № 3, p. 7–10.
17. Sedel'nik I. D. Dadaizm i dadaisty [Dadaism and Dadaists]. Moscow, IMLIRAN, 2010, 552 p.

УДК 130.2:316.74

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ОБЩЕСТВАХ МОДЕРНА

Кузьмин Н.Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: kuzsim@rambler.ru

Коллективная память имеет свою специфику в разные культурные эпохи. В модерне она приобретает особые черты. Изучение коллективной памяти модерна лучше всего осуществлять путем её сравнения в качестве идеального типа с феноменами коллективной памяти в другие культурно-исторические эпохи.

В современном обществе память играет важную историческую и, в целом, социокультурную роль. Для современных обществ характерна как концептуализация исторического знания, так и активное его использование в политических целях. Модерн – это эпоха создания «больших» нарративов и коллективная память здесь выступает как один из вариантов такой практики. В модерне коллективная память не переплетена с сакральным, а выступает эрзацем сакрального в секуляризованном обществе.

В процессах конструирования наций прогрессизм и историзм были спаяны сциентизмом, обоснование создаваемых социально-политических национальных конструкторов требовало при этом ссылок на научное знание. История в коллективной памяти современных обществ выступила в роли инструмента своеобразного «трансцендирования» государства в процессе строительства его национального варианта, тогда как с обычными государственными функциями справлялись наднациональные империи и династические государства.

Современным обществам свойственен внутренний плюрализм, научный характер исторического знания подразумевала возможность дискуссии и объективных критериев определения истинности или ложности. Коллективная память модерна не исключает критической направленности. Интерпретация значения и причин исторических событий может «предъявлять счет» предкам, искать в их действиях ошибки. Актуальная дискуссия о путях развития общества в качестве исходной предпосылки может содержать анализ «неправильного» выбора в прошлом.

Историческое сознание модерна строилось по оси «прошлое – настоящее – будущее». Модерн был устремлен в будущее, но такая устремленность и сама ось требовали своеобразной исходной точки. Поэтому общество модерна опирается на память, отталкивается от нее, в отличие от традиционного общества, которое в коллективную память погружено.

Ключевые слова: коллективная память, историческая память, модерн, конструирование нации, идеология, нарратив.

Универсальный для человеческой истории феномен коллективной памяти ярко проявляется в современных обществах и на определенном этапе становится объектом научных исследований. Обладая спецификой на разных этапах социокультурного развития, коллективная память приобретает особые черты в модерне, а, получив статус предмета научных изысканий, именно современная коллективная память становится своеобразным идеальным типом в ряду схожих феноменов. В условиях применения сравнительно-исторического метода раскрыть сущности коллективной памяти модерна лучше всего не через ее исследование самой по себе, а путем сравнения коллективной памяти модерна как

«идеального типа» (в веберовском смысле) с другими культурно-историческими типами коллективной памяти. **Цель** нашей статьи: раскрыть особенности коллективной памяти модерна путем сравнительно-исторического анализа социокультурных трансформаций по оси традиционное общество – модерн.

Хотя для современной социокультурной ситуации современная коллективная память во многом уже осталась в прошлом, в мире продолжают играть значительную роль общества, осуществляющие процесс модернизации в исходном смысле этого слова - как трансформация традиционной социальности в современную. Продолжается и характерный для модерна процесс конструирования наций и строительства национальных государств, который мы можем наблюдать на постсоветском пространстве. Реализуется он зачастую постмодернистскими методами, но по лекалам современных практик, да и современные постмодернистские технологии конструирования коллективной памяти выросли из этих современных практик. Все это обуславливает **актуальность** исследования особенностей коллективной памяти в современных обществах.

Проблематика памяти о прошлом и ее роли в социальных, политических, культурных процессах, фиксируемая в понятиях «коллективная память», «историческая память», «политика памяти» представлена широким кругом исследований. Ими являются:

анализ использования памяти в актуальной политической борьбе [1, с.46–53] и конституировании актуальных социумов и групп [2, с. 152–156];

исследование формирования и функционирования мемориальных пространств и памятных мест [3, с. 132–136], а также общих закономерностей формирования исторических нарративов [4, с. 152–156],

изучение методов и технологий реализации культурной политики, патриотического воспитания [5, с. 125–132]. Сравнительно-историческое исследование трансформаций и культурной изменчивости феноменов коллективной памяти в научной литературе пока не нашло надлежащего отражения.

Ранее нами были раскрыты особенности коллективной памяти в традиционных обществах, показано, что в них общественное сознание было «погружено» в память, в которой исторический опыт существенно преобразался и дополнялся воображаемым, а легитимность исторической интерпретации обеспечивалась верой [6, с. 119–120]. В современных обществах память продолжает играть важную роль. В некоторых аспектах ее значение даже увеличивается, поскольку современу свойственно рациональное конструирование метанарративов (либерализм, национализм, марксизм), которые, с одной стороны, значительно изменяли социальную реальность, а с другой – основывались на конструктах коллективной памяти. Однако коллективная память в эпоху модерна приобретает иные характеристики, поскольку происходит полная инверсия ценностных приоритетов: замена традиции прогрессом.

Временные границы эпохи модерна продолжают оставаться дискуссионными. Существует ряд точек зрения, сравнительное исследование которых представлено в научной литературе [7, с.11–13], но их анализ не входит в задачи нашего исследования. Под эпохой модерна мы будем понимать исторический период, который начинается в Западной Европе в XVI в. и заканчивается после Великой Французской революции. Причем, начало его представляет собой длительный переходный период, когда новое современное сочеталось с традиционным. В других регионах мира модерн реализовывал себя в результате культурной диффузии на протяжении XVIII – XX вв. Четкую культурную границу между культурными эпохами провести трудно.

Верхняя культурная граница модерна – предмет дискуссии еще и по той причине, что нет согласия по вопросу об окончании эпохи модерна. Одни исследователи используют термины «второй модерн» или «поздний модерн» (тем самым все же признавая социокультурную специфику современности), другие пишут о начале новой культурной эпохи – постмодерне. В любом случае, есть культурная специфика по отношению к прежним векам модерна и начало ее появления и развития относят к 60-70 гг. XX в. Это не исключает сохранение современных практик и в виде институциональной инерции, и в виде их применения для решения стоящих перед обществом задач.

Для современных обществ характерна как концептуализация исторического знания, так и активное его использование в политических целях. Ведущие творцы национального исторического нарратива Франции Адольф Тьер и Франсуа Гизо в своей политической деятельности в первой половине XIX в. достигли высших постов – министров и главы правительства. То есть статус историка становится чрезвычайно высоким, особенно в политической деятельности, поскольку историки создавали единство общества, в котором постепенно утрачивали свое значение религия, сословная дополнительность, династическая легитимность и которое требовалось связать мифом общей судьбы. Именно в модерне история страны утвердилась как жанр историографии. Профессиональные историки стали работать не на сегменты общества (династии, институты), а на общество в целом. Да и общество как концепт, обозначающий единство страны, всех граждан государства – дитя современной науки. В. В. Титов в этой связи указывает, что «политика идентичности, какой бы она ни была по своему содержанию и направленности, всегда в той или иной мере опирается на коллективный образ прошлого, систему исторических представлений, сложившихся в обществе. Причем, государство как использует данные представления для формирования целостной «матрицы» идентичности, поддержания связи поколений, так и преобразует, интерпретирует их» [8, с. 41].

Выход на первый план исторического обоснования политического единства современного государства, конструирование наций при помощи исторических нарративов в культурную эпоху, поставившей на вершину иерархии ценностей устремленность в будущее и новаторскую деятельность, на первый взгляд парадоксален. В культуре, где новое изначально ценнее старого, а вера в прогресс получила почти сакральный статус, история в качестве исследования и повествования, вдруг стала фундаментом обоснования главного политического института – государства. Почему так произошло? Разве недостаточно для конституирования национального государства наличия языкового и культурного единства?

Упор на историческое обоснование был свойственен не только идеологии национального строительства. Марксизм, главный соперник национализма в борьбе за поддержку масс, в качестве обоснования образа предлагаемого будущего выдвинул картину исторического процесса, в которой нарратив извечной борьбы эксплуататоров и эксплуатируемых стал обоснованием актуальных политических практик и их цели. В основе марксизма лежали и экономические, и философско-антропологические изыскания, но их оказалось недостаточно. Марксизм стал источником не только политических движений, но и способа осмысливать историю. Этот способ не только дал много для историографии, но и стал основой конституирования картины исторического процесса, подгонки фактов под идеологическую ангажированность. Мог ли марксизм состояться как успешная идеология без конструирования картины исторического процесса? Вопрос риторический – исторический век предписывает свои законы.

Продолжая эту традицию, современный неомарксизм в лице, например, И. Валлерстайна, отказавшись от формационной теории, пытается создать новую картину исторического процесса, обосновывая предстоящий крах капитализма уже не реализацией смысла истории в виде победы пролетариата в извечной классовой борьбе, а исторической неизбежностью истощения источников капиталистического мира-экономики [9, с. 59–101].

В случае национокструирования парадокс симбиоза прогрессизма и историзма объясняется тем обстоятельством, что XIX в. – это не только период торжества национального государства, это и век доминирования научного мировоззрения. Прогрессизм и историзм были спаяны сциентизмом, поскольку обоснование создаваемых социально-политических национальных конструкторов требовало согласно «духу времени» ссылок на научное знание. Национализм не мог, как марксизм, найти себе фундамент в экономических статистических выкладках и обратился к исторической науке. Благодаря трудам историков национальное строительство обрело научное обоснование, а национализм как идеология получил требуемое подкрепление в виде ссылок на институализированное научное знание. В свою очередь, идеологические устремления стимулировали развитие исторической науки в соответствии с установками данной идеологии и интересами, которые она выражала.

Можно предположить, что большое значение, придаваемое историческому знанию при конструировании коллективной памяти в современных обществах, представляет собой своеобразную компенсацию за устремленность этих обществ в будущее. Коллективная память в этом случае призвана связать общим смыслом прошлое, как обоснование естественности складывающейся идентичности, настоящее как место ее конструирования и будущее как предполагаемое качественное состояние общества. Отсюда и широкое распространение афористических утверждений, подчеркивающих единство прошлого и будущего, их причинно-следственную связь. Л. П. Репина в своей работе «Опыт социальных кризисов в исторической памяти» приводит слова из обращения научно-педагогического Общества преподавателей истории, опубликованного в Петрограде летом 1918 г.: «Прошлое дает форму настоящему и жизнь будущему. Насыщенность исторической памяти и сознание ценности своей истории, вместе с волей совместно растить и множить эту ценность, делают народность нацией. Школа закрепляет эту память и формирует эту волю. Она хранит живую преемственность поколений и строит мост от лучших традиций прошлого к будущему» [10, с. 18]. Муравьева Л. Е., анализируя закономерности формирования нарративов коллективной памяти, показала структурную и целевую взаимосвязь прошлого и будущего в коллективной памяти: «Рассказы о прошлом несут наиболее оперативную информацию о сценариях развития событий и помогают спрогнозировать будущее под влиянием моделей историй, хранящихся в коллективной памяти. Нарратив как источник знания оказывается мощнейшим инструментом конструирования версий будущего, а одна из его функций сводится к риторике предсказания, предостережения или прогноза» [4, с. 59].

Теперь перейдем к описанию особенностей формирования и функционирования коллективной памяти модерна. Для лучшего понимания эпистемологических основ формирования коллективной памяти в модерне обратимся к сравнению ее с традиционной эпохой. Коллективная память традиционного общества весьма произвольна – герметична и поэтому не-фальсифицируема альтернативными версиями прошлого. В эпоху до модерна в области истории практически отсутствовали критерии точного знания, а, значит, конструирование коллективной памяти не сдерживалось объективной исторической истиной, демаркации между точным знанием о прошлом и мифом не было. Все, что

мешало позитивной идентичности, легко предавалось забвению, поскольку производство и воспроизводство памяти было делом ограниченной группы специалистов, а в случае народного эпоса оно регулировалось стихией массового сознания.

В эпоху модерна ситуация с формированием коллективной памяти, которая бы поддерживала позитивную идентичность, усложняется. Это связано с тем, что появляются трансграничные коммуникации между альтернативными версиями прошлого и одновременно возрастает ценность объективной истины. Поэтому становится меньше возможностей произвольно конструировать представления о прошлом. Модерным обществам свойственен и внутренний плюрализм, сциентизация исторического знания подразумевала, в том числе, и возможность дискуссии с объективными критериями определения истинности или ложности позиции участника дискуссии. То есть креативность конструкторов памяти получила серьезные ограничения.

Однако это не снимало задачи конструирования памяти, работающей на позитивную идентичность, и обоснования тех или иных политических претензий. Поэтому огромное значение приобретают стратегии интерпретации, которые позволяют выполнять данные задачи, несмотря на факты, которые дает историческая наука. Модерн создал возможности для этого в своих практиках больших нарративов.

Модерн – это эпоха создания больших нарративов, когда коллективная память выступала как один из вариантов таких практик. В рамках нарративных практик отдельные, пусть и «неприятные» для идентичности факты, получали новое значение, будучи вписанными в масштабную картину исторического процесса, смысл которого определялся насущными задачами строительства наций и актуальными политическими интересами.

В модерне коллективная память уже не переплетена с сакральным, а выступает эрзацем сакрального в секуляризованном обществе. Наиболее ярко это проявляется в идеологии национализма, о которой У. Альтермат справедливо сказал следующее: «В XIX и XX веках национализм занял место религии. Национальное чувство в качестве функционального элемента взяло на себя интегративную функцию религии. Национализм идет навстречу религиозному состоянию человека и заменяет собой религию в качестве силы современного общества, формирующей общности. Более подробный анализ национализма показывает на самом деле, что он содержит псевдорелигиозные элементы. Это выражается, например, в том, что он действует с помощью тех же средств, что и церковь, и имеет сакрально-литургические формы. Люди приветствуют национальный флаг как самое святое, они поют гимны стран» [11, с.140–141].

Препарирование истории в коллективной памяти в современных обществах стало инструментом трансформации государства, которую мы бы назвали своеобразным «трансцендированием». Поясним эту мысль. Обоснование власти государственных институтов вне необходимости ведения войн или обеспечения создания и функционирования ирригационных систем, всегда представляло проблему. Если в предшествующий период времени право государства и его лидеров обосновывалось через те или иные отсылки к сакральной природе их власти, то секуляризирующиеся общества модерна уже не воспринимали таких аргументов. Но потребность превращения государства из посюстороннего института, инструмента, задача которого – политическая организация общества, защита его членов от внутренних и внешних угроз, в нечто независимое от граждан (или подданных), имеющее свою природу вне сегодняшнего дня, осталась.

Строительство национального современного государства нуждалось в таком превращении, в трансформации его в некую метафизическую сущность, поскольку с обычными государственными функциями справлялись наднациональные империи и династические государства. Историческое знание в виде сконструированной коллективной памяти и выступило инструментом такого процесса. В традиционных обществах он чаще всего осуществлялся за счет утверждения о божественном происхождении правителя или идеи о его сопричастности сакральному в виде помазания, заключения священного брака и т.п. В модерне такая стратегия уже не работала. Поэтому государство стали представлять как защитника памяти предков, продолжателя их славных дел. Отсюда совершенно нерациональные, на первый взгляд, попытки как-то «удревнить» новые государства, которые создавались в целях строительства будущего. Об этих современных практиках, но уже с постмодернистской откровенностью говорилось на заседании одного киевского «круглого стола» под названием «Каким должен быть современный учебник истории Украины?». На нем профессор Ю. И. Шаповал прямо заявил: «Чтобы легитимизировать понятие независимой Украины, Украинского государства в публикациях историков, особенно учебника по истории, изображались определенные эпохи, события, люди, приводились доказательства существования собственной истории» [12].

Одно из первых использований националистического дискурса в Европе в период, когда секуляризация еще не стала актуальным социокультурным процессом – это утверждение о том, что Бог был англичанином. В 1559 г. будущий епископ Лондона Джин Эймер провозгласил, что Бог – англичанин и призвал своих соотечественников семь раз в день благодарить Его, что они родились англичанами [13, с. 297]. Однако в XIX в. такой вариант уже не проходил, поэтому в качестве инструментов трансформации природы государства использовалась коллективная память, которую пришлось усилить новой исторической наукой. Последняя, перейдя от жанров жизнеописаний и хроник политических событий к исследованию истории народов, стала (в том числе и помимо своей воли) способом формирования нового качества коллективной памяти, на основе которой и осуществлялось конструирование такого своеобразного «трансцендентного» национального государства.

Стратегия переконструирования истории реализовывалась и в рамках формирования либеральной идеологии и политико-правовой доктрины. Здесь способом трансформации сущности государства стал миф о договорном происхождении государства – полагаю, что это миф в полном смысле этого слова, поскольку ничего подобного в реальной истории никогда не было. XVII век, время рождения этого политико-философского мифа, стало временем перехода от традиционного общества к обществу модерна. В это время еще работает логика предшествующей культуры в виде мифологического конструирования, но мы видим уже и новую современную тенденцию – использование коллективной памяти для создания идеологий.

Коллективная память модерна не исключает и критической направленности. Интерпретация значения и причин исторических событий может «предъявлять счет» предкам, искать в их действиях ошибки, даже «предательство интересов». Актуальная дискуссия о путях развития общества в качестве исходной предпосылки может иметь анализ «неправильного» выбора в прошлом. Пример тому – Петр Чаадаев и его «Философские письма». Поиск ошибок в прошлом делается и с целью оправдания существующего положения вещей, и для морального назидания. Типичный пример такого конструирования – интерпретация причин завоевания русских княжеств монголо-татарами: если бы русские князья объединились, то смогли бы отстоять независимость Руси. А так

называемое монголо-татарское иго стало объяснением отставания России в историческом развитии от Европы. Такие интерпретации играли роль создания нормативных моделей (ценность единства государства), обоснования необходимости изменений и решения вопроса о том, какое наследие прошлого необходимо преодолеть в настоящем и ближайшем будущем. О таком творческом характере коллективной памяти писал Э. Трёльч, утверждая, что историческое время посредством «памяти, влечения и преследования определенной цели властвует над прошлым и будущим, и в творческие моменты становится продуктивным» [14, с.509].

В этом смысле современная коллективная память вполне демократична – на отдельные недостатки и ошибки можно указывать даже в отношении «священных коров» прошлого, точно также как критическому обсуждению, анализу плюсов и минусов подлежит любая политическая, социальная, экономическая деятельность настоящего. Коллективная память традиционного общества, наоборот, строится по принципу дихотомии: в ней присутствуют либо позитивные, либо негативные персонажи. Очевидно, что их положительность или отрицательность определяется позицией (династической, религиозной) интерпретатора.

Развитие в модерне – это не непрерывный трафик, оно проходит через череду кризисных периодов, в том числе и социокультурных, сопровождающихся кризисами идентичности в обществе. Такого рода кризисы, как правило, сопровождаются активизацией памяти о прошлом, на что указывал Пьер Нора [15], впрочем, кризис сам по себе мотивирует обращение к традиционному и устоявшемуся. Как указывал П. Штомпка, «период стагнации или кризиса – экономического, политического, культурного – немедленно оживляет традиции. В трудные времена люди обращаются к опыту предков, ищут убежища от повседневных тревог и забот в прошлом» [16, с. 99]. Современное общество, попав в кризисное состояние, начинает обращаться к прошлому в поисках уроков, истоков кризиса, исходных точек для выбора нового пути.

Если обратиться к классификации исторического сознания немецкого историка Йорна Рюзена (традиционный, назидательный, критический, генетический типы) [17, с. 39–60], то мы увидим, что в современном описании истории и основанной на нем коллективной памяти можно обнаружить все типы нарративов, проанализированных Рюзеном. Традиционный тип утверждает незыблемость исторической преемственности, назидательный обращает к необходимости извлечения уроков из прошлого, критический – задает возможность переоценки – как прошлого, так и способов его истолкования, а генетический понимает историю как изменение, как процесс, сочетающий преемственность и изменчивость. В зависимости от ситуации коллективная память модерна поворачивается той или иной стороной, но генетический тип в ней превалирует.

Выводы. Историческое сознание модерна строилось по оси «прошлое – настоящее – будущее». Модерн был устремлен в будущее, но такая устремленность и сама эта ось требовали своеобразной исходной точки. Поэтому общество модерна опирается на память, отталкивается от нее, в отличие от традиционного общества, которое в коллективную память как бы погружается. Современные общества конструировали коллективную память для использования ее в качестве исходного тезиса обоснования своего существования. Такое обоснование мы видим и в том, что коллективная память служила в качестве предпосылки построения социальных и политических нарративов. Миф о договорном происхождении государства стал исходной точкой для либерализма. Национализм в прошлом видел истоки единства нации, прав этой нации на политическую субъектность и обоснование неизбежности продолжения ее существования в будущем. Марксизм представлял свой

проект социально-политического устройства как завершение исторического процесса борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами. Такое понимание роли коллективной памяти в обществах модерна снимает противоречие между значением коллективной памяти в настоящем общества модерна и устремленностью этого общества в будущее.

Список литературы

1. Кирчанов М. В. Историческая наука в политических дебатах и национальном строительстве (постсоветский опыт) / М. В. Кирчанов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5 (21). – С. 46–53.
2. Жуков Д. С. Формирование исторической памяти и образа желаемого будущего как инструменты социального развития / Д. С. Жуков, С. К. Лямин // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – №11 (057). – С. 152-156.
3. Грива О. А. Памятники культурного наследия как носители смыслов истории / О. А. Грива // Природа и человек в пространстве культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой Году экологии в РФ (кафедра этики, культурологии и связей с общественностью факультета философии и социологии БашГУ (г. Уфа, 27 апреля 2017 г.). Часть 1 / Отв. ред. З. Я. Рахматуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 132–136.
4. Муравьева Л. Е. Нарративная репрезентация риска и коллективная память: к постановке проблемы / Л. Е. Муравьева // Новый филологический вестник. – 2018. – №1 (44). – С. 57-68.
5. Антипов Г. А. Как и зачем нужно изучать историю в школе и университете? / Г. А. Антипов // Высшее образование в России. – 2013. – №8–9. – С. 125–132.
6. Кузьмин Н. Н. Особенности коллективной памяти в традиционных обществах / Н. Н. Кузьмин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Политология. Культурология. – 2017. – Том 3(69). – №2. – С. 114-124.
7. Зуляр Ю. А. Модерн как парадигма и развитие ее в реальность / Ю. А. Зуляр // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2015. – Т.13. – С. 9-27.
8. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции / В. В. Титов. – Москва: Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.
9. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / И. Валлерстайн. – Изд. 2-е, испр. – Москва: URSS: Ленанд, 2017 – 299 с.
10. Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти / Л. П. Репина // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л. П. Репиной. – Москва: ИВИ РАН, 2012. – С.3–37.
11. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. – М.: РГГУ, 2000. – 367 с.
12. Яким має бути сучасний підручник з історії України? URL: (Дата обращения: 01.10.2018).
13. Лурье С. В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов / С. В. Лурье. – Москва: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
14. Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / Э. Трельч. – М: Юрист, 1994. – 719 с.

15. Нора П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2-3 (40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (Дата обращения: 01.10.2018).
16. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
17. Рюзен Й. Кризис, травма, идентичность / Й. Рюзен // «Цепь времён». Проблемы исторического сознания. Сб. статей / Отв. ред. Л. П. Репина. – Москва: ИВИ РАН, 2005. – 256 с.

Kuzmin N. N. Features of the Use of Collective Memory in Modern Societies // Scientific Notes of Crimean Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology. – 2019. – Vol.5 (71) – №4. – P. 179–188.

Annotation. Collective memory has its own specifics in different cultural epochs, It acquires a special features in modernity. The disclosure of the sense of collective memory of modernity is best done by comparing the collective memory of modernity as an ideal type with the phenomena of collective memory in other cultural and historical epochs. In modern societies, memory plays an important role, as in the previous period of history. In some aspects, its value even increases. Modern societies are characterized both by the conceptualization of historical knowledge and its active use for political goals. Modern is the era of the creation of large narratives, and collective memory acted as one of the versions of such practices. In modernity collective memory is no longer intertwined with the sacred, but it acts as an ersatz of sacral in a secularized society.

In the processes nations constructing, progressivism and historicism were welded together by scientism, the justification of the created sociopolitical national constructs demanded according to the "spirit of the time" references to scientific knowledge. History in collective memory of modern societies has acted as a tool for transcending of the state. The construction of a national modern state required transcendence, since supranational empires and dynastic states were able to cope with ordinary state functions. Historical knowledge as a form of constructed collective memory has become an instrument of such transcendence.

Modern societies are characterized by domestic pluralism, the scientific nature of historical knowledge implied the possibility of discussion with objective criteria for determining truth or false. The collective memory of modernity does not exclude a critical focus. Interpretation of the meaning and causes of historical events can "present an account" to ancestors, look for fails in their actions. The current discussion about the ways of social development may have an analysis of the "wrong" choice in the past.

The historical consciousness of modernity was built on the basis of the axis "past - present - future". Modernity was directed to the future, but such an aspiration, the whole axis, required a some "starting point". Therefore, modern society is based on memory, repelled by it, unlike traditional society, which is "immersed" in collective memory.

Key words: collective memory, historical memory, modern, nation-building, ideology, narrative.

References

1. Kirchanov M. V. Istoricheskaya nauka v politicheskikh debatakh i natsional'nom stroitel'stve (postsovet'skiy opyt) [Historical Science in Political Debate and National Construction (Post-Soviet Experience)]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and Socio-educational Thought]. 2013, № 5 (21), P. 46–53.
2. Zhukov D. S. Formirovaniye istoricheskoy pamyati i obraza zhelayemogo budushchego kak instrumenty sotsial'nogo razvitiya [Formation of Historical Memory and Image of the Desired Future as Tools of Social Development]. Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy [Socio-economic Phenomena and Processes]. 2013, №11 (057), P.152-156.
3. Griva O. A. Pamyatniki kul'turnogo naslediya kak nositeli smyslov istorii [Monuments of Cultural Heritage as a Medium of Historical Meanings]. Ufa, RITS BashGU, 2017, P. 132–136.
4. Murav'yeva L. Ye. Narrativnaya reprezentatsiya riska i kollektivnaya pamyat': k postanovke problem [The Narrative Risk Representation and Collective Memory: to the Formulation of the Problem]. Novyy filologicheskiy vestnik [New Philosophical Bulletin]. 2018, №1 (44), p. 57-68.
5. Antipov G. A. Kak i zachem nuzhno izuchat' istoriyu v shkole i universitete? [How and why is it Necessary to Study History at School and the University?]. Vyssheye obrazovaniye v Rossii [High Education in Russia]. 2013, №8-9, p.125–132.

6. Kuzmin N. N. Osobennosti kollektivnoy pamyati v traditsionnykh obshchestvakh [The Features of Collective Memory in Traditional Societies] Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of Crimean Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology]. 2017, Vol. 3(69), №2, P.114-124.
7. Zulyar Y. A. Modern kak paradigma i razvitiye yeye v real'nosti [Modern as a paradigm and its development into reality]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedeniye» [News of Irkutsk State University. Political Science. Religious Studies]. 2015, Vol. 13, p. 9-27
8. Titov V. V. Politika pamyati i formirovaniye natsional'no-gosudarstvennoy identichnosti: rossiyskiy opyt i novyye tendentsii [Memory Policy and the Formation of National-state Identity: Russian Experience and the New Trends]. Moscow, Printing House «Vash format», 2017, 184 p.
9. Vallersteyn I. Mirosistemnyy analiz. Vvedeniye [World-Systems Analysis: An Introduction]. Moscow, URSS: Lenand, 2017, 299 p.
10. Repina L. P. Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoy pamyati [The Experience of Social Crises in Historical Memory]. Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoy pamyati [The Crises of Critical Eras in Historical Memory]. Ed. By L. P. Repina. Moscow, IVI RAN, 2012, pp. 3–37.
11. Al'termatt U. Etnonatsionalizm v Yevrope [An Ethnonationalism in Europe]. Moscow, RSGU 2000, 367 p.
12. Yakym mae buty suchasnyy pidruchnyk z istoriyi Ukrainy? [What should a Modern Textbook on the History of Ukraine be?] URL: <http://www.istpravda.com.ua/digest/2011/07/13/45566/> (Accessed: 01.10.2018).
13. Lur'ye S. V. Istoricheskaya etnologiya: uchebnoye posobiye dlya vuzov [Historical Ethnology: a Textbook for Universities]. Moscow, Aspekt Press, 1997, 448 p.
14. Tryol'ch E. Istorizm i ego problemy. Logicheskaya problema filosofii istorii. Moscow, YUrist, 1994, 719 p.
15. Nora P. Vsemirnoye torzhestvo pamyati [A world triumph of memory] Neprikosnovennyy zapas [Emergency Ration]. 2005, № 2-3, (40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (Data obrashcheniya: 01.10.2018).
16. Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy [Sociology of Social Changes]. Moscow, Aspekt Press, 1996, 416 p.
17. Ryuzen Y. Krizis, travma, identichnost' [Crisis, Injury, Identity]. Moscow, IVI RAN, 2005. – 256 p.

Сведения об авторах

Акулинин В.Н. – аспирант направления подготовки Социальная философия, Кафедра современных проблем философии, факультет философии, Российский Государственный Гуманитарный Университет, г. Москва.

E-mail: akulininvn@gmail.com

Берестовская Д.С. – д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры культурологии.

E-mail: verynya.58@gmail.com

Воеводин А.П. – д-р филос. н., профессор, г. Луганск.

E-mail: voevodin.47@mail.ru

Володин А.Н. – к. культурологии, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, старший преподаватель кафедры культурологии.

E-mail: stburah@gmail.com

Грива О.А. – д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, заведующая кафедрой религиоведения.

E-mail: ogriva@yandex.ru

Гросфельд Е.В. – кандидат политических наук, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, доцент кафедры политических наук и международных отношений.

E-mail: alegros@mail.ru

Житова Д.Е. – обучающаяся, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, магистрант направления подготовки Культурология.

E-mail: jitova_darina@mail.ru

Занг Динь Ле Хонг – аспирант, г. Севастополь, Севастопольский государственный университет.

E-mail: giangdinh@yandex.ru

Коротченко Ю.М. – д-р филос. наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, доцент кафедры социально-гуманитарного профиля.

E-mail: yuliyakor03@gmail.com

Кузьмин Н.Н. – к. филос. н., доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, доцент кафедры религиоведения.

E-mail: kuzsim@rambler.ru

Лазарев Ф.В. – д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии естественнонаучного. профиля
E-mail: fellazarev@rambler.ru

Львов А.А. – к. филос. наук, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания.
E-mail: a.lvov@spbu.ru

Машукова Е.Ю. – кандидат филос. наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, доцент кафедры истории и философии.
E-mail: lilacrainbow@yandex.ru

Мильшин А.О. – соискатель кафедры философии социально-гуманитарного профиля, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.
E-mail: andrey-milshin@yandex.ru

Ставицкий А.В. – кандидат философских наук, доцент, г. Севастополь, Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, доцент кафедры истории и международных отношений.
E-mail: stavis@rambler.ru

Тимохин А.М. – кандидат философских наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского.
E-mail: philosecon@gmail.com

Топчиев М.С. – кандидат политических наук, г. Астрахань, Астраханский государственный университет, научный сотрудник лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики регионов Нижнего Поволжья и Прикаспия.
E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Ходосов Т.Н. – магистрант второго года обучения кафедры политических наук и международных отношений КФУ им В.И. Вернадского.

Холова Л.А. – младший научный сотрудник, г. Астрахань, Астраханский государственный университет, научный сотрудник лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики регионов Нижнего Поволжья и Прикаспия.
E-mail: lyubov.kholova@yandex.ru

Хриенко Т.В. – доктор социологических наук, профессор, академик Крымской Академии наук, Лауреат государственной премии Республики Крым в номинации «наука и научно-техническая деятельность», г. Симферополь, Крымский федеральный университет

им. В.И. Вернадского, профессор кафедры политических наук и международных отношений.

E-mail: t.v.khrienko@mail.ru

Черный Е.В. – доктор психологических наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, декан факультета психологии, заведующий кафедрой социальной психологии.

E-mail: cherney56@mail.ru

Шафинская Н.В. – директор Российского центра науки и культуры в г.Ханое, аспирант Института права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России.

E-mail: shafinskaya06@gmail.com.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Акулинин В.Н. Перспективистский подход к исследованию диалогичности. Анализ фигуры свояк-враг Эдуарду Вивейруша де Кастру.....	3
Воеводин А.П. Нравственный рассудок (антропология морали).....	13
Грива О.А., Мильшин А.О. Потенциал религиозных ценностей для социального благополучия современной семьи.....	23
Коротченко Ю.М. Критика идеологии в контексте феноменологической герменевтики	33
Лазарев Ф.В. Формирование принципа интервальности в контексте революционных открытий физики XX в.....	41
Львов А.А. Социально-политический и критический аспекты в современной истории философии.....	51
Машукова Е.Ю. Гуманистическая ревизия марксизма: влияние идей А. Герцена на философию М. Лифшица.....	63
Ставицкий А.В. Развитие мифа во времени: обоснование проблемы.....	72
Тимохин А.М. Понятие «экстремизм» в контексте доктрины толерантности.....	85
Топчиев М.С., Холова Л.А. Специфика трансформации института семьи на постсоветском пространстве.....	95

ПОЛИТОЛОГИЯ

Гросфельд Е.В., Ходосов Т.Н. Формы реализации и перспективы развития внешних связей республики Крым в современных условиях.....	104
Занг Динь Ле Хонг Китайская инициатива «Пояс и Путь» и её влияние на формирование новой системы международных отношений.....	115

Хриенко Т.В. Отношение крымской молодежи к основным институтам государственной власти Украины (1991-2014 гг.).....	125
Черный Е.В. Политическая социализация крымской молодежи в динамике	135
Шафинская Н.В. «Мягкая сила» как инструмент гуманитарной политики России и проблемы ее реализации в отношении Вьетнама.....	149

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Берестовская Д.С. Рецензия культуролога на коллективную монографию «Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания».....	162
Володин А.Н., Житова Д.Е. Пересоздание мира: модернистский коллаж в творчестве Орхана Вели.....	169
Кузьмин Н.Н. Особенности использования коллективной памяти в обществах модерна.....	179
Сведения об авторах.....	189
Содержание.....	192

About the Authors

Akulinin V.N. – Postgraduate student in the field of training Social philosophy, Department of Modern Problems of Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow.
E-mail: akulininvn@gmail.com

Berestovskaya D.S. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Full Professor of the Department of Culturology.
E-mail: verynya.58@gmail.com

Chernyi E.V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Dean of the Faculty of Psychology, Head of the Department of Social Psychology.
E-mail: cherney56@mail.ru

Giang Dinh Le Hong – Postgraduate, Sevastopol, Sevastopol State University.
E-mail: giangdinh@yandex.ru

Griva O. A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Head of the Department of Religious Studies.
E-mail: ogriva@yandex.ru

Grosfeld E.V. – Candidate of Political Sciences, Simferopol, Crimean Federal V.I. Vernadskiy University, Associate Professor at the Department of Political Science and International Relations.
E-mail: alegros@mail.ru

Khodosov T.N. – 2 year master student of the Department of Political Science and International Relations, Crimean Federal of V. I. Vernadskiy University.

Kholova L. A. – Junior Researcher, Astrakhan, Astrakhan State University, Researcher at the Laboratory for the Study of Socio-Political and Cultural Dynamics of the Lower Volga and Caspian Regions.
E-mail: lyubov.kholova@yandex.ru

Khrienko T.V. – Doctor of Social Sciences, Professor, Member of the Crimean Academy of Science, laureate of the State Prize of Crimean Republic in “Science, Scientific and Technical Activity” category, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Professor of the chair of political sciences and international relations.
E-mail: t.v.khrienko@mail.ru

Korotchenko Y.M. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University.
E-mail: yuliyakor03@gmail.com

Kuzmin N.N. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University.
E-mail: kuzsim@rambler.ru

Lazarev F.V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Full Professor.
E-mail: fellazarev@rambler.ru

Lvov A.A. – Candidate of Philosophical Sciences, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University, Senior lecturer at the Department of Ontology and Epistemology.
E-mail: a.lvov@spbu.ru

Mashukova E. Yu. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg, Military space Academy named after A. F. Mozhaysky.
E-mail: lilacrainbow@yandex.ru

Milshin A.O. – Applicant for the Department of Philosophy of Social and Humanitarian Profile, Simferopol, V.I. Vernadskiy Crimean Federal University.
E-mail: andrey-milshin@yandex.ru

Shafinskaya N.V. – Director of the Russian Center for Science and Culture in Hanoi, graduate student of the Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
E-mail: shafinskaya06@gmail.com

Stavitskiy A.V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Sevastopol, Branch of Moscow State University named after MV Lomonosov in Sevastopol, Associate Professor of the Department of History and International Relations.
E-mail: stavis@rambler.ru

Timokhin A.M. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University.
E-mail: philosecon@gmail.com

Topchiev M. S. –Candidate of Political Sciences, Astrakhan, Astrakhan State University, Researcher at the Laboratory for the Study of Socio-Political and Cultural Dynamics of the Lower Volga and Caspian Regions.
E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Voevodin A.P. – Doctor of Philosophy, Lugansk.
E-mail: voevodin.47@mail.ru

Volodin A.N. – Candidate of Culturology, Simferopol, V.I. Vernadskiy Crimean Federal University, Lecturer of Culturology.
E-mail: stburah@gmail.com

Zhitova D.E. – Student, Simferopol, V.I. Vernadskiy Crimean Federal University.
E-mail: jitova_darina@mail.ru

CONTENT

PHILOSOPHY

Akulinin V.N. Perspective Approach to Research of Dialogicity. Analysis of Figure Own-alien Eduardo Viveiros De Castro.....	3
Voevodin A.P. Moral Reason (Anthropology of Morality).....	13
Griva O.A., Milshin A.O. Potential of Religious Values for Social Welfare of the Modern Family.....	23
Korotchenko Y.M. Problematization the Criticism of Ideology in Phenomenological Hermeneutics.....	33
Lazarev F.V. The Formation of the Of Interval Approach in the Context of the Revolutionary Discoveries of Physics of the XX Century.....	41
Lvov A.A. Social-Political and Critical Aspects in Contemporary History of Philosophy.....	51
Mashukova E. Yu. Humanistic Revision of Marxism: the Influence of the Ideas of Herzen on the Philosophy of M. Lifshitz.....	63
Stavitskiy A.V. The Development of Myth in Time: the Rationale for the Problem.....	72
Timokhin A.M. The Concept of "Extremism" in the Context Doctrine of Toleration.....	85
Topchiev M.S., Kholova L.A. Specificity of Transformation of the Family Institute in the Post-Soviet Space.....	95

POLITICAL SCIENCE

Grosfeld E.V., Khodosov T.N. Forms of Realization and Prospects of Development of External Relations of the Republic Of Crimea in Modern Conditions.....	104
Giang Dinh Le Hong China's "Belt and Road" Initiative and Its Influence on the Formation of a New System of International Relations.....	115
KhrienkoT. V.Crimean Youth on the Main Institutions of State Power of Ukraine (1991-2014).....	125

Chernyi E.V. Political Socialization of Crimean Youth in the Dynamics.....	135
Shafinskaya N.V. "Soft Power" as an Instrument of Humanitarian Policy of Russia and Problems Its Implementation Toward to Vietnam.....	149

CULTUROLOGY

Berestovskaya D.S. Review of a Culturologist on the Collective Monograph "The Diversity of Human Capital: Cultural and Social Foundations"	162
Volodin A.N., Zhinova D.E. Recreating the World: a Modernist Collage in the Work of Orhan Veli.....	169
Kuzmin N. N. Features of the Use of Collective Memory in Modern Societies...	179
About the authors.....	194
Content.....	196